

НИКИТА ЧИРКОВ

A movie poster for the film 'Вновь: Слово свидетеля'. The background is a dark space scene. On the right, a large, detailed Earth is shown, with blue oceans and white clouds. In the center, a large, dark, cylindrical object with several glowing red horizontal bands is visible. In the bottom left corner, a futuristic spacecraft is shown in motion, with blue energy trails behind it. The title 'ВНОВЬ' is written in large, white, bold Cyrillic letters, with the subtitle 'Слово свидетеля' in smaller white Cyrillic letters below it. The name 'НИКИТА ЧИРКОВ' is at the top in white Cyrillic letters. A small logo is in the bottom right corner.

ВНОВЬ

Слово свидетеля

Никита Владимирович Чирков

ВНОВЬ: слово свидетеля

Серия «ВНОВЬ», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70492552

SelfPub; 2024

Аннотация

На третий день своего похода Бэккер совершал невозможное и непростительное, дабы успеть подготовиться ко встрече с великим Варваром – космическим существом неизвестного происхождения, чья гробница расположена на обратной стороне Целестина, мертвого спутника планеты Кома. Ради победы над этим общим врагом бывшие друзья, а ныне заклятые враги, вынуждены объединиться и присоединиться к Бэккеру. Но это не помогло. Уже впоследствии, с помощью внезапного союзника на Целестине и древнего Осколка, Люба и Настя в отчаянной попытке изменить трагичный исход неравной битвы с Варваром попадают во временную петлю. Вынужденные вновь и вновь возвращаться в тот самый третий день, вопреки серьезным разногласиям и внутренним конфликтам, они идут на ужасные жертвы ради человечества, которое при любом итоге никогда не узнает об их подвиге.

Содержание

1	5
2	17
3	25
4	32
5	40
ТЕМА ПИСЬМА: Извинение	45
6	49
7	54
8	62
9	69
10	76
ТЕМА ПИСЬМА: Целестин	81
11	86
12	99
13	104
14	113
15	121
16	133
17	138
18	142
19	156
20	161
21	165

ТЕМА ПИСЬМА: Осколки	177
22	181
23	187
24	190
25	194
26	199
ТЕМА ПИСЬМА: Варвар – Первобытный	206
27	213
28	219
29	223
30	227

Никита Чирков

Вновь: слово свидетеля

1

Вот уже несколько часов Люба поглощена черным полотном космического пространства, где звезды не видны человеческим глазам из-за своей чрезмерной отдаленности. Если бы не достижения науки, то человечеству солнечной системы ИМБ никогда не был бы ведом хоть какой-то признак жизни вне их маленького мира. И вот она все смотрит и смотрит, вновь подавленная тоской от несбыточной мечты совершить путешествие в открытый космос вместе со своей матерью. Единственный раз аналогичный нынешнему отлет с планеты произошёл при иных условиях: ее погрузили в глубокий сон, дабы срезать для нее трехмесячный путь между планетами до мгновения. Заснув на планете Опус, Люба проснулась уже на планете Кома, где они с мамой планировали начать новую жизнь. Это было слишком давно, пусть и кажется событием недавним, чуть ли не вчерашним. Вот Люба и сама не понимает, почему сейчас ее так трогает эта уже несбыточная мечта, исполнение которой было ей неподвластно с самого начала. Легкими заключениями она приходит к выводу, что

дело не в причинах внезапного отлета с Комы, пусть те и остаются главным вопросом не только сегодняшнего дня, но и, пожалуй, будут ключевым предметом грядущей дискуссии с капитаном орбитальной станции Эфир на предмет изучения спутника Комы Целестин. Вот это и является главным источником ее неровного эмоционального состояния, пропитывающего мысли самым примитивно-детским страхом с помесью возбуждения перед грядущими неотвратимыми переменами. Спутник Целестин станет либо конечной точкой ее слишком долгого и непростого пути, либо же наконец-то даст возможность по-настоящему начать новую жизнь. Почему-то здесь у нее нет ни капли сомнений. Как и нет сомнений в том, что они заручатся поддержкой Эфира в их походе на спутник. Но не из-за некоего доброго ощущения, рожденного в момент объятий безмятежного космоса, – нет, тут все иначе: либо Эфир пойдет навстречу, либо его заставят, ибо ставки за последние два дня возросли достаточно высоко, чтобы не чураться жертв на пути к цели.

Сама не заметив, Люба машинально вытерла редкие слезы со щек, удивившись их наличию уже по итогу действия. Угольная чернота Вселенной была видима ею впервые вне планет, так что, увлеченная этим чистым контактом, она пережила целую гамму эмоций с важными заключениями. Вновь она познала чуть ли не физически прикосновение времени, уместившего в какие-то два часа ожидания целую историю приспособления чувств и размышлений. Возможно,

впервые она благосклонна к тому, как бог времени одарил ее своим вниманием в этот уникальный момент ее жизни, помогая космосу скрыть ее от преследующего всю жизнь одиночества. Приложив руку к небольшому иллюминатору, Люба уже хотела вслух сказать богу судьбы: «Скоро увидимся».

– Иди за мной. – Люба обернулась и увидела Бэккера, чей тяжелый взгляд происходил от вполне оправданного недоверия в ее адрес. Если он тридцати лет от роду, был почти лысым, худым и словно грубо вырезанным из камня, с глазами пережившего слишком многое, то она же, скорее ближе к изящным пятидесяти, была его противоположностью – необычайно красивая, добрая и при этом неподвластная пониманию, словно существо из иного мира. Они были двумя сторонами одной истории, разобраться в границах и влиянии которой мало кому будет подвластно, что в каком-то смысле сохраняет для нее хоть какую-то интригу вокруг этого человека.

– Не считай меня врагом.

– Если бы считал, то не стал бы звать на переговоры с Эфиром. – Произнесено это было с тягучей претензией, аккуратно подчеркивающей недоверие к ней. Таков он был: дерзкий, своевольный, привыкший полагаться на упрямость в любой момент. И сейчас она спровоцировала его на доказательства своей правоты одним спорным для него утверждением, запустив запоздалый процесс официального знакомства, где в первую очередь надо отработать сделанные друг

о другие заключения. Остается просто подыгрывать, спокойно одобряя его попытку утвердить свой авторитет перед ней. Кивнув, она позволила ему двинуться дальше, ибо согласие с ним, как и покорность его воле, необходимо было показать.

На этом звездолете, который помог им выбраться с Комы, не было гравитации, что вынуждало ее привыкать к невесомости в кратчайшие сроки. Еще одно новое ощущение, разделить которое она по-детски хотела с мамой. Этот приятный образ упущенного единения помог скоротать те недолгие пять минут, требующиеся для передвижения прямо к шлюзу на станцию Эфир. Состоящая из шести больших отсеков станция удивляла Любу своим одновременно простым и изящным дизайном, впечатляя яркими тонами многофункциональных систем, встроенных в стены, пол и потолок. Ощущение открытия давно укоренилось в ней лишь с негативной стороны, сулящей суровый путь адаптации с неопределенными границами влияния на ее жизнь. Но тут получилось вспомнить, что такое радоваться этому новому, а не бояться непредвиденных последствий. На какие-то несколько минут это получилось распробовать без плохого послевкуся.

Встретив персонал Эфира на мостике, Люба лишний раз убедилась, как сильно они с Бэккером выделяются на их фоне: грязная, потрепанная последними днями одежда лишь доказывала принадлежность к индустриальному городу Монолиту и тому, с каким кошмаром он столкнулся за послед-

ние два дня. В центре находилась нынешний капитан Эфира, первое впечатление от которой почти всегда было ошибочным: при возрасте в тридцать пять лет она выглядела значительно моложе, один ее направленный взгляд и слово – и вместо женщины с нежными чертами лица и большими добрыми глазами, которые подчеркивались рыжими пышными волосами, появлялся сосредоточенный мыслитель без намека на изящество или грацию.

– Здравствуйте. Меня зовут Изабелла, капитан Эфира. Бэккер решил дождаться вас, прежде чем начать.

Люба специально украдкой взглянула на виновника этой встречи и ожидаемо увидела непреклонного, волевого и упрямого человека, моментально напомнив то время и место, когда она впервые узнала о его существовании. При этом сам он сейчас на нее внимания не обращал.

– Меня зовут Любовь. – Она обернулась к Изабелле и скорее делала заявление, требуя заслуженного уважения. – Я назначенный Игорем Козыревым, главнокомандующим Монолита, архиепископ церкви Наставления планеты Кома. У меня есть официальные документы колонии о праве не только вести проповеди, но и предоставлять волеизъявление народа города Монолита.

Недолгая тишина лишь увеличила напряжение между ними.

– Сейчас у нас три часа ночи. – Изабелла говорила емко, четко дробя информацию, неуклонно навязывая зритель-

ный контакт оппоненту. – Чуть-больше суток назад Монолит подвергся нападению хищников нового биологического вида. На грузовом транспорте эвакуировано около ста пятидесяти – двухсот тысяч человек. Подсчет еще ведется. Сейчас они летят к столице. Статус главнокомандующего неизвестен. Раз вы назначены представлять народ Монолита, почему вы сейчас здесь?

Приятное удивление от этого места выветрилось, вернув ее в русло суровой реальности.

– Лететь до Опуса три месяца. Я верю, что за это время люди смогут осознать гибель колонии. Но вот принять – вопрос более сложный. Я должна принести им не надежду – ответы.

– Эти три месяца станут для них серьезным испытанием. – Изабелла рассудительно собирала общую картину, выискивая возможные недочеты. – Транспорт грузовой, криокамер там на пару человек персонала, не упоминая провиант, который, по последним сведениям, ограничен. Опус уже выслал гуманитарную помощь и дополнительный транспорт навстречу. И если и говорить о помощи людям, то сейчас надежда им важнее, чем гипотетическая правда в неопределенном будущем.

– Мы не планируем искать ответы так долго. Чем быстрее приступим, тем меньше шанс разлада в обществе из-за конфликта объективного и субъективного. Три месяца и правда долгий срок. В наших руках сделать так, дабы большую часть

пути эти люди провели с четким ориентиром на будущее и объяснением сокрушительного прошлого. Опус встретит не разобщенную конфликтами толпу, а объединенный эмоциональными травмами и единым знанием народ.

– Только если эти самые ответы их устроят. Всегда можно сделать хуже. Возможно, ложь сейчас будет полезней. А раз так, то почему не дать этим людям....

– Потому что потом придется решать уже две проблемы. – Сами того не замечая, Люба и Изабелла напоминали мать и дочь, чей далеко не первый спор подпитывается слишком похожими характерами. Также Бэккер подметил некую схожесть в их лицах, а при заметной разнице в возрасте, они и вправду казались родственные друг другу. – Что бы я или кто-либо им не сказали, это пустит жизненно важные корни, за которые люди будут держаться, ибо ориентиров в нашем мире осталось слишком мало. Представь, что будет с людьми, когда их постигнет известие о спасающей их все эти месяцы лжи. Принять новое всегда трудно. Спасенные сейчас принесут разрушение потом. Ложь в нашем случае не работает на долгосрочную пользу.

Бэккер был впечатлен. Люба властвовала, но при этом получала удовольствие в наставлении молодой Изабеллы, не скрывающей внезапного комфорта в этом интересном столкновении с мудрым собеседником.

– Не стоит брать на себя лишнюю ответственность, Изабелла.

– В этом и проблема. Я уже ее взяла.

После этого она обратилась к Бэккеру. Общее положение сил немного сместилось: Люба отстояла позицию, создав третью сторону, оставив Бэккера одного.

– Я понимаю, вы многое пережили, последние два дня послужили суровым испытанием для всей колонии. Но сейчас все иначе, и ты это знаешь. Мне решать, отправлять ли мою команду рисковать жизнью на Целестин ради того, ценности чего мне неподвластны в понимании. Эфир способен заняться эвакуацией оставшихся на Коме, координировать разведку и помогать команде в изучении этого нового врага.

– Я не прошу идти за мной. – Бэккер старался говорить вразумительно, но получалось грубовато. – Мне нужен мой лагерь, кое-какие припасы и Лорн для разведки. Все ровно то же и с тем же применением, ради чего здесь я и ты. Хочешь эвакуировать возможных выживших? Вперед. Только не забудь посчитать места на Эфире и количество еды. Также напомним, что там придется рискнуть своей жизнью и жизнью Гаскоина. Но и это не главное. Если не будет приказа улетать, то рассчитывай на серьезный конфликт за припасы, что сулит разрушительным конфликтом не только для персонала, но и для самой станции, чья ценность для человечества всегда будет выше пары десятков гражданских. Давай уже попростому. Я знаю тебя. Ты не пойдешь ни против приказа, ни уж тем более на риск в зоне своей ответственности.

– Я должна знать.

– Скажи, – Бэккер проигнорировал взывание Изабеллы к разумному разговору. – Есть приказ послать меня куда подальше и заняться чем-то другим? Нет? Тогда я рад, что потратил время на усмирение твоих страхов. Теперь тормозить не будем.

– Подожди. Разве присутствует повод для спешки? – Удивленная Изабелла искала у Любы пояснения, но та была непреклонным наблюдателем. – Здесь безопасно. Опус уже отправил помощь. Зачем рисковать малыми силами, да еще и уставшими, если задача столь важна?

– Так. Послушай меня внимательно. Во-первых, я не обязан отчитываться перед тобой. Все вот это – лишь жест доброй воли. Во-вторых, фактов у меня нет, лишь теории, распространение которых без подтверждения или опровержения может внести смуту и быть неправильно интерпретировано. Мы идем туда, к искусственным пещерам спутника, разведаем, подумаем, возьмем пробы, потом я дам ответ, который ты сможешь зафиксировать в официальном отчете. Либо сидим без дела, либо делаем то, ради чего меня сюда отправили мать с отцом, а тебя запрягли помогать.

Слушая это, Изабелла ощутила подступающую потерю терпения. Ее тревожило не то чтобы сокрытие конечной цели Бэккера – значительно больше раздражало ощущение безысходности, ибо несколько сторон равносильно друг другу используют ее ради своих целей.

– Я не думаю, что твоя семья сейчас...

– Они построили столицу Опус. Я вроде как из тех самых разбалованных богатеев, разве нет? Вот именно. В прошлый раз у тебя с этим не было проблем.

– Какой прошлый раз? – Изабелла удивилась не на шутку. Бэккер чуть запнулся, многозначительный и краткий перегляд с Любой лишь усугубил непростое состояние Изабеллы.

– Изабелла, – Люба постаралась увести разговор в другое русло, – я понимаю, нам всем очень страшно. Сейчас на Кома господствуют создания планеты, этакий естественный враг людской расы. Их много, и они сильны. На первый взгляд, эти животные не имеют признаков интеллекта, лишь стадное поведение. Игорь Козырев, Техгруппа и я – мы все сошлись во мнении, что вопрос наличия этих Особей вне планеты Кома значительно менее важен, нежели поиск способа их устранения.

Уже спокойней Бэккер произнес:

– Я продолжаю этот проект не ради себя или моей богатой, ценящей лишь свои деньги семьи. Усвой этот факт.

– Бэккер. – Изабелла продолжила аккуратно детализировать свою позицию. – Если я не узнаю причину, описать которую в отчете смогу без домыслов и теорий, то мне придется доложить руководству о подозрениях в неправомерных действиях. Разрушена не просто целая колония, а колония с претензией на независимость от Опуса. Ты прилетел сюда на незарегистрированном транспорте с персоналом вне доверенного листа кандидатов. Мне легче легкого донести свои

подозрения в твоей преданности Опусу, что без промедления поставит и одну из главных семей столицы в неудобное положение. Более того, по закону я обязана провести полный досмотр всего содержимого неизвестного мне транспорта и его персонала, чье содержание под стражей до дальнейших указаний свыше укладывается в правила ведения переговоров Опуса.

Несколько минут они смотрели друг на друга.

– Если бы хотела, то сейчас мы бы здесь не разговаривали.

– Не понимаю этого заявления.

– Иза...

– Откуда ты знаешь это прозвище?

– ... я знаю, карьерная лестница всегда манила тебя чуть-чуть больше примерной репутации. Просто не мешай мне, будь на связи – и станешь для истории большим, чем пустое имя для потомков в истории падения Монолита.

– Считайте это распорядительностью ресурсом Эфира. «Усыпить горе забвением столь же оскорбительно, сколь губительно жизни сопротивление преобразованию».

– И как мне истолковать это...

– «Боритесь с тем, что вынуждает вас бояться знаний устных и письменных». Я поделюсь с вами экземпляром Наставления.

– Мне не нравится эта... эта безопасная неизвестность, которую вы мне навязываете. Но все же смысл в этом я понимаю. К тому же один день мало что решает.

Изабелла направила свой взгляд на компьютерную панель справа и приказала Гаскоину и Лорну подготовиться к высадке лагеря на Целестин. После этого Бэккер и Люба покинули мостик, скорее желая добраться до звездолета и сообщить остальным о результатах. Но только они подтянулись к переходному шлюзу, как Люба вывела его на серьезный разговор:

– Обладая информацией о ее тяге к карьере, ты воспользовался ею с непонятным для меня запозданием.

– Это была ложь. Карьера ее не интересует. Во всяком случае незаслуженная. Я блефовал, чтобы дать ей повод выкрутиться, иначе одобрение вылета на Целестин оказалось бы слишком подозрительным.

– Понятно. Ты решил проверить ее позицию. Человек открывается с неожиданной стороны в условиях жизненного риска.

Бэккер молчал, мысли его были для Любы не такими далекими, как он сам мог считать. Этот человек не только проверил Изабеллу на стрессоустойчивость и верность, но и прощупал поле дозволенности, ограничить которое Опус должен был незамедлительно, во имя спасения сына высоких лиц столицы. С одной стороны, Люба вновь восхитилась его упрямством и смекалкой, ведь этой встречей он и ее саму проверил, вынудив оправдываться перед капитаном. С другой стороны, Люба пока не знает, поверил ли он искренне в ее ложь о своей должности и мотивах.

2

Звездолет, на котором они смогли спастись с планеты Кома, не имел ни названия, ни серийного номера или даже модели. Собранный не пойми кем и когда, он имел грузовой отсек в десяток метров высотой и глубиной и пять шириной, причем отцепляющийся цельным контейнером при желании. Внутри же все было просто: кабина для пилота и штурмана соединялась коридором с жилым отсеком, одна половина являлась спальнями и криокамерами, другая же – столовой с тренажерными инструментами, потому что невестомости здесь не было.

С момента отлета к Эфиру, не сразу принявшего стыковку, прошло часа три. За это время никто ни с кем не разговаривал, пусть тем для обсуждения было более чем предостаточно. Лишь когда Бэккер позвал Любу на долгожданные переговоры с Изабеллой, остатки Техгруппы, занявшие стол в столовой, кое-как зародили диалог, немного успев отдохнуть.

Оскар и Настя, чуть ли не обнявшись, держась друга за друга, уже поддаваясь спасительной привычке, заняли одну сторону стола. Напротив была Рода, успевшая пару часов поспать прямо на этом месте, куда пробралась и зацепилась ремнем еще до отлета. Она подняла голову и долго смотрела

с какой-то наивной улыбкой на уставших Оскара и Настю.

– Вы бы знали, как я рада видеть ваши лица.

Она зачесала черные волосы в сторону, открыв лицо.

– Откуда у тебя это? – Настя чуть подалась вперед, вглядываясь в несколько тонких линий наискосок лица от хирургических швов.

– Первая Особь успела оставить свой след. Думаю, не буду прятать их. Пусть напоминают. Мне казалось, ты успела их разглядеть.

– Но не успела спросить.

– Тут я тебя понимаю.

Свет был приглушен, позволив мраку отхватить значительное пространство, подарив лишь небольшому куску света область для людского наполнения. Все трое, пусть и не ушли сильно дальше тридцати лет возраста, но под гнетом трагедий покрылись угрюмым настроением не меньше, чем царапины и синяки занимали их плоть. Если у Оскара все еще было в рамках мужского нрава, то вот вид девушек вызывал лишь заразительную боль от пережитых кошмаров: золотистые, пышные волосы Насти потеряли свою красоту, став колким подобием соломы, скрывающим в обрамлении синяки на лице, при этом черные короткие волосы Роды теперь немного зачесаны наискось, параллельно швам и ссадинам на подбородке, которых на самом ее теле преимущественно больше. Некогда Настя была проявлением доброты и заботы, чья наивность даже зарекомендовала себя раздра-

жающей обузой, а вот Рода же – наоборот: волевой характер подпитывал наглую дерзость на провокации, порой излишне вредя репутации дочери главы Техгруппы. Настя и Рода были яркими противоположностями друг друга и лучшими подругами, и если последнее вновь заиграло красками, то вот, к счастью или нет, различия между ними заметно стерлись.

– А почему вы не там? Оскар у нас сынок главнокомандующего Монолита, ты – руководитель Техгруппы. – Рода старалась звучать по-свойски дерзко.

– Ну... – начал с некоторым разочарованием Оскар. – Мой авторитет в Монолите мало имел веса на самом деле. Для Эфира он вообще равен нулю так же, как и какой-то там начальник Техгруппы, – без обид. – Он направил это Насте, которая, чуть подумав, немного расцвела, сказав Роде с оттенками уважения:

– Меня официально так и не назначили на должность. И сейчас я понимаю, что больше этого не хочу. Твой отец заслужил быть единственным, первым и последним лидером Техгруппы. Пусть с ним все и закончится.

Роде понравилось услышанное, хотя напоминание об отце было сопряжено с горьким чувством утраты. После этого они несколько минут молчали. Больше всего приходилось бороться с тишиной и покоем, внезапно ставшими чем-то чужеродным под влиянием водоворота бесконтрольных инцидентов, чья концентрация соревновалась с необузданными последствиями. Даже говорить спокойным тоном при чи-

стом воздухе было непривычно: уж слишком много им приходилось кричать последнее время.

В целом здесь и сейчас им мало хотелось обсуждать Бэккера, Любу и причины формирования этого странного с этими людьми союза. Чтобы хоть чуть-чуть заглушить тишину, Рода решила поднять более простую, но от того и внезапно пугающую тему:

– Вот уж не думала, что вы парочкой станете. – Настя и Оскар засмутились, ощутили себя подростками, которых прилюдно начали обсуждать сверстники, причем сама Рода обожала такие моменты, выводя людей в неловкое положение простыми фактами. – Не, я, конечно, все понимаю, любовь в период войны – штука еще более ценная и все такое. Оскар у нас вон возмужал как, я даже немного завидую, да и ты, подруга, расцвела, на фоне тебя теперь я выгляжу миленькой девочкой.

– Я рада, что твое чувство юмора никуда не делось.

– Эй, я же не осуждаю. Мне кажется, вы хорошо смотрите вместе.

Настя и Оскар скромно улыбнулись.

– Интересно, что бы сказал мой отец. Просто, когда мы с тобой, Оскареноч, встречались, он бесился жутко.

– Почему это звучит так, словно ради этого ты и решила за мной приударить? – Оскар захотел включиться в этот подростковый разговор, ощущая дуновения ностальгии безмятежного времени.

– Может, потому, что так и есть? Извини, если разбила сердце, красавчик.

– Еще кто кому разбил.

– Кстати, я с тобой встречалась, чтобы и Настю побесить! – начала Рода весело.

– Чего?! Она все врет. Опять выдумала, и понеслось.

– Да ладно, я видела твои перегляды с ним. Даже Андрей видел.

– Помнится, – Оскар вновь рассуждал, – после нашего с тобой разрыва ты и со всеми окончательно перестала дружить, даже работу...

– Не, – Настя перебила его рассуждениями, – это же было до тебя, когда она поссорилась с отцом, опять, и... или нет? Я, если честно, уже запуталась даже.

– Какие же вы хорошие, друзья, – саркастично ознакомила Рода. – Как хорошо все помните. Хотя я допускаю, что путаница вызвана кое-каким незнанием... как бы это так сказать, исторических сведений моей жизни.

Настя и Оскар заинтригованно ожидали.

– Сначала я начала с тобой флиртовать, потому что... ну ты красавчик же, да еще и отца это бесило. Но потом я кое-что узнала. – Рода задумалась, потерла лицо ладонями и, собравшись с силами, сказала то, что сама еще толком не приняла до конца: – Мы с отцом редко находили общий язык. С каждым годом все трудней и трудней. Ну и оказалось вдруг, что... я не его дочь. Да, прикиньте. Это странно, но я точно

помню, что мы на Опусе были, типа, ну, семьей. Мы прилетели на Кому двенадцать лет назад, и я хорошо, очень хорошо помню эти двенадцать лет. Но вот Опус... воспоминания вроде бы есть, но почему-то в единую последовательность плохо складываются. В общем, мы как-то с ним опять ругались, а он же тактичный, мудрый, не то что я... Ну правда и вскрылась. Я хотела откровения – я его получила.

Лица Насти и Оскара выражали неподдельное удивление.

– Я не знала.

– Теперь знаешь. Оба знаете. Все тогда стало вываливаться из рук.

– Из-за этого ты ушла к копателям? – Оскар говорил серьезней, наконец впервые разглядев в ней кого-то большего, чем беспечную и эгоистичную девушку.

– В основном.

– А как... кто, я имею в виду, твои настоящие...

– Андрей сказал, что они были его друзьями. Погибли, когда мне было пять лет. Вот он и взял меня, чтобы... ну, воспитать нормально. Я так про них и не узнала, потому что мы тогда поссорились, и последующие годы я... Характер взял свое. Мне казалось, лучше их и не знать. Вот такая история.

Тяжелая атмосфера настигла их внезапно, побудив к осмыслению незавидного положения. Оскар заговорил будто бы для себя, желая озвучить неприятный факт в надежде переварить его.

– Я только что понял... мы втроем одни теперь. Ни у ко-

го из нас не осталось больше родителей. Да и друзей рядом нет. Те кто остались там вряд ли выжили. Очень непривычно это понимать, да? Я к тому, что еще пару дней назад все было отлично. Было в своих привычных рамках. Не просто это принять... что все погибли на Комере... Некоторые погибли, чтобы мы с вами выжили. Это много стоит.

Грустное заключение должно было омрачить и без того тяжелый момент, но внезапно в них пробудилась добрая благодарность друг другу.

– Спасибо. – Рода почти плакала. – Спасибо, что не бросили меня. Я не хочу быть одна. – Все трое взяли за руки, закрепляя благодарность друг другу чем-то неосязаемым, чистым и добрым, где одного взгляда и улыбки было более чем достаточно, чтобы поверить в некое единство. Это был чудесный момент счастья людей, потерявших почти все и обретших сейчас нечто новое.

– На самом деле я рада, что вы вместе. Думаю, вы хорошо друг другу подходите.

Настя и Оскар взглянули друг на друга с заботливой улыбкой, обоюдно сталкиваясь и борясь с вопросом: почему они вообще сошлись? Неужели только из-за нужды быть рядом, ибо натиск окружения в последние дни на Монолите уничтожал все вокруг и они зацепились друг за друга ради спасения? Искать истину сейчас совершенно не хотелось.

– Главное, что мы втроем, можем друг на друга рассчитывать.

– До сих пор удивляюсь, как ты повзрослел, Оскар. Вы оба круто повзрослели. – Рода хотела обращать внимание и радоваться преобразению друзей, ей это было нужно, чтобы не остаться наедине с собственным безумием, проистекающим из самых глубин ее первобытного инстинкта выживания. Они стали ей примером, таким ориентиром для сохранения лучшего в самой себе. Причем ее друзья это понимали, оттого и заботились, желая хоть один раз спасти близкого человека. Вопреки странному чувству незаслуженного счастья, пусть и невинного, они все равно рады чему-то человеческому, дружескому и честному.

3

Он сам выбрал грузовой отсек как место своего обитания на пути к Целестину. Темнота смешивается с тишиной, пряча его от ненавистного мира, вполне обоснованно ставившего его в ряд с самыми ужасными созданиями. Все было так, как он считал нужным. Кроме одного. Мучитель, что внезапно преследует его во тьме, вмещиваясь в последний мирный момент оставшейся жизни, извращая саму пустоту, позволяя содеянному кошмару напомнить о себе. Все происходит в голове, но кажется, сама материя не способна содержать в себе чудовища большего, чем те, чьи зубы и клыки уничтожили целый Монолит. Зафиксированные в момент искажающей саму человечность смерти образы людей пронзали темноту, исчезая и появляясь так быстро и громко, словно его швырнули в некий оползень, пытающийся сделать его единым со своим составом. Каждое лицо, немощный крик и сам акт смерти приносили какую-то невыносимую физическую боль, заглушающую все возможные мысли. Все, кроме одной: среди танца боли и смерти не было той единственной, должной стать точкой в его прошлом, перед кратким грядущим. Причем тот факт, что он понимает ее отсутствие, говорит о наличии переживания, следовательно... Да, он должен был забыть ее, как самое опасное для себя создание! Но

почему-то все еще помнит. Помнит. Помнит и любит все так же, как и всегда. Вот она, мука, должная... Должная что? Разве есть смысл от этих страданий, когда единственное, что его ждет, – смерть? Он летит на Целестин ради смерти в победе над тем, мстить кому Бэккер намерен, не щадя никого и ничего. Если Петя сейчас сдастся или ослабнет, то сам мир рухнет, так что ему нужно оставаться тем монстром, каким он стал по своей воле, ибо заменить его в грядущем возмездии будет попросту некому. Надо терпеть.

– Я рада, что твое упрямство никуда не делось. Хотя здесь больше подходит самопожертвование. Ты перестал чувствовать руки и ноги, почти лишился отклика спины, на подходе полный паралич, но это все тебя не волнует, ты даже к Насте не обратишься, а ведь она доктор, могла бы и... А, я поняла – ты не веришь в ее желание помочь тебе. Или ты не хочешь этого? Не совсем разумное решение. Скорей всего, дело в Осколках, которые питают эту броню. Этот источник энергии не совсем пригоден для человека, ты давно это понял. Если ничего не предпринять, то отмирание клеток станет меньшей из проблем. Как только будет затронут спинной мозг, эта броня станет не только твоей могилой, но и неуправляема из-за повреждения мозга. Юст постарался, адаптировал чип управления для управления простой мыслью. Но что если ты не успеешь к драке? Что если не доживет твое тело? Разуму некуда отсюда деться. Молчишь. Забавно, эта броня защищает от солнечной радиации, но то, что пи-

тает эту броню, убивает тебя изнутри. Вот за это я и не любила вашу науку Опуса – один плюс создает один минус, что обесценивает развитие самого человека. Ну так что, будешь все же меня игнорировать? Я не заслужила этого.

Голос Ингрид был безумным продолжением бесконечного оползня, добавляя в него остаточную панику от сирены воздушной тревоги, эхом доносящейся отовсюду, словно из нее состоит сама материя. К счастью для Пети, высадка и постановка лагеря на Целестин происходила самыми простыми манипуляциями, не требующими от него вовлечения большего, чем молчаливого грузчика.

Палатка – так называлась конструкция с Опуса, присланная на Эфир параллельно прибытию Бэккера на Кому меньше недели назад. Стоило ей исполнить программу сборки, как у владельца появлялся полностью функционирующий небольшой дом со всем необходимым для продолжительного пребывания в местах, непригодных для человека. Куполообразное строение рассчитано на шесть человек и автономную работу в месяц без дополнительных поставок.

– Но есть другой вариант. Всегда такой есть, пока не отрицаем первый. Проблема не в теле – проблема в мозге. Психологические травмы способны на большое влияние. Моя утрата принесла тебе боль, которую ты не можешь пережить. Вот тело и отказывает. Побочный ущерб травмы, выражающийся через физическое недомогание, спасает ментальное состояние. Ты всегда был хорошим человеком, с самого на-

чала, за это я тебя и полюбила. Но сейчас ты стал монстром, истинным врагом человечества. Идешь против своей природы.

Палатка была установлена, раскрыта и запущена в работу. После этого звездолет сел за ней, прикрыв дальнюю от входа стену. Пассажиры, которых Бэккер пригласил с собой по неизвестной причине, быстро перебрались в Палатку, ставшую ныне командным центром. Но Петя туда не пошел. Дело было даже не в том, что броня, высотой в два с половиной метра и довольно широкая, просто не протиснется в обычный шлюз, как и не в отсутствие существенного вклада в проработку стратегии нападения. Все было проще – он хотел быть один, чтобы сохранять роль непредвзятого палача.

Первые шаги дались непросто. Гравитация здесь меньше, чем на Коме. Хотя веса он не ощущал, но скорость передвижения была заметно ниже, что вынудило вперед очереди думать о трудностях грядущей битвы. Ведь если его скорость упала, значит, возможно, сам враг будет не таким и быстрым, как предполагалось? Или же, наоборот, он адаптирован, следовательно, надо работать от обороны... Мысли эти придется отложить под гнетом настигнувшей сирены. Петя медленно обошел Палатку и встал недалеко от входа, обернувшись к ней спиной, чтобы всецело лицезреть... пустоту. Целестин был пустым спутником, без кислорода или признаков жизни, этакий камешек с разными минералами, скрытыми в пещерах. Лишь при помощи прибора виртуального сканирова-

ния, создающего в шлеме картинку местности, на поверхности Целестина можно было наблюдать хоть что-то, ведь без лучей светила и звезд все они были в крошечной черноте. Впереди ему открывалась лишь уходящая вдаль почти ровная поверхность, при этом по сторонам имелись разные возвышенности, некоторые из которых были высоки, другие же – по колено. Через сутки они заметят Кому над собой, когда спутник развернется. В виртуальном шлеме он проверил время – семь часов утра. Примерно в это время вчера он собственноручно применил силу Осколка, дабы разломать почву и выпустить заточенных в ней чудовищ, чьей воли хватило на уничтожение всего города меньше чем за день. А два дня назад он сидел в своей лаборатории в старом городе Аврора и изучал этот Осколок, спокойно делая записи и даже не представляя, как изменится жизнь, когда Андрей и Настя приведут к нему Бэккера.

– Они тебе не нужны.

Голос в голове вновь и вновь сопровождался соответствующим владельцу образом, незаметно появляющимся то тут, то там, то совсем рядом, подстрекая на испуг от неожиданного перемещения.

– Почему ты позволяешь им строить против тебя план местности? Они ведь ненавидят тебя. Ради этого он их взял – чтобы они могли замарать руки и убить тебя, когда ты станешь уже не нужен! Изначально их не должно было тут быть, но он нарушил свой план и взял этих людей! Бэккер просто поль-

зается тобой. Он нашел того, кто станет орудием в его руках, при этом он сам не будет рисковать жизнью, нет – лишь руководить тобой как орудием, не более того. Он трус, вот и все. Он дал тебе твой дневник, словно принес его из будущего, где твоей рукой написано то, чего на тот момент еще не было. Разумная манипуляция. Лжец с Опуса принес то, что мир технократов легко может воссоздать. У них есть твой почерк, нужно лишь доработать твои разработки, чтобы выдать результат анализа машины за твой личный. Тебя развели, не более того. Ты подозреваешь это, иначе я бы не говорила сейчас этих слов. Так почему ты ничего не предпринимаешь? Бэккер такой же, как и Андрей! Они все пользуются тобой. Когда убили нашу дочь, разве Андрей нашел виновных? Или же он дал тебе шанс вернуться домой, на Опус? Нет! Ничего из этого! Он заставил тебя работать, подложив под твое чувство вины шанс искупления в виде этого Осколка! Ты хороший человек, который потакает плохим людям. Посмотри сам, куда тебя это завело... Тебе самому разве хотелось сюда? Нет! Ты отдал себя во благо человечества! Они благодарят тебя за это? Нет! Тебя ненавидят! Все твои жертвы идут на пользу лишь другим. Терять тебе больше нечего. Так почему бы напоследок не взять все в свои руки? Почему хоть раз в жизни ты не можешь сказать им всем: «Хватит!»? Твои слезы прямо здесь и сейчас доказывают, что ты еще человек, чья свобода воли не менее важна, чем слово Бэккера, ставшего свидетелем будущего. Заметь, он не полз

в большую броню! Лишь человек испытывает страх – не бог, не провидец и не свидетель будущего. Если в тебе есть хоть крупица любви ко мне, то ты перестанешь потакать им всем и возьмешь свою жизнь в свои руки. Иначе ты продолжишь оскорблять память обо мне.

Внутри Палатки все собрались вокруг центрального квадратного стола, где на верхней плоскости с мелкой сеткой спроектирована большая виртуальная область, манипулировать чьим масштабом можно либо руками, либо через небольшой пульт. Картинка была предоставлена специальными дронами для полетов в безвоздушном пространстве под управлением Лорна, которые последние несколько дней сканировали область прямо с Эфира. Увеличение изображения раскрывало глубочайшую детализацию, что удивило Настю, Роду и Оскара, ранее не видавших таких технологий. Оскар стоял напротив них, Бэккер был спиной к шлюзу наружу и лицом к Любе.

Начавшийся как непринужденный, брифинг незаметно, с каждым следующим словом, наполнялся необузданной яростью, исказив Бэккера в преисполненного фанатичным наслаждением ко всему происходящему.

– Мы стоим тут – с левого края внизу от этой области шириной в сто тридцать пять метров, вдаль она уходит на семьдесят шесть – этакий прямоугольник. Почти с противоположной от нас стороны есть небольшое углубление – пещера естественного происхождения, там и спят Особи, аналогичные которым были откопаны Родой. Если разделим этот

прямоугольник, то получается, что твари заняли левую половину, а вот Варвар – правую. Эти ступени являются входом в его личную обитель. Они кривые, неровные, будто бы слепой вырезал, но я точно знаю, что выдерживают его вес без проблем. Этот урод поднялся прошлый раз и настиг нас, словно ураган. Палатку я изначально решил поставить почти в центре площади, даже не подозревая, что там мы словно блюдо на подносе для него. Церемониться он не собирался. Быстро и без сомнений выломал эти стены, словно игрушку из бумаги, превратив нас в своих зверьков, чья участь – лишь развлечь его перед свершением казни. Сейчас преимущество у нас, каждый его шаг будет встречен неожиданным ударом на опережение! Я знаю, что он будет делать, и не позволю ему повторить сценарий! Внезапность погасит его волю – сила заберет его жизнь навсегда!

Лишь закончив, Бэккер обвел глазами всех вокруг себя, с опозданием осознавая свирепый нрав.

– Я хочу осмотреть вот этот кусок, – совершенно невзначай, словно речи Бэккера и не было, произнесла Люба, указывая на западную сторону от площадки. Там был небольшой кратер, отрезанный от поля боя толстой траншеей, видимо, оставленный упавшим по касательной метеоритом. И, разумеется, если остальных услышанное просто привлекло вниманием, Бэккера спровоцировало на вспльчивую реакцию.

– Самое время рассказать, кто ты на самом деле такая!

Ее бесстрашный и властный взгляд с трудом скрывал какое-то несвойственное сопереживание, непонятное ни другим, ни уж тем более Бэккеру.

– Ты неплохо выкрутилась на Эфире – архиепископ Наствления взамен отбывшему в Тишь Наставнику. Я впечатлен. Но мы знаем, что это ложь. Самое время вывалить всю правду, пока Лорн не прибыл.

Никто не вмешивался, всем было как минимум интересно.

– С чего ты решил, что я лгу, Бэккер? – Она достала из кармана документы и протянула ему их, но он лишь что-то выискивал в ее глазах, борясь со страхом перед неожиданностью. Документы взял Оскар и внимательно с Настей их изучил, после чего кратко заявил:

– Они настоящие.

– Это ничего не доказывает! – рявкнул Бэккер. – Твой отец легко мог их сделать. Не просто же так она была все время с ним. Чего не происходило в моем времени.

– Откуда ты знаешь? – Скорее не сам вопрос – тон посеял сомнения в его выводах, уж это Люба умела, манипулировать голосом и нравом. – В твоё время не было бунта, который вынудил меня по указу Козырева встать на замену не оправдавшему доверия Наставнику. Я давно на Кома. Работа была в сборе данных и грамотном интегрировании. Как мы видим, Наставник все же совершил то, в чем его подозревал главнокомандующий, – измену. Мы все знаем, Игорь

Козырев был умелым стратегом. – Люба говорила это всем, уверенно внушая эту новую правду.

– Как-то все удобно.

– Кто бы говорил! – Настя вставила претензию с укором, припоминая тому многократную, такую же удобную ситуацию, ложь Бэккера. Он с трудом проглотил это, вернувшись к Любе и так ничего и не сказав.

– Бэккер, ты прошел трудный путь, желая навредить, я сделала бы это уже давно.

– Посмотри мне в глаза и скажи...

– Ты не распознаешь мою ложь. Ты не разбираешься в людях так хорошо, как считаешь. Тебе остается лишь верить мне, как мы все верим тебе. Это пока единственная равнозначная валюта.

Недолгое молчание показалось вечностью, итог которой виделся остальным либо ссорой, либо... чем-то трагичным. Но Бэккер все же принял данность, поддавшись внушению Любы.

– Я думаю, – заговорила Настя голосом разума, – если бы она хотела нас всех сдать, то Эфир бы не дал возможности нам тут быть. – Люба выразила глазами удовольствие от ее рассудительности.

– Позволили бы. Я знаю Изабеллу, она не должна была столько выслушивать и думать, ее ведет строгое исполнение и преданность должности. Нам разрешили здесь быть.

– Может, стоило ее привлечь?

– Оскар, я тебя-то еле уговорил. Изабелла не особо умеет думать своей головой. Я потребовал Лорна как раз из-за того, что к нему у нее хоть какие-то намеки на чувства есть. К ней только так подобраться. Расчет на будущее. Ну а с Лорном проблем не будет, он парень хороший, любознательный, немного... не от мира, но надежный, поможет с техникой.

– Хоть с чем-то повезло, – по-странному отстраненно заговорила Рода, – я в технике разбираюсь, но все это... без умелого хакера...

– Это не везение! – отрезал Оскар строго. – Бэккер знал про него, вот и не переживает о смерти Юста.

– Убийстве. Убийстве Юста, Оскар.

– Его смерть на твоих руках, урод. – Они столкнулись лбами. Настя, Люба и Рода успели даже переглянуться от очередной стычки. – Я хотел убить тебя, думал, ты выйдешь, а не пошлешь наперед пацана, которого сам же и затащил в эту историю! Будь ты смелым, будь ты мужиком, то сам бы залез в ту броню, куда поместил Петю, промыв и ему мозги.

– Это было его решением.

– Вранье! Такое же вранье, как и то, откуда ты узнал про Осколок. Забыл, что ты мне втирал, когда мы ехали к Роде? Фамилия и деньги – так ты сказал, а на деле...

– Ты прав. Я врал, врал много и всем, чтобы не просто выжить, но и вернуться сюда. Больше врать незачем. Не забыли, что у меня на один день больше вашего? У всех есть повод мне не верить, как и Пете, но мы здесь. Нам нужен

план, четкий и действенный, ровно как вы все и хотите.

Это заявление, сделанное сдержанно, но твердо, небезосновательно было воспринято угрозой.

– Хорошо сказал. Только ему мы вред причинить никак не можем.

Люба взглянула на Настю по-особенному, подтолкнув ту утихомирить уже эту накалившуюся обстановку. Настя подошла и разняла их.

– Если мы сейчас не придем к общему согласию, то все было зря.

Оскар обошел стол, беря себя в руки. Бэккер же смиренно ожидал, хмуро о чем-то размышляя. Не прошло и минуты, как Оскар встал напротив него, туда, где недавно стояла Люба, ныне занявшая место рядом с Родой. Поглядывая на остальных с пониманием важности быть более рассудительным и надежным противовесом Бэккеру.

– Если тот, ради которого ты привел нас сюда, находится там, за ступенями, то почему бы просто не замуровать там его?

– Я видел, как он прошел сквозь целое крыло больницы.

Сказанное привнесло ощутимые нотки страха.

– И ты уверен, что Петя сможет его убить?

– У него два Осколка. Если это не убьет, значит, уже ничто не убьет.

– Мы можем удвоить их. – Оскар уверенно брал инициативу. – Петя может отправиться в будущее и узнать, как все

прошло, и если мы проиграли, то, может, тогда вернуться в прошлое, забрать самого себя – и у нас уже будет два железных солдата и четыре Осколка.

– План неплохой. – Рода все так же спокойно говорила, будто бы ничего особенного не происходит.

– Разве тот факт, что сейчас никто не пришел из будущего, не говорит о том, что мы... ну, выиграла? – произнесла Настя.

– Либо проиграли. – Бэккер решил пресечь варианты. – Все забыли, что случилось с Монолитом два дня назад? Как один случайный прыжок в прошлое...

– Прыжок был случайностью. Твои действия – нет.

– Оскар, неужели ты готов взять ответственность за то, какой бардак начнется, если Петя будет туда-сюда «прыгать»? С тебя спрос, раз за прошлое виноват только я. Просто представьте, что будет, если каким-то образом Варвар получит больше, чем два Осколка? А если мы сами за собой начнем гоняться? Так уже было, между прочим. Стоит начать – остановиться будет трудно, уж я-то знаю! Сейчас у нас есть преимущество в неожиданности, используем это с пониманием, что второго шанса нет и не будет!

– Ну а если двух Осколков не хватит? – Настя все еще сомневалась, ища какие-то варианты.

– Нам повезло, что мы здесь, усвойте уже, наконец! Любой прыжок во времени – слишком большой риск, потому что за одним идет второй, а там и третий, и понеслась! Да и не вам

это решать, если что. План был утвержден мной, Петром и Юстом.

– К слову, о Пете. – Оскар заговорил о том, что у всех было на уме. – Он там на наших глазах убил Ингрид – свою жену, а перед этим выпустил монстров, приведя Монолит к разрушению. Откуда нам всем знать, что ему можно верить?

– Ему единственному хватило смелости принять тот факт, что мы идем на меньшую жертву ради спасения большинства. Я уважаю его больше себя. И это он решился залезть в броню. Я дал ему весь расклад, все, от начала и до конца. Я в нем не сомневаюсь.

– И мы должны верить, что он не решит предать нас или же сам отправить в прошлое или будущее, потому что...

– Как сказала Люба: «единственная равнозначная валюта». Я ведь тоже рискую, мало ли, что вы выкинете в порыве мести или глупости, обрекая мир на гибель.

С минуту все молчали, окончательно принимая страшную безысходность всей ситуации, где все оказались словно между двух огней: Бэккер с Петей и этот Варвар.

– Думаю, – заговорила Рода, – лучше Петю не злить, чтобы он не решился и нас убить.

– Ну, если бы это было ему важно, он бы уже все сделал. Весь этот разговор он слышит. Я обещал ему быть честным во всем, и я держу слово, потому что он делает то, чего никто из вас не может, – жертвует всем ради мира.

Когда Лорн наконец-то закончил съемку, вернул дроны на площадку для зарядки и успел лицезреть примитивные в целом, но интригующие чем-то необычным пустые красоты Целестина, то вступил в Палатку с неменьшим интересом к команде. Неожиданность же была в том, какая мрачная атмосфера обитала в этом небольшом помещении среди разделенных на группки людей во время трапезы. Напротив шлюза на улицу был еще один, который вел сразу же на звездолет Бэккера, так что изначально они вступили сюда в своих одеждах с Комы, видимо, оставив переодевание в скафандры напоследок. Хотя Бэккер уже стоял в нем, заметил с опозданием Лорн, когда подошел к столу, изображение на котором в реальном времени углублялось в детализации.

– Это загружаются новые данные. Тут пещера слева от лагеря – не особо глубокая, думаю, образовалась из-за метеорита. Видишь этот шов – прям назад от нас промчался.

Бэккер посмотрел на него так, словно они были давно знакомы, что, несомненно, удивило Лорна.

– Я хотел сказать спасибо, кстати. Эта экспедиция оказалась куда важней на фоне того, что случилось с колонией. Правда, я не понимаю, как все это связано, но мне интересно.

– Знаю, что интересно.

Лорн искусственно улыбнулся, но не ради фамильярности – просто он куда лучше выражал эмоции глазами, оставляя нижнюю челюсть и мышцы лица без внимания. Черные зрачки выглядели горошинами на безволосом мягком лице с такими же черными волосами, свисающими на левую и правую щеки от пробора вдоль головы. Когда он в скафандре, то закрывал их универсальной в каждом скафандре шапочкой, радуясь каждый раз, когда снимал ее, явно ухаживая за волосами, что каким-то образом лишь придавало мужественности вполне крепкому парнише.

– Сейчас пойдем туда и уже на месте расскажу весь план. Должно быть просто, но без неожиданностей мы уже разучились работать.

– Понимаю. – Лорн осмотрелся вокруг, словно игнорируя Бэккера: справа у стенда Оскар помогал Любе надеть скафандр, слева Настя и Рода доедали обед, о чем-то общаясь друг с другом в отрыве от остальных.

– Симпатичные. Как думаешь, если я...

– Даже не думай. – Бэккер не знал, чему удивился больше, неожиданным мыслям Лорна или же личному нежеланию подпускать его к ним.

– Я вообще-то в прагматичных целях. Они обе красивые, здоровые, видно, что умные и образованные. Хотя темненькая – непростой орешек. Я это к тому, – поспешил он объяснить, – что пора бы и о потомстве думать. А они – крутой генофонд. Я комплимент делаю, между прочим.

Бэккер смотрел на Лорна и хотел то ли подзатыльник ему дать, то ли просто забыть об услышанном.

– Слушай, в свете последних событий начинаешь задумываться о чем-то большем, о чем-то, что останется после нас.

– Мда, этого я точно не мог просчитать.

– Чего?

– Ничего. Соberись. О бабах потом думать будешь. Да и, разве Изабеллы тебе мало?

Лорн повернул голову с девушек на Бэккера, словно робот, удивляясь в оба глаза.

– Я знаю про вашу ночь-другую. Попробуй ее представить не как... заботливого капитана, а как женщину.

– Ты... ты меня сватаешь с Изабеллой или же просто не хочешь, чтобы я на этих двух красоток планы строил, потому что...

Лицо Бэккера быстро обозначило Лорну недовольство этой темой.

– Мне нужно, чтобы ты был сосредоточен, как никогда. Если не справляешься, то отправлю обратно – Гаскоин придет на замену с удовольствием.

– Да все-все, понял я. Не надо Гаскоина, этот унылый мастер гайки и отвертки не способен оценить ни грамма красоты этого мира, не говоря уже о женщинах. Ему достаточно той, которую еще в юношестве батя нашел. С другой стороны...

– Хватит. Настю и Роду не трогать, они потеряли родных

на Комер, я за них отвечаю.

– А тебя нехило потрепало там, как я вижу.

– Как и всех.

– Я не про это. Не помню раньше в тебе такой заботы. Не то чтобы мы были сильно и знакомы, но нас снабдили твоим досье, и оно... ну, в общем, я удивлен. Летел ты сюда зазававшимся эгоистом, не привыкшим считаться с кем-либо, вечно упрямый и самовлюбленный. Без обид.

На это Бэккер ничего не ответил, но услышанное внезапно зацепило что-то очень глубокое в нем, нечто из прошлой жизни.

– Это я распинаясь к тому, что твоя мама просила тебя ей позвонить. Когда узнала, что ты жив и на Эфире... в общем, переживают там за тебя.

Слова эти сначала показались мимолетным просветом в его мрачных мыслях, ошибочно очертив образ этой женщины ассоциациями заботливой персоны. Бэккер столкнулся с этим мгновенным чувством предвкушения столь же неожиданно, сколь истинная личина восстала в его памяти, быстро поставив все фигуры на известные места. Эта женщина была его биологической матерью, но мамой он ее никогда не считал из-за отсутствия фундаментальных составляющих этого призвания. Жестокая по отношению к ребенку и злая на весь мир женщина способна была лишь существовать за счет богатств ее предков и успешной должности мужа, решившегося на этот союз строго ради обретения еще большей

власти в элите Опуса. И если отец проявлял базовое отношение к состоянию ребенка, то мать, отвечавшая за воспитание в классической семейной форме, видела в своем продолжении лишь уродующую ее жизнь обузу. Что бы Бэккер ни делал, как бы ни учился в лучшем университете, от отца он получал краткую похвалу с денежным вознаграждением, столь же холодным, сколь горячим напоминанием его ошибочности существования доносила мать. Вместо воспоминаний о теплых семейных вечерах и моментах Бэккера снабдили бесконечной критикой с оскорбления самой сути его существования: «она жалеет, что он родился», «лучше бы сделала аборт», а еще винит во всем плохом. Факт того, что сейчас ее интересует его состояние, говорит лишь о том... Она не имеет на это права – приводит себя в трезвое состояние Бэккер, ужасаясь ее наглости вот так заявлять о себе. Последний раз он слышал ее причитания на Монолите, когда тамошняя трагедия пару дней назад спровоцировала в ней привычный страх за свою репутацию, посрамить которую Бэккер мог легче легкого. Тогда он не решился вставить и слова в бесконечные тирады о своем разочаровании в сыне, рождать которого она и не хотела вовсе, о чем, к слову, неустанно ему напоминала. Сейчас все изменилось.

ТЕМА ПИСЬМА: Извинение

«Больше у меня нет матери». Родитель не должен познать такие слова от своего ребенка. Мною было решено дать тебе жизнь – этот дар, которым я не учила тебя пренебрегать. Мне стыдно слышать от тебя такие слова, не в последнюю очередь из-за твоего возраста. Уже не ребенок – давно пора нести ответственность за себя, без переноса причин своих низменных рефлексий на окружающих. Немыслимо представить, как много сил мною было потрачено, чтобы наделить тебя всеми нужными качествами, отличающими слабого человека от сильного. Мой ребенок не может и не должен быть слабым. Что бы я ни делала, какими бы странными решениями я ни оперировала в вопросах твоего воспитания – все, буквально все, что я могла дать тебе в созидательном направлении, было мною предоставлено. Возможно, это было чрезмерным и поспешным, но лишь у тебя имелась власть распорядиться избытком по своему усмотрению, как законоправному владельцу дара своей матери. Твое распоряжение жизнью лежит в твоих руках, и ты это знаешь. Я лишь делала все, чтобы мой ребенок стал не только счастливым, но и сильным. Счастьем тебя одаривали все детство, не ограничивая ни в чем, что, судя по тому, что я увидела и услышала, оказалось излишним. Ты – разочарование. Пожалуй, я воз-

лагала на тебя слишком многое, в этом была моя ошибка, признаюсь в этом без двойного смысла. Прошло время, когда я ставила тебя выше всего остального в этой жизни. Тот период имел свое происхождение и ценность, я не вычеркиваю его, нет. Задача родителя – воспитать в ребенке активный инструмент согласования желаемого с действительностью, эмоционального и интеллектуального с целью самостоятельного интегрирования под грядущие переменные. Твоя реакция раскрыла мне состояние исполнения моей работы в самом отрицательном результате. После всего, что я сделала, услышать: «Больше у меня нет матери». Ясней некуда.

Прости меня. Я перечитала написанное и ужаснулась. Ты не заслуживаешь такую мать. Да, я дала тебе жизнь и все, чтобы эта жизнь была в достатке. Но я не должна так себя вести. При этом удалять, как ты видишь, вышеизложенное я не решилась, причина чего важна для нас двоих – помнить отсчетную точку, наглядный пример оставленной позади основы, дабы знать цену того, что я собираюсь изложить далее. Это письмо составляется в разные промежутки времени, отчего и прошу делать самостоятельные паузы после окончания каждого абзаца. Но я прошу дочитать до конца, потому что в этом и последующих письмах есть смысл больший, нежели кажется на первый взгляд. При этом отдельно уточню, что если ты решишь не читать дальше этого письма, то, возможно, решение твое станет разумным доказательством твоего взросления. Что я имею в виду: здесь

я пишу про нас с тобой, как родитель ребенку с чистыми намерениями личного произведения индивидуального отношения. Дальнейшие письма раскроют ту историю, которую, возможно, ты уже знаешь, но, как мне кажется, не понимаешь. И не ставлю под сомнение твои знания или эрудицию, нет, все иначе – я разъясню все ключевые исторические события в разрезе и контексте того времени, когда они случились. Тебе известна твоя особая исключительность, а мне известно, какую ношу ты несешь этим бременем. Представь, есть огромная мозаика из сотен тысяч фрагментов – так вот, я раскрою тебе центральную ее часть, ведь, как оказалось, тебе известны лишь окраины истории.

Я люблю тебя, ты – мое дитя. Мне не хочется писать остальные письма, но теперь я считаю, что будет нечестно утаить все то, с чем у тебя такая тесная связь. Предупреждаю, если ты решишь не читать их, то ничего страшного не произойдет. Тут вопрос в том, чего ты хочешь от той жизни, которую я тебе дала. Более не нужно искать ответы, я выдам их лишь с единственной ценой – твое время. Мое раннее желание утаить от тебя недостающие фрагменты хронологии было вызвано материнской заботой ограничения ребенка от тяжести знания в угоду сохранению драгоценной гармонии. Счастье в неведении – так я думала и так думаю до сих пор. Но твоя внезапная ненависть в мой адрес спровоцировала на изменения плана. Это будет не только своеобразной последней проверкой твоего самостоятельного пути в этой жизни,

но и снимет с меня последнюю роль проводника в большой мир. Признаю, стоило сделать это раньше, слишком затянула я с тем, чтобы применить радикальные меры в твоём воспитании. Дальше ты узнаешь – и уже тогда, собрав историю в единое полотно, примешь решение о своей судьбе, потому что это будут мои последние проявления материнской заботы. Тебе было недостаточно того, что я сделала, – хорошо. Единственное, что я ещё могу сделать, – снабдить тебя пониманием. Пожалуй, я и на самом деле не должна была ограждать тебя от правды. Честность – важный ресурс, мы с тобой знаем об этом больше других. Так вот, я исполню свою роль и закончу твою подготовку к взрослой жизни, так и быть, перестану нянчиться, буду действовать, что называется, «в лоб». На этом все. А если ты не прочтешь следующие письма, то хотя бы сохрани их до того момента, когда, возможно, в трудный час тебе нужна будет опора, этакая точка координат, дабы не заплутать. Ну а если повезет и счастливые и светлые моменты будут преобладать над мрачными, то эти письма станут доказательством твоего взросления, когда по итогу изучения содержимого их влияние на тебя не возымеет результата. В любом случае я всегда желаю тебе лучшего, иначе и не могло быть. У меня всегда будешь ты, несмотря ни на что.

6

Гаскоин дождался приказа Изабеллы и сразу же отправился на Целестин, чтобы без промедления установить Палатку, после чего, перекинувшись с Лорном парой слов, уже один улетел обратно на Эфир. Состыковавшись со станцией, прикиком отправился к мостику, где Изабелла недвижимо вглядывалась в огромную Кому через иллюминатор.

– Палатка стоит, Лорн всю работу делает.

Напряженный тон Гаскоина был так же проигнорирован Изабеллой, как и его краткий отчет. Он проследил за ее взглядом и, чуть подумав, решил не скрывать своего мнения.

– Мне не нравится, что мы продолжаем потакать прихотям этого богатея, ради чьего развлечения тут уже месяц торчим. Столько людей мертво, и неизвестно, сколько выживших осталось на планете, все изменилось, а мы делаем вид, что ничего не произошло, и я не подписывался на то, чтобы просто смотреть, как гибнут невинные люди, пока мы играем роль нянек для элиты Опуса. Может быть, ты наконец-то хоть что-то скажешь?

– Я ждала, когда ты выговоришься. – Изабелла повернула голову и посмотрела в его глаза, в ее ухе была привычная гарнитура для связи. – Теперь мы можем работать.

– И в чем же заключается наша работа?

– В самом трудном – ожидании и наблюдении.

Изабелла посмотрела назад, туда, где в центре спроектировано голографическое изображение с четырех камер наблюдения, передающих происходящее в Палатке в реальном времени и со звуком. Камеры спрятаны не только внутри, но и снаружи. Прямо сейчас Бэккер и остальные надели скафандры и собрались уже выходить наружу.

– Почему я не знал, что внутри слежка?

– Потому что я не сказала.

– Я так и не понял, с чего это они важней, чем...

– Таков приказ. Я его исполняю так же, как и ты. И если ты будешь и дальше возникать, то мне придется занести это в рапорт.

Тяжело выдохнув, Гаскоин усмирил свой пыл, вызванный возбужденным инстинктом добродетели, всю жизнь сопровождающей его тягой к заботе о людях. Такой человек должен был быть врачом, воспитателем или же психиатром, но никак не инженером-механиком.

– Гаскоин, я ценю твое чувство справедливости, но сейчас очень непростая ситуация. Мне в первую очередь нужен твой ум технического специалиста. Ты еще два месяца назад занимался ремонтом зондов на Орбите-2, но начальство посчитало, что ты подходишь для Эфира. Ты ведь не позволишь дать им повод усомниться в своем решении? Умница.

– Только тут их нет. – Изабелла скрывала любое проявление удивления на своем лице, к чему Гаскоин уже привык,

порой сомневаясь в том, есть ли у нее вообще чувства. — Зондов, на Эфире их нет. Я до сих пор не понимаю, почему я оказался здесь, и я тебе про это говорил. Вся мою работу мог сделать почти кто угодно, даже простая нейросеть справилась бы.

— Ты и не должен понимать. — Усиленный напор вновь приструнил этого юношу, самого молодого из команды, выделяющегося ярким проявлением идеализма, отчего Изабелла и вправду сомневается в его надобности на станции. Немного мягкотелый образ высокого юноши пусть и представлял некую визуальную угрозу широкими плечами и большими руками, на деле был даже слишком скромным. Если сама работа на Эфире была ему интересна преимущественно сменой локации, ведь покинуть Опус удастся лишь самым везучим или полезным, то после нападения хищников все положительные моменты выветрились.

Недолгую напряженную тишину нарушила система Эфира, сообщившая о сигнале помощи с Комы. Изабелла с тяжестью взглянула на Гаскоина взглядом человека, принявшего трудное, несправедливое, но необсуждаемое решение игнорирования этого зова. И не успел Гаскоин переварить этот кошмар, когда на планете, которая у них, считай, под носом, гибнут люди, а они вынуждены бездействовать, как голос бортового компьютера сообщил неожиданное:

— Сообщение идет по государственным каналам, такое возможно только с южного блока, человек представился Иго-

рем Козыревым – главнокомандующим Монолита.

Изабелла думала так громко, что Гаскоин боялся и слово сказать, хотя то было и не нужно – лицо его говорило ей больше любых звуков. В сообщении требовалась простая эвакуация, голос был подтвержден, координаты верны – верхушка государственного блока.

– Мы должны сказать Оскару. Это его отец, не говоря уже о том, что он, вообще-то, важная персона, которую нельзя бросить.

Изабелла молчала, голова ее гудела от ускользающего контроля, ибо слова Гаскоина имели смысл, но сам Козырев обращал на них внимание во время инцидента лишь ради контроля эвакуации, отказываясь, вопреки протоколам, передавать секретные данные Монолита для сохранности.

– Изабелла, пока мы будем ждать... послушай, просто послушай, Эфир ведь не просто так оставили на орбите, верно? Раз мы не занимаемся эвакуацией, то почему не висеть у Целестина – лишний контроль там не помешает. Сигнал мы могли получить и там, тут ради этого быть незачем.

– Хорошо. – Изабелла поддалась выводам Гаскоина. – Иди готовь челнок, я слетаю лично. И не спорь! Эфир обойдется без капитана, но не без механика. Да и не по статусу тебе пока на такие вызовы летать. Все конфиденциально, без приказа иным лицам не разглашать! Исполнять, даю три минуты.

Гаскоин быстро устранился, мысли его и чувства были ей скорее неинтересны, чем неизвестны. Только он пропал из

виду, как Изабелла после тяжелого вздоха произнесла:

– Все слышал?

Из ее гарнитуры донесся крайне рассудительный, взрослый, воспитанный мужской голос:

– Конечно. Ты правильно сделала, что не отключила связь.

И, забегаая вперед, Гаскоин под твоим началом еще покажет себя. Не скромничай с ним, я прекрасно знал, кого набрать в команду на Эфир. Отправляйся в колонию, все разузнай, на месте доложишь, судя по спутникам, противник отступил от высоток.

– Клендат. – Одно имя, произнесенное тем самым, многозначительным для многих, но очень понятным для них тоном, будто бы остановило время до момента ответа.

– Козырева доставь живым. Остальных – по обстоятельствам.

Если для Роды окружающий угольный мрак был скорее катализатором инстинкта выживания, возбудив все ее чувства до предела в предвкушении возможной битвы, то Оскар и Настя впервые столкнулись с такой всепоглощающей темнотой. Оскар и Настя шли рядом, аккуратно изучая это странное чувство погружения в безысходность, следуя за Бэккером к месту возможной гибели, откуда их некому будет забирать, следовательно, возможно, тут они и будут похоронены. Совсем только недавно она и представить не могла, куда заведет ее жизнь... Взглянув на Оскара, Настя увидела человека без сомнений, того, кто преисполнен сосредоточенности, прокручивая в голове этакую стратегическую карту возможного будущего. Сейчас он напомнил своего отца, но еще недостаточно опытного, от чего крупинцы неуверенности и сомнений так и проскакивали в его глазах. Настя радовалась, что он рядом и что он все же сильнее, чем она. Внезапно справа от Насти, там, где шла Рода, свет с макушки шлема отключился, позволив тьме окутать подругу. Но не успела Настя среагировать, как Рода передала ей, что она специально сделала это. Ей нужно побороть страх перед тьмой, вновь показавшей свои зубы. Настя хотела уже что-то сказать Роде, но осекла себя, позволяя той самостоятельно

справиться со своим кошмаром. В этот момент она осознала, как хорошо Оскар и Рода символизируют для нее крайности, между которыми она ощущает себя потерянной.

Бэккер привел всех на будущее поле боя целеустремленно, готовясь уже на месте разъяснить план действий, но как-только ноги его коснулись центра площадки, его сковал страх. Воспоминания будущего настигли внезапно и жестоко, будто бы желая напомнить о его несостоятельности и слабости. Некая сила подвела его к сокрушительному выводу – он проиграет, вновь. Стоящему в центре, окруженному людьми, чье существование доказывается лишь лучами света с головной лампы, Беккеру показалось, что он на кладбище и видит лишь символы погибших. Со стороны неподвижный Бэккер способен был испугать – вот-вот, кажется, потерянная воля уронит его, словно мертвеца.

– Бэккер... – Настя спросила его аккуратно, скорее интересуясь здоровьем, чем психологическим состоянием.

– Как ты здесь оказалась? – Бэккер огляделся вокруг в потрясении.

– Вспомни все шаги перед этим моментом. – Люба произнесла этот совет знающим тоном, потом сказала остальным: – Он путает прошлое и настоящее.

Довольно быстро Бэккер догадался, что первую трещину в броне создала его мать, вклинившаяся в его настоящее так же внезапно, как имела свойство исчезать в прошлом, вынуждая ребенка привыкать к одиночеству. За последние сут-

ки он успел забыть ее, будто бы той и не было вовсе, но сейчас... Тряхнув головой, Бэккер откинул подступающую паническую атаку, держась за простой факт его превосходства над матерью, которое он доказал совсем недавно, следовательно, грядущая встреча с Варваром подвластна обузданию.

– В прошлый раз... – Каждое последующее слово давалось ему легче предыдущего. – В прошлый раз я приказал поставить Палатку здесь. Варвар поднялся по ступеням и сразу же нас заметил. Звездолет был там, где нынешний лагерь. Это было из-за того, что здесь есть полость внизу. Площадь перед ступенями покрепче, а вот слева, там, где доступ к пещере с Особями, плита не такая толстая, есть трещины.

Благодаря плотным и толстым скафандрам, приятно облегающим тело, и переговорах по сети, вместе с свежим воздухом из баллонов, весь этот разговор казался каким-то нереальным, словно Настя, Оскар и Рода стали другими людьми ради другой истории.

– В прошлый раз Особи проснулись после его появления.

– Откуда ты знаешь, что он действительно командует ими? – Оскар не хотел отдавать всю власть Бэккеру, говоря с ним так, будто бы тот был лишь источником информации.

– Мы хотели спастись от него в пещерах, потому что они были ближе звездолета, но он не последовал за нами. Не успели мы перевести дыхание, как они проснулись. Мне довелось увидеть их покорность перед ним.

– Если мы завалим обе пещеры...

– Это не поможет! Рода подтвердит – Особи прогрызут себе выход. Варвар же прошел сквозь целое крыло больницы имени Перната на моих глазах. Обвалить выходы – не наш вариант.

– Нам все равно придется. – Рода заговорила уверенно, потирая в руках пыль с поверхности Целестина. – Газ не поможет в разряженной атмосфере. Надо создать крытое место, откуда он никуда далеко не рассеется. По-хорошему надо установить заряды, дожидаться, когда они проснутся, перекрыть им выход и отравить, пока не разбежались. Полагаю, Особи могут не дышать, раз тут обитают, так что я бы еще подумала о запасном плане.

– А газ может убить Варвара? – Настя зарядилась рассудительными размышлениями подруги.

– Не спрашивай меня, это Бэккер у нас спец по пришельцам. Но хочу напомнить, что у нас всего две ампулы. И если делать ставки, то я бы выбрала убить Особей. Даже если этот пришелец имеет органику и его возьмет газ, то их нам остановить нечем. Они спали тысячелетие на Коме, проснулись и разрушили цивилизацию за один день. Сколько часов им потребовалось, чтобы прийти в форму после спячки? Вот именно.

– А мы не можем, – Лорн впервые заговорил с моменты выхода из Палатки, явно не спеша делать выводы об услышанном, – смотреться на Кому и сделать еще? Ну, я к тому, что раз смогли сделать эти, то...

– Некому. – Настя строго отрезала, украдкой поглядывая на мрачную Роду. – Все погибли. Синтезировать новое на Эфире не из чего, да и оборудования у вас нет.

Странное молчание убедило Лорна не продолжать эту тему.

– Делать все нужно разом. – Бэккер заговорил громко и уверенно. – Если попытаемся убить их сейчас, то можем спровоцировать пробуждение Варвара раньше срока. Заранее установим взрывчатку, подготовим устройство для распыления и, когда придет время, там их и остановим.

– Почему прямо сейчас Петя не может убить их всех? – спросил с претензией Оскар. – У него отлично получилось Сток-1 уничтожить, который явно крепче Особей.

– Петя один – тварей много. Нельзя им рисковать.

– Бэккер, – Настю внезапно осенило, – а мы не боимся, что Варвар сможет забрать Осколок и переместиться, как делал ты раньше?

– Нет. Если бы он мог это сделать, то, во-первых, уже бы сделал и мы бы тут не говорили...

– Только если мы уже не проиграли, отчего ему нет смысла вмешиваться в прошлое! – быстро вкрапил Оскар.

– Во-вторых – у него уже был один, но ходил он ногами. А на Кому вернулся на своем корабле за вторым Осколком, между прочим. Не знаю почему, но одним Осколком он не пользовался.

– Либо же ты просто этого не видел.

– К твоему счастью, Оскар, у меня было время все продумать, чтобы прийти и победить!

– Вранье. Тебе повезло, что Катарина сделала газ, как и повезло, что мы были на крыше тюрьмы, иначе ты улетел бы лишь с Петей и Юстом. Все упирается в то, что у нас лишь один шанс и одна стратегия! Если у нас есть чем взрывать, то я предлагаю заманить его на эту плиту, под которой пропасть, и просто свалить его туда, устроив направленный взрыв. Даже если его это не убьет, будет выиграно немало времени, может быть, Опус успеет. Рода, ты сможешь заложить взрывчатку так, чтобы плита развалилась?

Рода удивленно посмотрела на Оскара и, чуть подумав, сказала:

– Все зависит от того чем взрывать и что по плотности.

– Изучи этот вопрос, пожалуйста.

– Сделаю.

Потом Оскар повернулся к Бэккеру, чей суровый взгляд четко высказывал недовольство.

– Ты сам позвал нас.

– А нам хватит взрывчатки на оба варианта? – спросила

Настя.

– Сначала мне надо посмотреть плиту. Какие заряды у вас? – Рода обратилась к Бэккеру, тот, не отрывая глаз от Оскара, сказал:

– Лорн тебе все покажет, приступайте, потом доложите итоги.

Рода взглянула на Лорна, тот кивнул ей с улыбкой, словно при уличной встрече, на что она и виду не подала.

– Часов через восемнадцать, когда Целестин обернется к Комере и тут будет первый восход за сотню лет, Варвар поднимется по ступеням из своей берлоги, и времени думать у нас не будет. – Бэккер сказал это достаточно внушительно, чтобы нагнать страху. – И нет, идти к нему напрямую нет смысла, там тупик через полкилометра. Где-то он прячется, но что толку – его может остановить только сила Осколка. Когда он сюда придет, Петя нападет, и у нас будет очень мало времени, чтобы убить Особей. Повторю последний раз, если мы проиграем – все люди умрут.

– Раз уж ты не хочешь драться с Варваром, то, полагаю, будешь приманкой на плите? Отвлечешь его, а Петя со спины нападет, чтобы не рисковать.

– Я буду там, где надо. А ты прекрати уже злиться и помоги лучше. – Внезапное здравомыслие Бэккера удивило всех. Казалось, они сейчас драться начнут, но тут мрак с лица слетел так же быстро, как Оскар запнулся на первой же ответной реакции.

– Эй, мужики, – Рода взяла слово, – хватит уже, достали! Потом будете отношения выяснять, если выживем. Лучше эту злость приберегите для пришельца, если он вообще существует. Никто не хочет тут быть больше нужного. У нас мало времени, как я поняла, значит – Люба, ты хотела какую область осмотреть, самое время выдвигаться, все равно не

знаю, чем ты тут можешь помочь. Лорн и я займемся взрывчаткой, Оскар с Настей пусть установят в пещере распылитель, а Бэккер убедится, что Петя все еще на нашей стороне. Вариантов тут так мало, что уже бы давно все решили!

Рода и Лорн направились обратно к Палатке, в это время Настя задала внезапный даже для себя вопрос:

– Бэккер, с кем ты был здесь в прошлый раз?

Игнорируя зрительный контакт, все пытаюсь сформулировать ответ, он смог произнести лишь емкое:

– Их больше нет. – Бэккер отнял у тьмы свое внимание и посмотрел на Настю глазами отчаянного человека. – Что толку от этих разговоров? Этих воспоминаний, этих... Слушай, слушайте все – я боюсь, ясно?! И раз мне страшно, то и вам стоит. Стоит даже больше моего, потому что я уже все видел и знаю, с кем мы встретимся. Мне плевать, кто он и чего он хочет, плевать даже на то, можно ли с ним договориться! Вам не понять, но я был здесь и видел такую власть, какую никто из вас и представить не сможет. Я был здесь в грядущий день, два месяца назад!

– Ты не виноват. – Люба произнесла это заботливо, явно поддавшись странной изоляции от всего мира, которую дарует этот момент. Ее слова внезапно коснулись и Оскара с Настей, будто бы она адресовала их и им.

– Не смей этого говорить мне! – Бэккер рывкнул, желая сохранить свою роль в глазах окружающих, боясь даже намека на прощение.

– Да что с тобой происходит вдруг? – спросила с претензией Настя. – Я понимаю, здесь плохие воспоминания, но возьми себя уже в руки. Неси ответственность за то, что ты сделал с Монолитом, и за то, как ты рискуешь нашими жизнями!

Бэккер отвернулся в раздраженном порыве, Настя же от изумления лишь взмахнула руками.

– Мы с Настей осмотрим область вокруг пещер, там есть еще одно углубление, недалеко от траншеи, а ты, Оскар, пока сходишь за этим распылителем. – Люба оказалась столь энергична и властна, что Оскар и Настя вспомнили то, как она предстала всему Монолиту, выражая свою речь на весь город неведомой им ранее вседозволенной харизмой.

Бэккер в этот момент, казалось, разговаривает с чернотой Вселенной.

– Может быть, я с вами пойду? – Оскар проявлял искреннюю заботу, внезапно ощутив себя перед Любой так, как когда-то разговаривал при маме, пока та еще была в здравомыслии.

– Твоя забота приятна, но мы зашли слишком далеко для потакания врагу. Время играет против нас, не позволяй еще и страхам мешать нам. Игорь Козырев верил, что ты продолжишь его дело, ведя нас единой целью преодоления кризиса во благо будущего человечества.

– Думаешь... отец одобрил бы план Бэккера и... все это?

– Он искренне верил в тебя.

Эти слова были приятны, все же Люба оказалась достаточно тесна в общении с главнокомандующим за непродолжительный период плотной череды инцидентов Монолита и именно его отец отправил ее на помощь Техгруппе. Внезапно Оскар всерьез увидел в этой женщине авторитет, что последний раз подкреплялось ее самостоятельностью в отрезе от влияния Бэккера. Кратко ей кивнув, Оскар подошел к Насте и, глядя в ее глаза, все хотел что-то сказать, нечто личное и ценное, что она, разумеется, понимала и без слов. Взяв его руки, она крепко их сжала, после чего кивнула ему в сторону, указывая идти за распылителем. Оскар покинул их быстрым шагом, не разрешая себе думать о чем-то, кроме исполнения стратегии. Бэккера никто так и не трогал.

Оскар четко понимает свое нежелание быть здесь, но не из-за Бэккера или гипотетического Варвара, нет: все куда проще – его место рядом с отцом. Одна лишь мысль о том, как далек он от дома и даже не может похоронить отца... Это съедает его изнутри. Точно такое же чувство было, когда деменция его матери развилась достаточно, чтобы она перестала узнавать сына и мужа. Тогда Оскар осознал, что такое по-настоящему безвозвратно опоздать. Необоснованное, но жестокое чувство предательства разрезает его изнутри, доказывая роль беглеца, оставившего все самое ценное позади ради... вот ради чего? «Мое наследие, моя кровь и моя гордость» – эти слова были прямо перед тем, как отец сказал последнее: «Выполняй приказ!» Это предшествовало тому,

как все окончательно вышло из-под контроля. И раз тот вверил ему быть продолжением своей воли в победе над врагом, да еще и защите Монолита от посягательств Опуса, чем сам главнокомандующий и занимался последние годы, то Оскар как минимум ради памяти отца не может бояться или сомневаться. Последние дни измотали его, но осталось чуть-чуть, лишь разобраться с главным злом... если только слова Бэккера – не очередная ложь. Думая об отце и его наследии, Оскар смог отринуть подступающие сомнения и страхи, чтобы взять инициативу на себя, не желая больше зависеть от обстоятельств. Игорь Козырев никогда такого себе не позволял, он сам навязывал игру, и сейчас Оскар поддается странному чувству, словно его отец немного, совсем вроде и чуть-чуть, но помогает ему идти верным направлением.

– Я отключил остальных, подай знак, что слышишь меня.

Петя немного повернул голову к Оскару. Сам двух с половиной метровый гигант стоял все так же неподвижно недалеко от Палатки, спрятанный во мраке Вселенной, не имея ни одного включенного светового источника.

– Хорошо. Ответь, почему ты просто не переместился в прошлое и не сделал все иначе? Ведь можешь. Бэккер тебе не указ. Разве не проще закончить все уже сейчас? Отвечай! Да что же это... Почему ты вообще веришь Бэккеру? Посмотри на него, он теряет самообладание, вот-вот с ума сойдет. Еще день назад умудрялся быть на шаг вперед всех, просто импровизируя, запуская цепь событий, словно ураган. Я

все прокручиваю в голове каждое событие и удивляюсь тому, как легко мы потеряли контроль, спотыкаясь на ровном месте. И ты являешься тем, кто виноват больше всех. Если бы не ты, Петр, то и Бэккер ничего бы не смог. Там, в пустыне, ты мог послать его, лишитъ права свободы и отвести к моему отцу, а потом раскрыть нам все карты. Мы бы поверили. Это Бэккер считает иначе – мол, в его времени донести правду не получилось. Но мы оба знаем, что к моменту пробуждения Особей мы были готовы верить в Варвара. Вот я и не понимаю, в чем твой мотив. Ненавидишь Монолит? Помог бы с Бэккером, отец смог бы договориться и тебя вернули бы на Опус. Хочешь спасти мир, убив врага? Мы бы помогли и так. Бэккер в этом деле мало полезен, мы видим это сейчас четко и ясно. Его нынешний план и ресурсы столь ограниченные и бедны, что я просто не верю в победу.

Несколько минут Оскар стоял в тишине, борясь с одышкой, выговорившись больше ожидаемого.

– Хотя какая уже разница. Мы зашли так далеко... Кем же мы стали-то, а? Ведомые лживым социопатом в битве с каким-то инопланетным существом, которого за столько лет тут и не видел никто. Похоже на плохой анекдот. Жаль, что не анекдот. Очень жаль. Хочешь знать, почему я согласился идти с вами? Я ведь не хотел. Мое место там, в колонии, которую вы уничтожили. Мне бы отца сейчас хоронить, собирать остатки населения и начинать все строить с нуля. Как минимум я обязан это во имя главнокомандующего, отдав-

шего себя на смерть Особям. Особям, которые проникли в блок через ту дыру в лаборатории, когда мы гнались за Клотом. Вот он – еще один кусочек стечений обстоятельств в бесконечной яме неправильных решений. Вот мне и хочется сказать, что если у тебя будет шанс, то ты лучше переместись с Варваром на год вперед, чтобы к вашему возвращению мы смогли нормально подготовиться. В ином случае, я надеюсь, у тебя хватит смелости уничтожить эти осколки! Не знаю как, да и возможно ли, но пока это дерьмо существует, никакого покоя нам не светит! И ты не представляешь, как мне хочется забрать их у тебя, вернуться в прошлое и все изменить. Спасти отца и целый народ. Но это неправильно. Я дал слово не делать этого, дал слово Томасу и Менарду, которые, слепо веруя, что я исполню их волю, отдали свои жизни. Ты сам все видел, как Бэккер не щадит никого и ничего на пути к своей мести. Она-то свершится, последствия же разбирать всем остальным. Думаю, ты догадываешься, к чему я веду. Уже не важно, есть этот Варвар или нет, – мы здесь, к чему-то все это да приведет. Важно устранить вторую угрозу, чьи руки уже испачканы кровью, и ты понимаешь, о ком я. Их обоих надо здесь и оставить. Ты должен это нам, должен Монолиту. Ему ты не должен ничего. Закончи эту историю на третьем дне. Я прошу тебя, пожалуйста, поставь точку.

Оскар закончил эмоционально, будто бы сам себя убеждая сделать то, на что подталкивал Петю. Он прекрасно по-

нимал, как сильно изменился этот человек, убивший свою жену в момент ее искренней попытки достучаться до человечности мужа.

– В этой броне должен сидеть солдат или боец, кто-то, кто умеет драться и знает цену победы. Но в ней ты, лаборант, толком рожу и не бил никому никогда. Советую сделать себе щит, что ли, чтобы в ближнем бою ты хотя бы смог принять один удар этого, как я понял, несокрушимого существа. Если таковое вообще будет. Ну а потом, чтобы наверняка, другой рукой воткнуть в него что-нибудь острое. Я видел на звездолете листы, которыми ты обит и которые уже попадались мне на глаза – в пустой комнате, там, в пустыне. Крепче материала у нас точно нет, так что хоть подготовь запасной вариант. Мда, дожили, деремся с пришельцем допотопным оружием!

9

Люба удивила своим уверенным шагом по направлению к непонятной для Насти точки интереса.

– Тебе нужен отдых. – Люба заговорила непринужденно, словно у них обычная прогулка по известным местам. – Для этого я взяла тебя с собой. Порой нужно отвлечься, чтобы картинка стала четче, а мотивы ясней.

– Я в порядке.

Настя проверила, как идет связь между ними – отдельно, то бишь Люба не хочет, чтобы их кто-то еще слышал. Так в программе скафандра Настя решила посмотреть медицинские показатели остальных, но в списке подключенных отсутствовал Бэккер, при этом датчик жизнеобеспечения показывал, что сам он в живом состоянии. Общие показатели Оскара и Роды ожидаемо отмечают сильное обезвоживание и переутомление. Спустя недолгую минуту тишины Люба заговорила повествовательно, что немного раздражало Настю не только из-за нежелания услышанного, но и в целом она не могла до сих пор определить, как относится к этой женщине.

– Несчастливая Рода не верит Бэккеру – ей просто нужно уйти подальше от Монолита и того, кем ее сделала Тишь. Оскар не верит Бэккеру – но его долг знать врага для будущей защиты, вот он и потекает ради разведки. Шагает во

тью, чтобы спасти свет. Его отец верил в сына так сильно, как только может родитель верить в ребенка. Сейчас Оскар вынужден быть кем-то больше, чем был и есть, компенсируя свою недоработку, виня самого себя за выживание, цепляясь за единственный важный образ – его отца.

– Это ты где увидела «потакание»?

– К сожалению, мне также ясно, почему пошел Петр. Он лишен всего, простому сердцу – простая жизнь. Порой лишь добрый человек способен на личную жертву с утерей посмертной памяти ради чего-то большего, доступного в искренней оценке лишь единицам, оставив спасенное большинство в неведении жертвенности. Сломленный судьбой, он верит, что именно она и направила его к этому месту и времени в данной форме исполнения. Возможно, он сейчас самый счастливый – его цель понятна и проста, ставки проще некуда, наследие в исполнении, не более того.

Ощущая затылком, Настя готовилась к встрече с подступающим страхом перед следующими словами, но при этом она не могла ни прервать Любу, ни уж тем более сменить тему – нечто внутри хотело вскрыть это наружу.

– Зачем ты здесь, Анастасия?

Недолго думая, ощущая комок в горле и некую тягость мыслей, Настя с трудом сформировала емкий ответ:

– Я не знаю.

Лишь сейчас Люба развернулась и посмотрела на нее так, как прибывают подсудимого к сокрушительному вердикту,

фиксируя это состояние не только для отчета справедливости, но и для будущего перевоспитания, обязанного начаться именно сейчас. Познавая это внушение, Настя вспомнила, что значит перед кем-то отчитываться, быть малым звеном важной иерархии, где нет места опрометчивому эгоизму. Последний раз она себя так ощущала при Козыреве, когда тот сообщил, что Андрей Дикисян борется за жизнь в операционной.

– Не суди Бэккера. Участь его незавидна за неимением доказуемой свободы воли, отнятой силами судьбы и времени. Эти два божества нашего мира неразрывно существуют с момента основания, играя в свои игры, плетя жизнями паутину причин и следствий. Судьба ведет человека по дороге времени без его же ведома, разрешая нам лишь произвольно трактовать их следы остаточного влияния. Бэккер был выбран против воли, познав эпилог, терзаемый страданиями, он мечтает оказаться вне выдвинутых рамок богами, как и многие, мечтает дойти до конца, чтобы познать самое ценное доказательство свободы – начало новой жизни.

Насте не понравилось услышанное, пришлось с минуту молчать, чтобы говорить хоть немного учтиво.

– Ты будто бы оправдываешь все его безрассудные деяния, как оказалось, совершенные под влиянием жажды мести. Цель оправдывает средства?

– Невозможно всегда быть хорошим человеком, Анастасия. Разве незнание сути своего стремления не способно

принести вреда больше, нежели пусть и страшное, но стремление с конечной точкой исполнения?

– Мое незнание не убило несколько сотен тысяч...

– На данный момент. Свой первый день Бэккер лишь спасал, да, от угрозы своей тени, но все же не желал он того, что происходило во второй день. Доброе намерение в пути столь независимо от цели, сколь и добрая цель независима от ужасного пути. И разве не для этого ты хочешь дойти до конца, чтобы избавиться от промежуточных итогов?

– Чего ты от меня хочешь?!

– При наличии шанса исправить минувшее ты воспользовалась бы им?

– Осколок у Пети, и я сомневаюсь...

– Это не ответ на мой вопрос.

– Я не знаю, кто ты на самом деле и как ты мыслишь, но любой здравомыслящий человек на моем месте хотел бы спасти людей, мне здесь нечего стыдиться или корить себя. Но я дала обещание не делать этого, мы с Оскаром дали это обещание, и я сдержу его!

– Интересно было бы узнать твое мнение без обязательства перед мертвыми. Желание и долг – не одно и то же.

Скромной улыбкой Люба сделала в уме некие заметки, после чего продолжила путь, оставив словами чуть ли не физическую рану на сердце Насти. Весь комок противоречий за последние дни сформировал ядовитый осадок, будто бы она отравлена, причем не только событиями, но и мотивами.

Оттого Настя и посматривала на Оскара и Роду, ища в их адаптации хоть какой-то полезный ей самой инструмент. И вот сейчас, наедине с Целестином, глядя вслед Любе, Настя искренне хочет так тут и остаться, одна, в тишине и покое, вне границ истории Бэккера. Принятие этого желания напоминает глоток свежего воздуха, чуть-чуть отчищающего ее разум от отравления.

Люба остановилась перед небольшой неровной возвышенностью по пояс, оказавшейся при детальном рассмотрении границей пятиметровой траншеи. Ничего не сказав, Люба спешно перелезла, желая скорее ее пересечь, и только Настя догнала ее, спрашивая вслед о причинах такой реакции, как та уже добралась до противоположного края. Остановившись, Настя уже хотела отдернуть увлеченную Любу, как та указала рукой вниз – туда, где граница траншеи соприкасается с пропастью, видимо, образовавшейся из-за падения космического объекта, оставившего вскопанную линию на поверхности Целестина. Там, на глубине метров сорока, что-то лежало, прямо у дальней стены, почти целиком заваленное камнями и пылью. Если бы Люба не указала, то и заметить нечто спрятанное при беглом осмотре было бы невозможно. Настя вряд ли бы вообще решилась обратить хоть какое-то внимание на слегка выпирающую из-под наклонной насыпи некую глыбу с острым углом в девяносто градусов, если бы не ярчайшая заинтересованность ее спутницы, проявляющей откровенную смесь возбуждения и переживания.

Люба произнесла определение объекта внимания с ярким чувством радости, безошибочно давая понять великую ценность этого момента. В тот момент, когда мозг Насти начал осознавать услышанное, запуская цепную реакцию для неоднозначных эмоций, позади них случилось немыслимое – на высоте метра в четыре прямо из пустоты появились две фигуры. Перед их физическим проявлением нечто вырвалось из точки их скорого проявления, окутало все вокруг живыми волнами переливающегося красно-белого оттенка и в ту же секунду исчезло, что и подтолкнуло обеих обернуться в ужасе. То было вспышкой, больше походившей на обман разума или проблемы с глазами, опровержением чего и послужило резкое появление двух фигур, упавших вниз следом за исчезновением странной световой сигнатуры, будто бы оно на какую-то миллисекунду выползло и залезло обратно. Но образ более не интересовал, ведь в трех метрах от них на спине лежал Петя, чья броня уже была повреждена от ранних ударов того, кто ныне стоял сверху и большим размахом нанес еще один удар в грудь. Агрессор был Варваром. Трехметровый, широкий, с крупными руками, ногами и корпусом, он напоминал грубую форму человеческого тела, покрытого или целиком состоявшего из чего-то около металлического, цвета то ли серого, то ли черного. Черные горизонтальные линии начинались от пят и шли до головы, словно его делили на тонкие доли. Голова была без лица, ушей, рта и носа, будто бы лишь простая, немного вытянутая форма. Один его

вид внушал чудовищный страх от одновременной простоты и неопишуемого таинства природы этого существа. Петя выставил руку перед ним, но Варвар одним ударом разнес ее на куски, уронив ладонь тому на грудь, после чего они вновь исчезли. Все произошло за какие-то десять секунд. Люба и Настя не успели сообщить по связи об этом фрагменте будущего, потому что сотрясение почвы от тех трех ударов оказалось столь сильным, что камни стремительно стали уходить у них из-под ног. Падая вниз, Настя была окутана чем-то столь немыслимым, что разум мог успокоить себя лишь полезным для выживания воспоминанием слов Любы о находке на дне этой ямы, куда они и падают: «Это кусок космического корабля, который улетел с Опуса на Кому для основания Авроры».

Гаскоин не имел привычки нарушать приказ или выражать сомнение в решениях вышестоящего руководства, особенно без цельной картины происходящего. Но когда им поступили сведения о нападении хищников неизвестного происхождения на Монолит, в нем заиграло волнение ранее невиданного уровня. Этот человек был воспитан строго, но справедливо преимущественно отцом, учившим его, что труд человека не только формирует, но и характеризует этого человека. «Нормально делай – нормально будет», – любил повторять его отец при каждом удобном случае, приучая единственного сына быть ответственным за себя и свой труд. Эти мудрые слова выручали его в каждый сложный час и день, но здесь, когда столь глобальная угроза уничтожила Монолит, что-то в нем пошатнулось. Некогда надежность Опуса во всех сфера деятельности вызывала лишь восхищение и гордость за возможность быть частью большого отлаженного механизма, именуемого государством. Теперь же его слаженный ум обогащен сомнениями самого примитивного характера, что не просто несвойственно ему – напоминает болезнь, этакую инвалидность. Начиная от его бессмысленного назначения на Эфир, заканчивая своеволием Бэккера, который, как теперь известно, взял на себя роль перво-

проходца на Целестине для битвы с каким-то Варваром, что само по себе звучит бредово, так еще и вмешиваться станции почему-то запрещено – лишь слежение да сводка.

К таким событиям он не просто не был готов – ему кажется, что нынешняя «болезнь» может лишь усугубить возможные в скором будущем события, где потребуются все его силы и навык, дабы... спасти их? Или вступить в эту битву? Очень плохое предчувствие пронизывает Гаскоина от головы до пят. Не менее важным в этом смятении выступает страх за семью перед этими хищниками, наличие коих на Опусе не доказано, но и не опровергнуто... насколько сам он осведомлен в этом вопросе. Совсем ведь недавно он узнал, что у него будет ребенок от женщины, которую ему нашел для продолжения рода отец вместе с мамой благодаря программе продолжения рода человеческого. Простая процедура совместимости для сильного потомства сверхточно определяла подходящих партнеров не только генетически, но и психологически, отчего жена его была ему приятна умом и характером. Возможно, то, что она оказалась беременна его ребенком за месяц до Эфира, и будит те самые родительские инстинкты. Он должен быть сильней, чтобы защитить ребенка, чему явно не способствует ранее выраженная Изабелле тревожность. Как же тут все одноклеточно примитивно, сокрушался Гаскоин, пока слушал разговоры Бэккера с остальными: они словно голышом собираются сражаться с неким существом, для изучения которого Лорн имеет

на руках лишь пару дронов и немного мелкого оборудования. Может быть, в этом задача Эфира на самом деле: исследовать возможности Монолита как возможного противника для Опуса? Если так, то у них для него хорошие новости – столице потребуется от силы сутки для доминирования над колонией. Возможно, от этого Лорн так спокоен, словно на прогулке, хотя паренек сам по себе будто бы незрелый толком, не раз подмечал Гаскоин, видя затянувшееся раскрытие потенциала вполне умелого программиста, любителя гаджетов.

Гаскоин взглянул на виртуальную линию траектории челнока Изабеллы, пересекающей пространство между Эфиром и Монолитом, на трехмерной карте и удивился тому, что она не информировала его о прилете. Все-таки и место опасное, и цель непростая, умолчать свой статус она точно не могла, только если не случилась непредвиденная ситуация. Попытка выйти с ней на связь не получилась, пропеленговав ее передатчик, Гаскоин с удивлением обнаружил отсутствие его работоспособности как таковой. Стоило открыть съемку со спутника в реальном времени, как челнок Изабеллы оказался в кадре, прямо на крыше государственного блока во время своего взлета. На первый взгляд все выглядело спокойно, без происшествий или угрозы Особей, так что, решив не сообщать об этом странном казусе Лорну, Гаскоин лишь следил за полетом челнока.

В тот момент, как стыковка произошла, Гаскоин сразу же

наладил зрительный контакт с Изабеллой через небольшой иллюминатор в шлюзе. Вид ее сразу же отсекал любое сомнение в ее состоянии.

– Игорь Козырев убит, как и весь штаб. Выстрел в голову, прямо в лоб. Особей замечено не было, но они точно пребывали внутри блока. Живых нет. Я забрала жесткие диски, надо подключить к передаче.

– С челноком не было связи – не мог тебя вызвать.

– Да, я заметила. Не знаю, из-за чего, проведем диагностику, там видно будет.

Изабелла держала в одной руке крупный ящик, который был тем самым центральным жестким диском, сохраняющим все сведения автономно, а другой уже начала открывать шлюз, как внезапно остановился в момент, когда герметизация уже была нарушена. Глаза ее стали дергаться, тело чуть ли не свернуло в клубок. Закончилось это странное искажение физической формы сильнейшими рвотными порывами, в период коих Изабелла из последних сил успела закрыть шлюз, изолировав себя от Эфира.

Гаскоин не просто растерялся – паника сковала его на затянувшиеся минуты отчаяния.

– Немедленно сообщи Опусу о заражении биологического характера и введении карантина! – Изабелла чуть ли не скалилась прямо перед очередными приступами сильнейших спазмов с уже кровавой рвотой, заполняющей пространство челнока. Гаскоин стал немедленно исполнять при-

каз, но только его руки коснулись пульта управления, как по громкоговорителю голос произнес: «Потеря всех каналов связи с Опусом, Целестином и Комой. Введение карантина предусматривает блокировку транспортных возможностей. Любая попытка покинуть станцию будет расценена как угроза для окружающих на любой площади контакта».

– Мы здесь теперь заперты! – Изабелла с трудом находила силы. – Разберись сначала с каналами контакта, я проведу сканирование тела. Это явно что-то с Топи. Монолит теперь запрещен к посещению. Гаскоин! – Он встретил ее свирепый взгляд. – Слишком большое стечение обстоятельств. Кто-то устроил нам диверсию, парализовав Эфир.

ТЕМА ПИСЬМА: Целестин

Начну с общего – спутник Целестин является не обителью известного тебе под прозвищем Варвар, и уж тем более не представляется местом вольного отдыха. Целестин – это тюрьма, куда его сослали отбывать неизвестный для меня срок. Этакая одиночная камера содержания, выбраться откуда у него нет никакой возможности без Осколков или же космического транспорта. Раз в сотню лет – если исчислять этот срок по нашему календарю – Варвар получает возможность самой примитивной прогулки по поверхности мертвого спутника, лицезря недоступную ему Вселенную, тоскуя по дому и воле, дотянуться до чего кажется таким простым, но все же недоступным. Его содержание под землей в оборудованной гробнице возможно лишь благодаря сверхтехнологичному гробу, лежа внутри которого почти сотню лет, он сохраняет свою жизнь, потому что все необходимое для жизнедеятельности во сне и наяву имеется в строго отмеренном количестве. Он не может обогнуть Целестин по самой банальной, оттого и грустной причине – время автономности ограничено одним месяцем нашего календаря. Все оказалось легким в понимании, но сложным в исполнении, сейчас объясню. Когда саркофаг раскрывает свои двери, задача пленника не в наслаждении свободой – время даровано лишь для

того, чтобы напитаться солнечной энергией, проверить ферму с Особями, убедиться в работоспособности всех систем жизнеобеспечения и подготовиться к тому, что следующую сотню лет в саркофаге он будет обеспечен питанием и энергией. Просто представь, как мало дозволено существу, некогда обладавшему силой столь великой, сколь неизмеримой нашими системами оценки работоспособности.

Те самые Особи, которые тебе знакомы, выведены генетическим образцом идеальной формы защиты хозяина с обеспечением всех необходимых питательных веществ. Много белка для строительного материала, умеренно жиров и углеводов, с достаточно крепким скелетом, применимым для множества ситуаций беззащитного пленника. Особи являются идеальной пищей, разведкой и защитником для него и ему подобных. Думая наперед, их разводят больше нужного, чтобы в случае чего Варвар мог и защитить себя, и прокормиться. При этом им могут ставить отдельную задачу, например охранять важный объект и устраивать гнездо там, где будет безопасней всего для них и максимально полезно для исполнения своей цели. И если им приказано, то непоколебимое исполнение может быть нарушено лишь смертью. Преданы на генетическом уровне лишь ему и подобным, в случае угрозы внешних сил обеспечивают безопасную территорию в ожидании команды, при этом умеют анализировать ситуацию, дабы не попасть в ловушку гипотетического противника. Преследовать врага в слепом порыве могут лишь первые

из пробудившихся, чтобы собрать информацию для остальных, передав ее неизвестным для меня образом. Это что-то стадное, они умеют не просто контактировать друг с другом – им подвластен чуждый нам способ формирования единого сознания околоразумного состояния, как некий рой запрограммированных на согласование единиц. Абстрагируясь, не могу не подметить удивительность этих существ и того, как хорошо они исполняют свою роль. Но их жизненный цикл, способ питания и размножения пока остаются для меня тайной, что показатель высокой важности сохранности этой информации, видимо, во избежание изъятия технологии с возможностью успешного противостояния этим созданиям. В целом я считаю это разумным: нельзя чтобы иные обладали шансом защиты, ведь никто не знает, куда заведет тропа дружбы и как развернется связь между созданиями в пылу гипотетического конфликта.

Причины его злоключений происходят из наказания, если простым языком, за чрезмерную инициативность. Знакомо, не правда ли? Его принадлежность к высокотехнологичной расе несет сокрушительную для Вселенной угрозу при несоблюдении строжайшей ответственности. Несмотря на высокий уровень конфиденциальности, есть информация, что называется – грубыми мазками. Обуздав материю Вселенной, разграничив жесткие законы, они открыли возможность создавать планеты и солнца. Разумеется, законы были достаточно строгими, и, как мы теперь знаем, Целестин

и стал результатом нарушения этих законов. Неизвестно, за какие конкретные нарушения Варвар был лишен Осколков, следственно, и свободы, но точно известно одно – никакой смертной казни у них нет. Я пришла к простому выводу – смерть им слишком дорого обойдется. Таких, как Варвар очень мало, лишь избранные получают привилегию связать свою жизнь с тем, что я назвала по ближайшей аналогии – Внешняя наука. Мне не совсем ясно, Варвар молодая Особь или же старая, но ясно другое – он нарушил закон, и плата его заключается в изоляции на Целестине. Если он выживет, что возможно лишь благодаря строгой дисциплине и жертве свободы воли, то по истечении срока его вызволят оттуда. Есть шанс, что в его руки попадет некий космический транспорт или же Осколки, которые и являются источником энергии и инструментом путешествий по Вселенной. Целестин – не просто место: оно было создано, чтобы наказание в невидимых преградах имело воспитательный эффект не в последнюю очередь посредством медитативного переосмысления прошлого, настоящего и будущего. Варвар или ему подобный всегда один в этом месте, и все, что ему остается помимо сохранения структуры возобновляемого ресурса для жизни здесь, – так это смотреть в пустоту, выискивая там изменения не только в мире, но и в самом себе. Уверена, еще многое мне неизвестно, но, как и писала, это лишь «грубые мазки». Планетарная инженерия вынуждает переосмыслить догматичные представления награды и наказания. Свобода

для нас – клетка для него. Божественное создание заперли на свободе в одиночестве. Мне искренне грустно от осознания такой несправедливости.

Нечто властное выталкивало их из чего-то уютного и мирного в грубое и неприятное, нарушая некогда близкий покой в пока что им неясную угоду. При этом обе не подозревали друг о друге до момента достаточной ясности ума и зрения, но с отстающим слухом и обонянием. Вырванные из пустого сна, уютно прячущего от раздражающего своим физическим воздействием мира, Люба и Настя долго вспоминали процесс переноса мыслей в слова, то поглядывая друг на друга, подмечая наличие на своих телах все тех же скафандров, то увлекаясь окружением: позади них была металлическая стена, справа – каменная, слева – открытый проход в другой отсек, а вот перед ними, между двух дверей, закреплены вертикально три криокамеры с глухими крышками. Сами они сидели на пилотских креслах, ногами к пустому пространству в центре, под последней еле работающей лампой на потолке. Тишина давила на них столь же неприятно, сколь стонало тело от каждой слабой попытки любого движения. Казалось, смерть настигнет их с минуты на минуту. Время возымело свойство растянуться столь своевольно, сколь первые доказательства ясности ума оказали на обеих влияние яркого торжества. Заряд энергии вынудил Настю подскочить так, как убегают от самой смерти. Она упала на пол, радуясь боли

во всем теле, потому что эта боль доказывает ее жизнеспособность и наличие сил для борьбы со смертью. Люба же делала все медленно, терпя физическое страдание на каком-то неведомом Насте уровне, явно не впервой сталкивая с аналогичным, отчего и не было ни капли паники. Люба помогла ей встать, после чего, держась друг за друга, они осели обратно в кресла, контролируя каждую свою мышцу, вглядываясь в глаза друг друга скорее из желания моральной поддержки, чем поиска ответов. Одним из ключевых элементов преобладания трезвости над смятением стала возможность дышать в этом тесном помещении воздухом, ведь они, как оказалось, были без шлемов. Воздух был тяжелым, немного словно и грязным, что внезапно пугало их достаточно сильно, дабы бояться произнести первое слово. Но это и не потребовалось. Внезапно без предупреждения они услышали мужской голос – немного шабутной, добрый и заботливый, кажущийся молодым, но отдающим местами странной хрипотой:

– Не спешите. Все хорошо. Спокойно дышите, аккуратно возвращайте себе осязание. Вас нехило потрепало, повезло еще, что можете на своих двоих стоять. Хотя скафандры хорошо сдержали удар при падении, пусть органы немного и пострадали, но, спешу заверить, ничего критического вам не грозит. Я почти уверен, что несколько часов да умелая консистенция медицинских аппаратов приведут вас в более-менее удобоваримое состояние. Понимаю, что вы удивлены и,

как это так сказать... испуганы, но, заверяю, что мотивы мои добрее самой доброты, все-таки... Мда, наверное, я немного поспешил, вот и стоит извиниться, что... Хотя, вот знаете, я вам жизнь спас, так что переживете, уж что-что, манеры приличия могут и потерпеть своей ценности. Главное, что вы пришли в себя, значит, организмы восстанавливаются, как и мыслительные процессы. Было страшно, что может быть поврежден спинной мозг, но, как я уже говорил, скафандры ваши – штука отличная, погасили удар, а остальное... ну, сотрясение уж никуда не деть, тут могу лишь посочувствовать. Между вами, на стене сзади, я установил диагностический аппарат – там на экране ваши показания с датчиков, которые на запястьях, можете сами все проверять. Уж прошу извинить, но пришлось ваши скафандры снять и... ну, когда спасаешь жизнь, то уж не до личного пространства, если вы поняли, о чем я. Ничего личного, но проверить отсутствие переломов, гематом и прочего... Короче, вы живы, и это отлично.

Его переживания имели успокоительный эффект, так что, когда зрение почти пришло в норму, Люба моментально заметила в дальнем правом углу, между дверью и каменной стеной, человека, сидевшего в темноте на стуле. Настя проследила за ее взглядом и сразу же подметила неизвестный ей черный скафандр на этом человеке, чьи сложенные в замок руки лежали у поясницы, пока сам он сидел на стуле с ровной осанкой. Более-менее были видны лишь согнутые в

колене ноги да руки по локоть, остальное окутано темнотой. Настя отлично чувствовала его взгляд – заинтересованный, проистекающий из самой черноты, при этом сам он стал волновать ее меньше в тот момент, как она увидела раскрытые в оцепенении глаза Любы.

– Здравствуй, Любовь.

Реакция не заставила себя ждать: вместо известной Насте властной, волевой, взрослой женщины перед ней образовалась искренняя, полная человеческой ранимости девушка, закрывающая ладонями рот от переполняющих ее эмоций, чьи влажные глаза проявляли все краски заботы и любви. Этот неизвестный был ей не просто дорог – так могут реагировать только на долгожданную встречу с самым близким и важным человеком. В порыве заботы Люба резко встала по направлению к нему, но сразу же с тем, как слабость оказалась сильнее стремления, этот человек чуть поднялся, желая успеть поддержать ее, но остановился, увидев, что она упала обратно в кресло.

– Все такая же упрямая! – произнес он с добрым воспоминанием, после чего пересек помещение, скрылся за проходом, и не успела Настя и слова сказать, лишь кратко взглянув на монитор по привычке, убеждаясь, что Люба далеко от критического состояния, так незнакомец вернулся, держа в руках деревянную коробочку. Он отдал ее Любе, Настя же не могла больше молчать.

– Я знаю это! – Незнакомец успел поднять железный стул,

явно желая пододвинуть его ближе, но сразу же поставил обратно, медленно сел, вновь прячась во тьме. Люба уже поняла, что Настя собирается сказать, и просто медленно рассматривала коробочку, переполненная теплыми чувствами. – Это было у Андрея, он забрал ее с Авроры еще два дня назад, когда мы Бэккера познакомили с Петей. Но он скрыл это, я узнала лишь потом. Она была у него, он берег ее... в тот момент я видела его последний раз, уже потом Козырев сообщил, что его убили.

Настя была жадной на ответы, пронзая Любу недобрым взглядом того, кто уже сделал слишком много поспешных выводов. Люба подняла глаза на Настю и заговорила с нотами скорби:

– Это я попросила его проверить Аврору. Мне нужны были доказательства того... что я – это я. Настя... я оказалась в его комнате примерно тогда же, когда Бэккер в своей.

– Что ты такое...

– Ты уже все поняла. Сказанное Бэккером о будущем – это правда. Мне оно известно независимо от Бэккера – лично наблюдала. Когда Осколок переместил его, то и я вернулась туда, где была эмоционально привязана в тот момент. Это сложно объяснить, но Осколок словно чувствует того, кто с ним контактирует. Я знала потомка Андрея, жившего на Авроре. Уже в Монолите я нашла его комнату, там увидела фотографии... ну и узнала того, чьи гены достаточно хорошо сохранились с поколениями. Я хотела там умереть, потому

что устала и... А потом случился скачок. Андрей был в своей комнате, ночью, когда я там внезапно очутилась. Он хотел помочь мне, был добрым человеком, как и его потомки. – На этих словах Люба посмотрела на незнакомца и поделилась горькой улыбкой.

Настя спрятала лицо в ладонях, борясь то ли со злостью от очередного обмана, то ли от усталости нового слоя этой бесконечной истории. Она молча сидела несколько минут, успешно блокируя желание обвинить Любу в смерти Андрея лишь за счет напоминания о более важной проблеме. Она подняла глаза, и только Люба хотела наклониться вперед и внятней все разъяснить, совершенно не скрывая своего переживания, как Настя подняла руку, останавливая ее еще на полуслове.

– Потом поговорим о том, почему ты скрывала столь важные знания, как это делал Бэккер. Сейчас нам надо вернуться. Мы обе видели, как Варвар и Петя дрались! Видели перед тем, как ты сказала, что на этом корабле прибыла с Опуса и основала Аврору! Я очень сильно сдерживаю себя. Если не решать проблемы поступательно... – Настя не смогла закончить предложение, ее почти трясло, злоба все же брала вверх, как ответная реакция на все более закручивающийся бардак причин и следствий.

– Это ты убила Андрея?! – все же вырвалось из нее вопреки желанию, придав сил даже встать во весь рост. Неизвестный уже хотел как-то вмешаться, встал со стула, но Люба по-

просила его успокоиться, после чего сама поднялась, чтобы посмотреть Насте в глаза во время важного откровения.

– Я бы никогда так не поступила с ним. Его гибель стала для меня таким же кошмаром, как и для тебя. И, как и тебе, мне сообщил Козырев, когда я пришла к нему на переговоры. Андрей куда-то пропал, его поиски привели меня к бунтующим. Дальше ты знаешь. Эта коробка была у Козырева, когда мы встретились. Андрей передал ее ему, лишь благодаря этому решению меня и приняли.

Настя упала обратно в кресло, мирясь с нежеланной, но вполне вразумительной историей. С другой стороны, что-то внутри просто хотело принять это на веру, избавляя себя от нового конфликта с новым бременем тягостной правды. Люба присела и хотела что-то еще сказать Насте, прекрасно понимая ее связь с Андреем, но промолчала. Ее внимание переключилось на до сих пор неизвестного для Насти человека, внезапно для Любы оказавшегося вновь в углу, прячась в тени.

– Думаю, надо вас представить. Это Настя – добрый человек, житель Монолита, колонии, воздвигнутой недалеко от Авроры, которая, в свою очередь, ныне памятник прошлого. Настя – это Оцелот, он прибыл с Опуса и основал со мной Аврору. Один из самых важных людей в моей жизни.

– Просто «важных», уже не любимых? Прикольно! Не зря дожидался, спасибо, солнце мое, пойду еще подремлю, вдруг потом снова любимым стану.

Люба от этого саркастичного комментария расцвела в улыбке, словно девочка, наконец-то оказавшаяся наедине с любимым мальчиком, радуясь каждому мгновению. Настя все наблюдала за ней, и внезапно ее претензия ослабла, ей даже стало жаль эту женщину, от которой так и веяло лишениями и несчастьем. Ныне Люба раскрывается жертвой несправедливости, а никак не властным лидером церкви. В каком-то смысле видеть ее такой – это даже мило, подумала невзначай Настя, собираясь уже нарушить эту неуместную для обстоятельств, от того и ценную идиллию.

– Может быть, отложите это на другое время?! Пока мы тут болтаем о прошлом, Оскар, Рода и остальные, возможно, уже столкнулись с Варваром! Их надо либо предупредить, либо же им помочь!

Настя была рада своей грубости в этот момент, как подтверждению возвращения хоть какого-то контроля над своей жизнью. И стоило ей уже попытаться встать, дабы скорее покинуть это тесное, мрачное и неудобное место, как краски окружения будто бы сгустились еще больше, вынудив остаться на месте из-за реакции Любы.

– Почему ты прячешь от меня свое лицо? – Повелительный тон с властной харизмой вновь проснувшись, ощутимо отрезвив Настю серьезностью момента.

Напряженное молчание лишь усилилось от самого простого, оттого и жуткого вопроса: ведь он и правда так и не показывал свое лицо из-под шлема скафандра, все время

оставаясь в тени. И если Настю окутал пронзающий холодок по всему телу, подталкивая к немного большему пониманию пережитого Родой кошмара в пещерах на Кома, то горячий нрав Любы словно пульсировал от смеси страха за любимого и злости на очередную несправедливость в ее жизни. С момента вопроса он не двинулся, сидел ровно, руки держал сложенными на груди. На исходе затянувшейся раздражающей тишины голова была опущена вниз на манеру грустного смирения с грядущим откровением. Медленно, словно ранимое создание, он поднялся, передвинул стул под свет лампы и вновь сел на него, затем последовало снятие шлема. Все произошло медленно, каждый звук и движение врезались в их память с неоднозначным, требующим будущего переваривания эмоциональным окрасом, ибо вместо человеческой головы увидели они голову примитивного робота с щелями вместо глаз и рта.

– Я должен извиниться. Но лучше вам увидеть его – мою марионетку, потому что настоящий я... Прости меня, Любовь, я уже не в той форме, каким ты меня знала и помнила. Простите, что не сказал сразу, но... скажем-с так, мой вид может шокировать, и раз вы смогли чуть-чуть привыкнуть, прийти в себя и освоиться... Его не обязательно было вам раскрывать, но, как я и сказал, это удивление чуть-чуть подготовит к следующему.

Робот отошел, прихватив стул, чтобы сесть обратно в угол, пугая их своей обезличенностью. И не прошло и ми-

нуты, как причина его поведения раскрылась им – верхняя половина крышки центральной криокамеры стала прозрачной, позволив им увидеть закрепленного внутри человека: без рук, без ног, лишь грудная клетка, шея и голова – вот все, что было зафиксировано, подключено к системе жизнеобеспечения и шлему для компьютерного интегрирования, скрывающему глаза, уши и рот. Люба сама не заметила, как подошла вплотную к стеклу, уткнувшись в него раскрытыми от шока глазами, забыв про все вокруг, не способная сказать ни единого слова. Чудовищная боль вырвалась изнутри ее сердца в потоке слез и оголенной скорби, ломающей ее изнутри и снаружи. Ей было так больно, как не должно быть больно человеку. Настя, возможно, впервые увидела, каково это, когда человек кричит одним своим видом, заполняя тишину неопишными страданиями.

– Прости меня, но я не мог иначе. Когда ты пропала, Касандра привела нас сюда в надежде найти способ избавить тебя от Осколков. Но все пошло не по плану. Пришлось сделать очень многое... Я не мог сдаться. Если и был шанс спасти тебя, то только здесь, на Целестине. Мы не знали, куда тебя перенесло, но сидеть и ждать не могли. Годы шли, связи не было, мы пытались починить корабль, который упал сюда из-за метеорита, внезапно располозовавшего Целестин. Это же надо так, да? В общем... Я не хочу, чтобы ты винила себя. Пусть я знаю, что ты все равно меня не слушаешь, но, пожалуйста, Любовь, женщина, которую я люблю... Я люблю

тебя больше жизни, иначе бы не отдал ее за тебя. И если бы пришлось, я бы поступил так снова, потому что не могу не поступить так.

Измотанная страданием от этой нечеловеческой трагедии, вытирая лицо от слез трясущимися руками, она взглянула на Настю и испугала ее, потому что ей было отлично знакома сокрушительная смесь вины и отчаяния. Желая как-то отсечь этот знакомый по событиям на Монолите каркас страданий, заодно позаботиться о будто бы умирающей на глазах Любе, Настя сначала хотела задать вопрос на отвлечение, но вскоре осознала, что нащупала нестыковку.

– Я не специалист, но... разве автономность этих камер не рассчитана на сотню с лишним лет? – Люба смогла чуть-чуть ухватиться за мысль и вылезти из трясины трагедии, что позволило Насте продолжить уверенней: – Если вы прибыли на Аврору на этом корабле, что произошло где-то сто десять лет назад, насколько мне не изменяет память учебников истории, то... Я не пытаюсь критиковать, просто... Извини, но у меня за последние два-три дня паранойя развилась, уж слишком много я ошибочно думала, что понимаю происходящее.

Любу окончательно захватило любопытство, навеянное желанием Насти сформировать понятные точки координат для ориентирования в истории.

– Я должен задать вам один вопрос. – Его задумчивость насторожила, придав моменту новых глубин восприятия. –

Какой сейчас по-вашему год?

Настя и Люба молча переглянулись – скорее из-за нужды вместе пережить новое откровение, которых стало слишком много.

– Я не смог сказать сразу. Это очень тяжело не только слышать, но и говорить. Сначала вы должны были прийти в себя. Я нашел вас недалеко от корабля, вы лежали без сознания. Высота была большой, метров сорок примерно, а внизу камни. Вы, вижу, не помните падения. Состояние было критическим, время уходило, вот я и погрузил вас в анабиоз, чтобы выиграть время. Знала бы ты, Любовь, как я удивился при виде тебя. У меня тут очень скудное оборудование, про медикаменты и говорить не стоит. Если бы не генетические эксперименты Кассандры, которые она начала еще на Авроре, ты, думаю, помнишь, как она увлеклась образцами из Топи. Ну мы их и забрали сюда, где... Мы проводили эксперименты, потому что тут есть то, чего нет на Комере, – солнечная радиация. Оказалось, что образцы Топи умеют адаптироваться в экстремальных условиях. Времени у нас было полно. Мы смогли создать новый вид бактерий, умеющих исправлять поврежденные клетки, восстанавливая чуть ли не любой организм. Но на это требовалось время. Много времени. Когда вы упали... у вас обеих были переломаны позвоночники, кости ног и... Короче, с такими травмами умирают сразу же. Но, как и говорил, мне повезло. Лишние минут пять – и вы бы погибли.

– Сколько мы тут лежали?! – Настя начала задыхаться, Люба взяла ее за руки, прекрасно зная на своем опыте переживаемый шок.

– Шестьдесят четыре года. Мне жаль. Это ужасно слышать. Понимаю. За эти годы бактерии медленно возрождали вас, пока анабиоз сохранял разум и сам мозг. Мне пришлось... Мне пришлось сделать это с собой, чтобы вы выжили, иначе некому было бы следить за процессом вашего возрождения. А для этого... ну, много мне не надо. А вот бактериям нужен строительный материал, который они перерабатывают в ресурс для восстановления отсутствующих клеток.

– Я не верю! – Настя посмотрела на Любу и разозлилась еще больше от ее спокойного смирения.

– Простите меня, но я не мог бросить вас. Я сделал то, чему меня учили и что сделал бы любой хороший человек, – пожертвовал собой. Мне... Мне хотелось спасти хоть кого-то, ибо сам я... Мое время ушло. А ваше только начинается.

У ступеней Лорн установил датчик движения с камерой наблюдения, дабы при появлении врага, чье логово спрятано, все они не были застигнуты врасплох, как случилось с Бэккером. Если бы не это простое действие, выход Варвара оказался бы катастрофическим событием. Медленные шаги вынуждали широкие и высокие ступени немного сотрясаться, выдерживая огромный вес уже далеко не первый раз. Его величественная фигура двигалась неспешно, моментами и вообще казалось, что собственный вес поддается ему с трудом, от чего руки свисали вниз, спина держалась немного сгорбленно, а ноги делали небольшие шаги, сгибаясь в колене лишь на треть возможностей. Как-только он поднялся по ступеням и сделал пару шагов на пустую площадку, то еще некоторое время смотрел вниз, позволяя голове чуть ли не свисать на шее, будто бы ему требовалось время прийти в себя, пока тело выводило само себя наружу. И тут он поднял голову вверх, что-то выглядывая в окружающей темноте, поворачивая сначала голову, потом и тело. В этот момент он выпрямил спину и как-то странно преобразился, стал заметно плотнее. Прорези, которые кольцом окутывали все его конечности, торс, шею, голову и даже пальцы, стали немного уже, за счет чего и само тело стало плотнее. Все эти тонкие метаморфозы

фигуры заметны лишь при внимательном слежении за ним, чем и занимались Оскар и остальные, получая изображения с камер наблюдения. Оскар, Рода и Лорн испытывали нечто большее, чем страх, – переосмысление своего места в этом мире играло роль сокрушителя опор понимания этого самого мира. Отныне они знают, что если и было нечто способное заставить их ощутить себя ничтожными созданиями никчемной формы жизни, то это появление Варвара. Тело мало играло роли: трехметровый, без глаз, ушей, рта или носа, его лицо... вроде бы было ясно, где передняя часть, а где задняя, но казалось, что он наблюдает всем телом, контролируя саму материю вокруг себя. Общая форма тела напоминала крепкого мужчину с широкой талией, большими руками и ногами, но без выпирающих грудных мышц или пресса. Этаким здоровяк, немного гипертрофированный, массивный, с четырьмя толстыми пальцами, а поверхность тела преимущественно имела серо-белые тона, немного то там, то здесь проявлялись слабо синеватые оттенки с помесью черного. Понять, броня это или же такой организм, было невозможно. Движения его были очень точными, четкими, без крупницы сомнений, всегда законченными, и почти всегда он делал паузу в несколько секунд, прежде чем тело совершало новое проявление сознания. Вековое создание, лишенное изъянов и слабых мест, прожившее так много, что невозможно даже поставить себя рядом с ним – лишь у его ног. Таковым его ощущали все – все, кроме Пети и Бэккера.

Они были ближе всего к нему – за острым камнем, расположенным вперед и правее Палатки, с другого конца от ступеней. Там Петя разместил небольшой щит и короткий меч, сваренные из кусков инопланетных пластин небольшой энергией Осколка. Уродливые пародии на примитивное оружие только-только были закончены, даже не проверены, так что, когда Варвар появился, оба спрятались, пытаясь изменить стратегию. Появление кровного врага в мгновение очистило Бэккера от разъедающего восприятие мира яда, позволив обрести завидную ясность. Первым делом он быстро, уверенно и строго приказал Лорну, Оскару и Роде закончить установку взрывчатки, пока сам сбегает за распылителем, который все еще в Палатке. Не успели Оскар и Рода что-то сказать, находясь в пещере со спящими где-то глубоко Особями, как Бэккер, словно зная их претензии наперед, четко дал понять расклад: раз Варвар вышел раньше срока, надо пользоваться кромешной тьмой. В это время Петя начнет атаку, прямо сейчас, и пока Варвар отвлечен, все они успеют довершить изначальный план. На вопрос о местонахождении Любы и Насти никто ответа не дал. Бэккер даже был рад их пропаже – меньше людей для споров. Бэккер сказал, что поспешит к Палатке, а остальные должны не отвлекаться и быть на связи. Никто не мог ему перечить: сила этого человека за счет уникальных знаний проявила в нем настоящие лидерские качества, не позволившие появлению проявления космического зла посеять панику в команду. Время уходило,

вот-вот – и Варвар сдвинется с места в неизвестном для них направлении, и раз он сейчас стоит к Пете спиной, то лучшего момента для начала схватки нет.

Все началось без слов или речей – лишь непоколебимое любыми факторами действие, путь к исполнению которого исполосован обманом и жертвами. Петя медленно вышел из-за большого камня, наблюдая внимательно за трехметровым Варваром, все еще внимательно изучавшим Вселенную, будто выискивая там что-то. Если бы не прибор виртуального видения в скафандрах и броне, то пришлось бы включить фонари, что в свою очередь исключило бы фактор внезапности. Так что, используя преимущество, Петя принял опорную позу и выставил обе руки вперед, целясь прямо в спину Варвара. Время словно замедлилось, решающий удар определил дальнейшую судьбу человечества. Благодаря реакторам в броне Пети получилось запустить реакцию Осколков, чья энергия стала накапливаться, дабы потом он мог сконцентрировать ее и направить на Варвара, иначе необузданная сила может распространиться вокруг, уничтожив и его. Все должно было случиться уже через минуту, но внезапно Варвар развернулся. Прорези вновь уменьшились, придав телу больше плотности, позволив тому ускорить шаг по направлению к Пете, успевшему в свою очередь, лишь дать отмашку всем и каждому – выстрела не будет, он не успеет.

В момент тесного контакта между двумя противоположными существами – Трехметровым, гладким и даже изящ-

ным своей громоздкостью Варваром и грубым, уродливым, сотканным из кусков материй двух с половиной метровым Петей – Оскар с Родой сделали новую передачу: Особи стали просыпаться.

– У них не было шансов. Именуемый вами Варваром убил ваших друзей так быстро и легко, что... что даже несправедливо. Там был большой робот, который пытался сопротивляться, ответить этому пришельцу силой на его силу, – но все было тщетно. Его впечатали в камень, оставив умирать в могиле из брони. Остальные же... Мне очень жаль.

– Откуда ты все это знаешь?! – Настя гневалась от нежелания принимать эту новую правду.

– Я был там. Видел последствия. Ну, точнее, не совсем я. Этот Малой – уже давно мои глаза, уши, рот и... в общем, без него меня, считай, и нет. Сетевая передача слабая, но хватает.

– А ты почему такая спокойная?! – Настя уставилась на Любу в тот момент, когда та постаралась аккуратно посадить ее на стул, заботливо, словно нянечка. Лицо же Любы выражало скорбное смирение с шокирующим известием достаточно четко, чтобы Настя поняла – ей подобное не впервой.

– Почему ты веришь ему? Мало ли, что он был твоим мужиком когда-то, Люба, пожалуйста, не сдавайся вот так! – Она лишь смиренно выжидала, пока Настя успокоится, пропуская все ее эмоции и слова мимо. – Я не верю! Слышишь! Все это... Нет! Меня слишком много обманывали последнее

время, вот так просто....

– Анастасия! – Люба не сказала – то был приказ, словно воля самой матери приструнила ребенка одним словом и одним взглядом. Ход этот возымел начало смирительного процесса, когда приходится только начать продираться через боль и отрицание к чуть ли не смертельной правде.

Робот поднялся, вновь ушел в помещение слева и, вернувшись довольно быстро, вручил Насте шлем. Слева была сильная вмятина от удара, внутри засохшая кровь – это был шлем Петиной брони. Она никогда бы не забыла ее и не перепутала ни с чем: уж слишком четко видела его в моменты ключевых трагедий, даже мечтая забыть этот образ предательства. Она держала его в руках так аккуратно, словно вот-вот – и он исправится, хотя внутри нее сверлил само сердце шок. Люба обняла ее аккуратно, ненавидя подобный момент лишь по той причине, что знает, каково сейчас Насте. Знает – и ничего не может с этим поделать. В такой момент нельзя вмешиваться – она сама должна освоиться с этой правдой, навсегда меняющей восприятие времени и судьбы.

– Есть еще одна причина, почему я разбудил вас сейчас. Я выждал достаточно времени не только для того, чтобы вы обе окрепли. Тот космический корабль, который послужил вам транспортом сюда и который стоял у лагеря, цел и невредим. Ну, почти невредим, обшивка за столько лет немного не в форме. – Закончив на более веселом мотиве, он хотел принести нечто легкое перед самым сложным для него. – Лю-

бовь, меня уже не спасти, да и нечего мне делать в том мире, который... Мир стал другим уже давно. Но вы можете в нем жить. Варвар, насколько я знаю, побывал на Опусе. Сигналы изредка доходят до меня, кое-какие крупницы информации есть. Вроде бы он исчез уже давно. Может быть, использовал Осколки и... В общем и целом сейчас безопасно вернуться в цивилизацию. Ну или в то, что от нее осталось. Здесь вам делать больше нечего. Целестин мертв, я... доживаю недели. Как бы грустно ни звучали мои слова, на самом деле я произношу их со счастьем в сердце. Потому что... ну, если бы вы не упали, то я бы и не дожил до этого момента. Я был взаперти почти сотню лет. Спасая вас, я нашел смысл жизни, который потерял уже давно. Вы стали моим лучшим наследием, о большем и мечтать в данных условиях не могу. Прости, Любовь, но... не судьба нам быть вместе. Хотя не мне тебе говорить про судьбу.

– Нет. – Люба отпустила Настю и встала, холодным упрямством проявив свою привычную силу воли. Настя кое-как боролась с тремором: принять тот факт, что все давно умерли, где-то там, без нее... Оскар, Рода – ее лучшие друзья даже не узнали, куда она запропастилась, не говоря уже о том, что они, возможно, посчитали ее трусихой, оставившей друзей на произвол судьбы... Или, еще хуже, они могли страдать от мысли, что Настя где-то там, ранена и ждем помощи, которую им оказать не под силу, следовательно, погибли они с незаслуженным чувством вины... Настя упала на пол и стала

плакать навзрыд, но не прошло и полминуты, как вскочила и с жуткой гримасой боли воплем обвиняла его:

– Я не хочу жить так! Не хочу быть чужой здесь, чужой навсегда. Мои друзья... моя семья... все погибли, а я жива, лишь потому, что ты, эгоист, увидел в нас какой-то там смысл! Я не просила этого! Лучше бы я умерла! Там, с людьми, которые мне дороги, не теперь... не хочу... не надо... Зачем мне такая жизнь?! Кто дал тебе право?! Ненавижу!

Не замечая боли от ударов кулаками по крепкой криокамере, Настя, лишённая воли к жизни и сил, сползла вниз.

– Она в чем-то права.

– Пожалуйста, не начинай. Тебе ли не знать, счастье мое, каково это – быть взаперти, где, что ты ни делай, становится лишь хуже, вновь и вновь, шаг вперед – три назад. Я не хочу сравнить свою жизнь с твоей и уж тем более не сравниваю с Триединством, но ты снова пропала, и мы, улетая сюда, планировали экспедицию на месяц-два от силы, но по воле богов судьбы и времени застряли тут. Я даже успел поверить в твоих богов, решивших мою судьбу именно так. Только представь, как же мы должны были разгневаться на них, чтобы они уронили метеорит рядом с кораблем в ту первую неделю после приземления. Это была первая экспедиция на Целестин – и вот такой исход. Разве то не воля богов? Ты знаешь ответ.

– Я отказываюсь это слушать. – Люба была зла, гнев так и

воспарял, вынудив саму Настю обратить на них внимание. – Я так же, как и ты, готовилась умереть. Умереть в городе Монолит, который построили взамен разрушенной Авроры.

– Аврора разрушена?

– Не перебивай! Я была там, на развалинах цивилизации, в лабиринте из бетона и железа! И я готовилась умереть с мыслями о том, какую жизнь упустила, не успев к ней привыкнуть. А потом некий Бэккер коснулся Осколка, нашего Осколка, который вы оставили в Авроре. И я вернулась в прошлое вместе с ним. Ты знаешь, как это происходит. – Люба сняла перчатку с левой руки и показала ему свою ладонь и кисть, покрытую небольшими голубоватыми камешками. – Ты забыл, зачем мы создали Аврору? Забыл, зачем покинули Опус? Я не забыла. Раз уж боги дали мне шанс, то я не упустиу его. Я видела эпилог, и я знаю, как легко сдатьсь. Не оскорбляй меня, дорогой мой, потому что я знаю лучше всех в этом мире, что такое отчаяние, что такое невидимая тюрьма судьбы, которую она выстроила на пути времени! Я думаю, ты спас меня не только потому, что любишь, а ради того, чтобы я вернула тебе волю к жизни, иначе ты позволил бы мне умереть в покое и тишине, пока я была без сознания. Ибо тебе прекрасно известно, что я давно приняла именно такую смерть.

– Твоя рука... – Настя поднялась, удивляясь уже не истории, а тому, как знакомо ей легкое свечение угловатых камушков. Сама Люба удивилась этому, но не так, как ожидала

Настя.

– Нет, Люба, даже не думай о том, о чем уже думаешь. Я серьезно!

– У него есть Осколок. – Люба сказала это Насте столь уверенно, что та окончательно отринула страх нового дня. Малой расстегнул скафандр, показал отсек в области живота, где лежал небольшой кусок знакомого Насте угловатого Осколка, после чего закрыл его обратно.

– Люба, ты помнишь, что просила меня тебе обещать? Я помню, очень хорошо помню, как ты вбивала нам в башку, что мы не должны позволить тебе ни в коем случае, ни при каких условиях и доводах перемещаться во времени. Ты смогла даже Кассандру убедить в этом, а уж у нее характер тот еще! Это плохая идея, ты это знаешь, все это знали. Напомнить тебе, что было в Триединстве? Я ведь могу, я хорошо это помню!

– Если у нас есть шанс, то почему бы...

– Настя, я понимаю, все кажется простым и быстрым: вернулись в прошлое, изменили его и живем дальше, словно ничего и не было. Но это слишком опасно.

– Да знаю! Сталкивалась уже с результатом, можешь не рассказывать.

– Я не буду рассказывать. Пускай Люба расскажет про Триединство, так, для справки, ведь если она нарушает свои же правила, то напоследок я бы сам освежил память тех трех дней, когда она устроила такую петлю времени, что треть со-

бытий осталась без должных объяснений причин.

– Я правильно поняла, ты не хочешь, чтобы мы изменили прошлое, потому что она когда-то там натворила дел, попросила дать обещание и...

– Дело не только в этом! Пожалуйста, услышьте меня. Да, у меня есть Осколок, точнее, треть нашего Осколка. Видимо он развалился на куски во время битвы, я не знаю наверняка, но он валялся недалеко. Так как его взял робот, то и реакции не было. Его энергии должно хватить на работу космолета, но вряд ли больше. Я хранил его, чтобы вы могли улететь отсюда. Люба, разве не к этому ты стремилась? Чтобы оставить прошлое и будущее и жить сейчас, здесь!

Слова его были убедительней некуда, зарождая в Насте слабую надежду на новую жизнь без бремени прошлого. Все это ей кажется странным, незаслуженным и чуждым, вынуждающим противиться новому настоящему столь же инстинктивно, сколь жизнь противится смерти. Несколько минут все молчали, напряжение и сложность темы давили столь сильно, сколь хотелось уже что-то предпринять, лишь бы ослабить напор.

– Ответь мне на вопрос, вы хотите изменить настоящее – зачем? Спасти пару жизней – допустим, но что если погибнут остальные? Что если погибнете вы?

– Я бы лучше погибла с друзьями.

– Настя, не будь эгоисткой. Сомневаюсь, что твои друзья желали этого, да и погибли они разве не ради того, чтобы

жили другие?

– Тебе легко говорить! – Настя огрызнулась и отошла, пряча лицо в ладонях, переживая сложнейшую борьбу правильного и неправильного, чуть ли не физически ощущая пульсирующий вывод, что лучше она погибнет с ними.

– Люба, я думаю, судьба и время дали тебе шанс проститься со мной. Такой роскоши ты была лишена почти с детства. Мне кажется, что лучшего момента начать новую жизнь невозможно представить. Ты заслуживаешь лучшего, и сейчас, когда есть такой шанс, я прошу тебя – не упусти его. Дверь закрыта, все хорошо, можно следовать вперед... не начинай все сначала, прошу тебя.

Он говорил столь откровенно, полюбовно и заботливо, что не проникнуться этим кратким порывом странного счастья было невозможно. Только вот эффект этот оказался недостаточно силен.

– Я уже поняла, у вас тут своя непростая трагедия с Осколком и бардаком прыжков во времени, и при всем уважении я не хочу слышать эти истории. Надоело! Не для того я выживала в Монолите, чтобы сдать. И не для того там погибли люди, между прочим, мой отец и мои друзья, чтобы сейчас вот так просто взять и жить дальше. Они погибли, пожертвовали собой ради победы над Варваром. Пусть они и не знали этого, но они верили в нас! Козырев верил в тебя не просто так, Люба! Наши с тобой жизни не стоят так высоко, чтобы оставить наших людей на гибель, как и весь Опус, куда этот

Варвар наведается сразу же после того, как убьет здесь всех.

– Они уже умерли, Настя. Все уже случилось!

– Тебе какое дело?! Ты спас нас – спасибо, честно, спасибо. Но толку от этого, если мы будем лишь тенью остатков человечества? Ты столько отдал чтобы наши жизни медленно затухли, или чтобы мы сделать немислимое вопреки этим вашим богам? – Настя более не желала спорить, полная решимости, она обратилась к Любе. – Я иду в прошлое, с тобой или без тебя.

Никаких голосов прошлого – лишь адаптивная стратегия с расчетливым исполнением каждого элемента, дабы реализовать весь потенциал того, к чему он шел по трупам посредством бесчеловечных решений. Петя отказался от человечности ради этого самого момента, подобравшись к противнику не столь физически, сколь интеллектуально. Нельзя дать эмоциям ни одного вздоха, нельзя даже сомневаться, иначе победить сверхсущество инопланетного происхождения будет попросту невозможно. Избавившись от слабостей, он наконец-то познает тот самый апогей обуздания судьбы, благодаря чему знает – если случится его поражение, то жалеть ему не о чем, ибо раз не смог превзойти Варвара сейчас, значит, нет смысла в реванше потом.

Петя успел приготовить допотопное оружие – щит и меч за пару шагов до нанесения первого удара кулаком, направленным прямо в голову. Кулак столкнулся со щитом, который выдержал натиск куда лучше, чем конструкция самой брони, вот-вот способной упасть назад из-за неправильно распределенного веса. Изначально его костюм был большим экзоскелетом, который модифицирован еще на Авроре для более безопасных раскопок, и лишь потом, благодаря Бэкеру, они добыли пластины и сделали новый слой обшивки.

Петя знал: конструкция далека от идеала, но было проще начать с нуля, чем перестраивать то, что не задумывалось на долгую битву. Хорошо, что он почти не чувствовал тела к этому моменту, находясь запакованным уже целые сутки, отдавая команды мыслями, нежели конечностями. По сути, все, что нужно, – голова да легкие, так что потерять ту или иную конечность он не боится, она ему не нужна.

Плита под ногами треснула, сотрясение Пети было сильнее ожидаемого, казалось, вот-вот начнется кровотечение. Несколько секунд ничего не происходило по взаимному удивлению: Петя свыкался с силой Варвара, пока тот положил ладонь на щит, познавая материал. Совершенно невзначай, забыв, кому принадлежит и для чего используется кривой щит, Варвар подтянул его уже двумя руками ради более четкого визуального изучения. Момент этот длился секунды четыре после удара, чего было достаточно, дабы Петя успел выставить правую руку назад для разгона и воткнуть острое меча в тело Варвара. Попытка была почти успешна – левая рука Варвара успела схватиться за лезвие прямо перед тем, как то соприкоснулось бы с местом, где у человека расположены почки. Величественное по своему поведению существо медленно повернуло голову и взглянуло на меч, после чего гипотетический взгляд более внимательно осмотрел всего Петю, продолжая держать крепким хватом оба орудия. Петя же занимался тем же самым – рассматривал этого инопланетного бога так близко, как и думать не мог, по-хоро-

шему удивляясь его броне или коже, казавшейся живой. Как бы он хотел увидеть Варвара при обычном свете, а не через разные фильтры его шлема! Более того, совершенно отсутствовало доказательство злого умысла или же личного гнева Варвара в адрес нарушителя спокойствия, не говоря уже об отсутствии примитивного страха или осторожности. Варвар, казалось, воспринимал Петю скорее в меру интересной игрушкой с проявлением малой свободы воли.

Этот фрагмент тесного контакта казался Пете чем-то нереальным, этакой точкой полного принятия правильности пройденного пути до этой встречи, которой никогда бы не было, если бы не Бэккер, описывавший Варвара проявлением вселенского зла... Доказательств этого ярлыка Петя пока не видит.

– Ты закрылся от мира в этом гробу, окутал себя броней, замещающей все твои действия, оставив лишь функцию мозга. И теперь ты считаешь, что вы с этим созданием чем-то похожи? Словно два воина посреди Вселенной сражаются не на жизнь, а на смерть. Но ради чего? За твоими поступками стоит кукловод Бэккер, вынудивший тебя предать свой народ, свою любовь, даже свои идеалы. За какие-то сутки из создателя ты стал разрушителем. Ну и где этот Бэккер теперь, вынудивший тебя делать грязную работу? Ты один, лишь я есть у тебя, любимый. И ты рад этому, я знаю. Я нужна тебе. Сейчас в тебе созрел вопрос, который лишь мой голос может пробить сквозь навязанную Бэккером ложь: почему этот

враг не стремится убить меня? Он лишь защищает свою территорию, куда ты вступил, нарушив границы его владения. Разве не ты прибыл сюда как завоеватель и убийца? Разве не ты держишь в руках щит и меч?!

От слов Ингрид что-то внутри проснулось и будто бы захватило его тело и разум, что-то, имеющее облик и повадки позора.

– Ты посвятил остаток своей жизни, чтобы возместить ущерб, но теперь вздумал отречься от взятых на себя обязательств перед мертвыми?! Ты не нужен ему! Даже самая малая мысль мира с этим существом оскорбляет акт убийства твоей жены твоими же руками! Ради этого ты убил меня?! Чтобы передумать в последний момент?! Не оскорбляй мою память! Ты сделаешь то, что задумал, несмотря ни на что!

Под властью человеческих чувств Петя кинулся на Варвара через секунду, как выпустил из рук орудия защиты и атаки. Воля позволила направить весь вес и силу брони на ноги Варвара, дабы уронить все это могущество на плиту, возвысившись над ним с присущим такому моменту превосходством, физическим и моральным. Ярость позволила бить упавшего врага по лицу кулаками вновь и вновь, не замечая за пеленой вины и разочарования ущерб собственной конструкции и абсолютную безвредность вражеской. Варвар просто лежал, раскинув руки, голова направлена вверх, само тело немного утоплено в потрескавшейся плите. Человек внутри уродливой брони рвал горло безумным криком

ненависти, корни которой произрастают из презрения к тому внезапному наваждению, испытываемому перед Варваром в критический момент, замещающим предназначение убить этого естественного врага.

– Ты не имеешь права восхищаться им, не имеешь права уважать его и не имеешь права отказаться от жертвы! Жертвы, которую ты должен принести, потому что иначе, дорогой муж, ты осквернишь не просто жизнь и оставшуюся память целой колонии – ты докажешь, что наша дочь была убита просто так! А раз она была убита просто так, значит, и жила она просто так. Все, буквально все, что случилось с тобой за эти двенадцать лет, как ты оказался на Комере, готовило тебя к этой битве! Законы времени были нарушены во имя знания, лишь чье наличие оправдывает кровь целой колонии на твоих руках!

С десяток кричащих ударов образовали истинный апогей его жизни, сведя все точки воедино именно в момент триумфа смерти человеческой над жизнью инопланетной. За пиковым обузданием собственной судьбы образовалась ключевая, доказывающая верность Бэккеру, пауза – тот, кто вел его последние три дня по кровавой дороге предназначения, появился у головы Варвара с метровым тонким лезвием наподобие меча, но сделанного чуть более искусно, нежели орудия Пети. Бэккер смотрел сверху вниз на голову своего заклятого врага, определить состояние которого было невозможно – мертв? выжидает? или же занят некими вычисле-

ниями, оттого и недвижим ни на миллиметр? Беккеру было плевать на все варианты, потому что предыдущие встречи он смотрел на Варвара снизу вверх, этакое ничтожное создание перед ногами божества, требующего то ли преклонения, то ли жертвенности во славу великого. И вот сейчас, спустя немыслимые решения, Бэккер стоит выше этого бога, доказывая собственное превосходство не только над ним, но и над самой жизнью. Бэккер не просто выковал этот момент из остатков мироздания под гневом самой судьбы – он превзошел этого ныне павшего бога самым простым доказательством выживания. То, что переполняло его в этот момент, ему непостижимо в описании и понимании, лишь инстинкты, дарованные самой Вселенной, позволяющие пробраться сквозь дебри сложного мироздания и взять власть над самой судьбой. Весь мир словно остановился, каждая мышца Бэккера ощущалась так точно, будто бы он был рожден для этого момента: медленно его руки подняли меч над головой, и быстро, осязая каждую секунду времени, он воткнул острое, раскалившиеся от высокой температуры добела лезвие прямо в лицо бога. Изначально метровый меч ушел наполовину в середину места между его предположительных глаз. Сложно понять, то ли плоть врага оказалась слаба перед этим необычным металлом, то ли броня Бэккера придала достаточных сил. Не желая закончить все слишком быстро, Бэккер продолжал сжимать рукоять обеими руками, немного подталкивая меч все глубже.

– А, вот оно что, так Бэккер сделал и себе броню. Пусть и малую, лишь треть по размеру от твоей, но все же сделал – видимо, благодаря роботам, которых вы нашли в Топи. Отсюда, муж мой, ты и верил ему. Он не бросил тебя одного.

Момент триумфа Бэккера не был завершен по его же воле, потому что, как научила его жизнь, – просто не бывает. Он сказал Пете, чтобы тот готовился к всплеску, а значит, надо отойти на расстояние, зарядить Осколки и уничтожить все доказательства присутствия этого Варвара в этом, ныне принадлежащим Беккеру и Пете, мире. И в этот момент Бэккер достал второй Осколок, который был целым, и передал его Пете, пока сам взирал на неподвижное тело Варвара.

– Так вот оно что! Муж мой, ты меня удивил. Вот, значит, почему ты вступил в ближний бой с врагом – оба Осколка тот не мог у тебя забрать по причине спрятавшегося за тобой Бэккера, успевшего забрать один из них и отойти, дабы выждать момент. Теперь я понимаю, почему ты идешь за ним, – он не бросил тебя одного наедине с волею судьбы. Делит с тобой бремя времени и бремя знаний на равных.

Забрав Осколок, он поместил его в броню, в отсек на поясице – они специально перенесли их туда с грудной части, дабы хоть как-то спрятать от Варвара. Петя медленно отошел к ступеням и развернулся, наблюдая за все еще стоявшим над телом врага Бэккером. Впервые после гибели своего ребенка Петя по-настоящему чувствует и без сомнений знает, что он там, где и должен быть. Его место здесь и сейчас там,

где он спасет мир от гнета вселенского зла, свершение смерти которого знаменует начало новой эры для человечества солнечной системы ИМБ.

Внезапно контроль начал ускользать из рук, не позволив закрепить свою власть без боя. Медленно Варвар стал переворачиваться, так, словно пришло время закончить эти игрища и заняться чем-то более серьезным. В нем не было признаков злости к нарушителям, как и не было и намека на нанесенный ущерб – все казалось таким непринужденным, отсекающим даже намек не недавнее превосходство чужаков. Варвар даже не посмотрел на Бэккера. Стоило ему выпрямиться и без хотя бы примитивного намека на дискомфорт вытащить меч из лица, те углубленные линии его брони раскалились до красна и выпустили во все стороны странноватой формы яркий пар или нечто подобное, позволив телу обрести большую плотность. Затем последовал бег прямо в сторону Пети. Теперь они увидели истинную волю этого создания – непреклонную ни перед чем, лишенную сомнений и страхов, пример чистой функциональной энергии Вселенной. Варвар источал такую энергетику и волю, каких ранее они и не ведали даже в мечтах. Но план был исполнен – Петья успел направить силу обоих Осколков за пару метров до того, как воля космического бога настигла бы его.

Настя ожидала переход между временами столь же быстрый, сколь сон сменяется пробуждением, позволяя как никогда прочувствовать пластичность восприятия реальности. Обе сели на те же кресла, где проснулись по воле Оцелота, полностью готовые оказаться на поверхности Целестина с запасом кислорода благодаря сохранившимся несколькими баллонам на корабле. Настя держала Любу за руки, дабы та, применяя уже опытным путем концентрации, смогла направить переход по нужным координатам, визуализируя место недалеко от Палатки, пока сама она пронизывала этот прыжок эмоциональными нитями к Роде и Оскару. Довериться Любе и Оцелоту по вопросу работы Осколка было все же труднее ожидаемого, но варианты не позволяли бояться риска, особенно когда эти двое слишком уверены во всех вопросах относительно этого ненавистного ей артефакта.

– Не задерживай дыхание! Слушай мой голос, и все будет хорошо. У нас получилось, мы в порядке. У тебя сейчас организм пытается привыкнуть к окружению, ему трудно, но он справится. Все твои атомы были протиснуты сквозь время и пространство. Постепенно, когда дышать станет легче, начинай прощупывать мышцы мысленно. Это надо, чтобы мозг не потерял контакт с остальным телом. Не торопись,

время у нас есть.

Настя хотела кричать... но не могла позволить себе рисковать, ведь это нарушит уверенные, полные твердых знаний слова Любы. Состояние было такое, будто бы все ее тело куда-то исчезло, оставив на своем месте гнетущую боль в самой пустоте, сделать что-либо с которой попросту невозможно. Но все же, благодаря уже опытному в этом деле человеку, Настя медленно пришла в себя.

Вокруг них была лишь пустота, где черный гнетущий мрак будто бы смотрел на них с неприкрытым недоумением, перетекающим в презрение за нарушение его границ незваными гостями. Настя ощущала себя не просто во враждебной обстановке с воинственной атмосферой – ей всерьез верилось в личную злобу этого черного существа, отныне желающего отомстить ей за принесенный в его покой эквивалент яда.

– Посмотри на меня!

Настя с трудом оторвала глаза от презренной ярости тьмы, увидев через шлем озадаченный взгляд Любы, чье лицо чуть-чуть подсвечено фонариком, которым та краем светового диска освещала ей лицо.

– У нас получилось. Мы на Целестине, надо идти.

Попытка кивнуть обернулась несколькими дергаными рывками головы.

– Включи монитор внутри шлема, там есть координаты, идем по ним, так что если отстанешь, то не пропадешь.

Уверенность Любы была заразительна, и Настя, словно проснувшись от глубокого сна, постепенно осознала, где они сейчас и куда идут: при встрече надо кратко и емко объяснить грядущую гибель того, чем ныне является наследие Техгруппы и... Вдалеке они увидели их, совершенно внезапно, полотно пространства разорвалось, раскрыв спрятанное в объятиях мрака сражение Варвара и Пети. Первый всплеск жизни произошел в трехстах метрах вдалеке, и продлился он секунд десять, после чего они исчезли, проявившись также внезапно уже ближе, но справа. Драка была жестокой, этакий мордобой медленных здоровяков, скорее проверяющих друг друга на физическую прочность, нежели стремившихся закончить все скорой смертью противника. Когда появился очередной фрагмент позади них в метрах десяти, то разглядеть детали не представилось возможным из-за происшествия, удивившего по результату исполнения даже Любу, – они вернулись к Оцелоту.

Их буквально вырвало из одного мира и швырнуло в другой, силой доказывая принадлежность к будущему – не к прошлому. Кое-как поднявшись с пола, между криокамерой Оцелота и креслами они услышали неожиданные слова:

– Воу, не думал, что Осколок может вот так людей ронять, вместо того чтобы просто отправить вас...

Они сняли шлемы и отсоединили баллоны, медленно приходя в себя после гущи потрясений за короткий промежуток времени.

– Что ты такое говоришь? – Люба была не на шутку зла. – У нас получилось! Мы были там, видели их битву, пока обратно не затянуло, как крюком.

– Эм... Так, стоп, я не понимаю... Короче, я не говорю, что ты врешь, но прошла всего пара секунд с активации Осколка. Вы буквально у меня на глазах дернулись на месте, и все.

– У тебя такое было уже? – В ответ на вопрос Насти Люба лишь стрельнула свирепым взглядом, знаменующим подступающие перемены.

– Надо вернуться вновь, нельзя терять время. Оцелот, готовь...

– Ты даже со мной не попрощалась. – Его слова оказали отрезвляющий эффект, вырвав Любу из состояния помешательства, проистекающего из глубин ее памяти и опыта путешествий во времени, отнявших в лучшем случае половину ее жизни. Оцелот выговаривался, ему было не просто неприятно видеть свою любимую в таком состоянии – давняя претензия сама собой вырвалась наружу порывом заботливых чувств.

– Я могу понять Настю, она хочет вернуться к своим, но что тебе так нужно там, в том прошлом? Спасти меня и остальных? Сомневаюсь. Ты не спросила даже, что стало с нашими друзьями... кто и как... они не заслужили такого. Ты даже не спросила про свою...

– Хватит! Мы с тобой слишком хорошо осведомлены о

правилах игры. Сами их дополнили, если и вовсе не придумали. – Оцелот молчал. – Раз ты так преисполнен отчаяния, смею напомнить о Триединстве, переломившем историю на две стороны одного момента с выступающим ребром переплетения линий времени. Нельзя, Оцелот, нельзя цепляться за вырванные из полотна фрагменты нитей, иначе, не успев распутать один узел, создашь другой. Мною была ведома новая воля Судьбы и Времени – эпилог раскрыл много обрубленных концов большого узла, оставив лишь одну марионетку – Бэккера. И если я больше не пронзающая эпохи игла, значит, имею право распробовать свободу воли. Еже ли мои концы все еще подергивают, то тебе должно быть радостно мое перемещение, ибо лишь движение приводит тебя к одному из краев пути.

– Я все же хочу знать, – медленно, смиренно произносил Оцелот, – почему ты не спросила меня про...

– Судьбу Кассандры я узнаю в прошлом – не в будущем. Ты должен понимать минимизацию рисков моего влияния на нее путем знаний, добытых в обход хронологии.

Лицо Любы постепенно заиграло очень открытыми красками, способствующими сочувствию со стороны, невзирая на контекст отношений. Настя приблизилась к ней, не желая упускать ни единого момента этого важного откровения.

– Это не «наша» история, Оцелот. Это моя история. – Люба стремилась к отрешенности, смотря куда-то в сторону, взгляд ее мрачнел с каждым словом, усиливая невидимую

пропасть между ней и всем вокруг. – Это для вас всех Триединство длилось три дня – я познала другие числа. Этапы моего погружения в узел сопровождались не только запоздалым взрослением с меняющимися приоритетами относительно адаптивного будущего под надвигающееся прошлое. Я долгое время считала себя центром беспокойства времени и судьбы – их воля разрешила познать пролог и эпилог в один и тот же момент с целью, мне неведомой почти до самого конца Триединства. Моя человечность оказалась им полезна: эксперимент богов над смертной с явным изъяном – одиночество. Меня перебросило на сотни лет вперед, привязаться к новому времени было посильно лишь грубым методом иглы и нитки, вопреки структуре хронологии, наперекор балансу веса и формы. Боги поставили цель испытать меня на человечность – я провалила испытание. Меня скорее выбросило из того водоворота следственно-причинных узловых временных событий, которые символично были названы Триединством. Если бы не мое желание жить – все бы закончилось раньше. Но я хотела привязать себя к новому времени, чему способствует связь с другими людьми. Я рассказывала тебе, как яростно стремилась спасти тебя и других, цепляясь за ваши нити вне понимания полотна, провоцируя распространение ядовитого для судьбы и времени беспокойства целых узлов. Эпилог научил меня идти прямо, оставляя нити позади, игнорируя эмоции, привязанность и боль утраты.

Это была сильная речь, которая для самой Любы стала знаковым достижением, выкованным и забитым самолично в собственном сердце ради свершения конечной цели.

– Ты сам говорил о важности не дать начало новому Триединству. Для этого необходимо отсечь важную его часть – спасти тех, кто мне дорог. Сейчас все будет иначе.

– Я хочу, чтобы ты знала – я все равно люблю тебя и буду поддерживать это решение в любом из времен. Ты не одинока, помни это, пожалуйста. Все, что ты сейчас сказала... я понимаю и принимаю это. Я уже счастлив знать, что ты жива, мне этого достаточно.

Этот трогательный момент делал им двоим столь же больно, сколь дарил теплоту любви. Ее опыт изменений прошлого и будущего достаточно обширен, чтобы воспринимать этот чувственный момент откровения пусть и маленьким, но очень ярким и ценным сегментом пока что необъятной в масштабе картины. Не единожды такие моменты, вскоре стираемые после исполнения ответвления от хронологии, оказывали долгожительный эффект, вытягивая ее из самых мрачных глубин конструкций безумного воображения Судьбы и Времени.

– Как мы все сделаем? – Настя просила нейтрально, выждав достаточно времени, чтобы Люба и Оцелот были готовы продолжить дело. Люба отошла в сторону, пряча ото всех лицо, громко обдумывая возникшую трудность с Осколком.

– Я думаю, – заговорил с остаточной тяжестью в голосе

Оцелот, – дело в Осколке. Осталась треть от того, что было раньше. Энергии, видимо, мало, вот он и дает лишь часть своих возможностей.

– Что если туда отправится кто-то один?

– По факту он и так отправляет туда лишь тебя, Настя. – Пауза создала пугающее напряжение. Люба вернулась в обсуждение человеком решительным, властным и непоколебимым, но, в отличие от той, какой ее видела Настя на Монолите, сейчас та была еще и зла.

– Осколок, привезенный Бэккером из Топи, был гладким, цельным. Добытый вами на Авроре когда-то был таким же. – После этого строгого пояснения Люба показала свою левую руку, поверхность которой была «украшена» маленькими камешками такого же цвета и формата материала, что и Осколок. От удивления такой необычной связи Настя чуть дыхание не сбила, бесполезно ища слова для комментария.

– У нее с Осколком своя связь. Она чувствует, когда тот рядом, ну и при сильных эмоциях может его активировать и переместиться без близкого контакта. Правда, до конца мы так и не выяснили паттерны и раздражители, поле для изучения еще большое. Но что точно ясно – если «ее» Осколок активируется, то она идет вместе с ним.

– Я привязана к нему. – То ли Люба вновь изменилась в манере речи, то ли Настя стала видеть ее уже под новым углом.

– Мы так и не нашли способ изъять их без вреда для ее

жизни. Это кажется, что они сверху, выдерни и готово, но там все сложнее – задеты жизненно важные органы. Мы пришли лишь к четкому выводу, что эти Осколки имеют свойство выживать и адаптироваться под среду... Есть предположение, что они обладают неким эквивалентом разума. Если можно считать адаптацию и оптимизацию ресурса разумом.

– Сколько тебе лет? – Вопрос этот был громом среди неба, вынудивший Настю испугаться до дрожи от мрачного взгляда Любы.

– Смотря по какому календарю считать, – странно произнес Оцелот.

– Оцелот, – Люба заговорила так, словно продолжила некогда существующий разговор, – ты знал, что Осколок не даст нам вернуться полностью?

– Предполагал. Была такая теория.

Люба ожидала объяснения.

– Хорошо, скажу так, ты, может, и не замечаешь, но практика тебя всегда учила лучше, чем теория.

– А ничего, что мы могли погибнуть там?! – Настя сама удивилась своей громкости. – Мы ведь там видели и Петю, и Варвара, они дрались, чуть нас не задели!

– Как будто эта информация на что-то бы повлияла. Настя, вы обе не стали бы верить мне на слово, признайте уже этот факт. Да, я рискнул, но... – Оцелоту было трудно, в его голосе часто пробивались нотки жалостливого отчаяния и одиночества, словно вот-вот – и он просто попросит их не

оставлять его одного. – Слушайте, даже если у вас получится что-то там изменить, вас все равно затянет назад, потому что, повторюсь, у нас лишь треть Осколка. Как раньше, Любовь, уже не будет. Не получится просто исчезнуть отсюда и оказаться в другом месте – вас все равно вернет сюда, и уже тут, если у вас получится что-то изменить там, вы окажетесь в, возможно, более худшем месте, нежели сейчас. Надеюсь, я внятно объяснил.

– Я не понимаю, – заговорила Настя увлеченно, – если мы привязаны к этому времени, то изменения в прошлом не могут не коснуться этого настоящего... Значит, нам надо не так и много сделать – успеть предупредить Оскара и Роду о поражении или что-то им дать для победы над Варваром. И после этого, когда здесь все будет иначе, если нам повезет и тут будет цельный Осколок, мы вернемся домой.

– Почему не Бэккер и Петр?

– Подход этих двоих не щадит никого, с ними надо ожидать худшего.

– Как раз-таки хуже может стать в любой момент. – Оцелот заговорил внушительней, последними силами пробивая броню любимой. – Любовь, пожалуйста, услышь меня – я понимаю тебя лучше большинства, тебе хочется все исправить, переиграть переигровку, в очередной раз веруя, что за следующим прыжком все останется позади и ты сможешь жить свободной жизнью. Здесь, сейчас у тебя есть такая возможность – отпусти прошлое. Ты ведь знаешь, как это сделать.

Отлет с Опуса на Кому и создание Авроры и было тем новым началом, которым ты так грезила. Почти десять лет у тебя была нормальная жизнь, у нас у всех была нормальная жизнь. А потом ты исчезла вновь. В итоге мы нарушили данное тебе слово... посмотри, куда нас это привело и что осталось от меня. Я прошу тебя сделать то, чего сам не смог, – не менять ничего, просто жить дальше, отпустив прошлое.

– Хватит! Оцелот, ты поможешь мне или нет?

– Ты знаешь, что помогу. Только у нас новая проблема – ваши скафандры больше не передают связь. Видимо, прыжок повредил контакты, так что внутренних переговоров более нет, нужно вам придумать жесты.

– А починить?

– Извини, Настя, но у меня тут не магазин запчастей, уж что имеем.

– Справимся. Этого достаточно, если у тебя нет еще откровений.

– Есть, Любовь моя. – Оцелот выдержал паузу. – Это одна из причин, почему я упрямо пытаюсь достучаться до твоего благоразумия. Если Осколок перестанет работать... вы уже не улетите отсюда своим ходом. Когда я говорил про старый звездолет, то не упомянул, что питать его может теперь лишь он. Не упомянул, потому что знал, что если ты узнаешь про Осколок, то никакого отлета не будет. Но раз все прояснилось, то...

– Подожди-ка, я правильно поняла – если мы с Любой там

не справимся, то застрянем тут, на этом сраном спутнике,
навсегда?

– Да.

Рода не хочет, чтобы все это закончилось, пусть и знает неминуемость перемен. Но вот чего она не знает, так это статуса этих перемен – произойдут ли они скоротечно, вынуждая ее сокрушаться от потери чудесного момента, или же жизнь протянет ее по каждому составляющему, дабы сгладить переход в новое состояние. Ориентиров для выявления ответа в обычное время предоставлено с лихвой, ныне же ей дарована лишь свобода мысли да надежда на удачу. Забыв счет времени, Рода прислоняется спиной к стене в пещере, ощущая некое срастание с этой неровной холодной каменистой поверхностью. Звуков тут нет, увидеть нечто большее, чем угольная темнота, невозможно, переговоры по связи недоступны куда меньше по причине внезапной потери сигналов и куда больше продиктованы нуждой оставаться незаметными для выживания в пещерах Целестина. Но, в отличие от подобных прятков от подобного нынешнему врага на Коме, Рода мысленно и эмоционально познает нечто столь новое, сколь и удивительное, отчего и не хочет, чтобы этот неизмеримый момент заканчивался. Потому что сейчас здесь, в темноте, Рода изучает то, что родилось в центре сражения двух явлений: Варвара, чье появление низвергло ее до малого создания Вселенной, и Оскара,

умело взявшего контроль над ситуацией после того, как Бэкер предал их, так и не придя с активатором. Рода больше не боится Особей, один лишь вид Варвара, за которым они наблюдали через экраны шлемов, испарил в ней всю злобу и ярость, доказав, как малы она и ее противостояние с врагом меньшим. Что она вообще может по сравнению с ним? По сути, Рода четко сформировала свои последние дни – она лишь червь, умеющий выживать с другими червями. Но при этом ее это не печалило или шокировало – как раз наоборот, вся фальшь слетела в мгновение, позволив ей ощутить себя самой простой клеткой организма, следовательно, имеющей право быть чем-то простым, без заявки на величие. Это позволило ей стать значительно расчетливей и замуровать выход для более действенного применения газа. И вот они тут, прячутся, не имея возможности узнать, получилось ли убить этих существ, способных лишь служить хозяину. Время течет незаметно, ведь внутренние системы отключены, дабы не выделиться в темноте любым из световых сигналов, что станет для хищника целью атаки. Ну а связь просто пропала, последнее, что они видели: Варвар напал на Петю. И вот Рода ловит этот момент безмерного умиротворения, наслаждаясь ключевым осознанием с последующим принятием одного факта – она готова к смерти. Через час-другой все может измениться, пробудив в ней животный инстинкт выживания по самым догматичным основам охотника и добычи. Так что она, если бы и имела шанс закончить свою жизнь в мире и

покое, то приняла бы это сейчас. Хотя кое-чего недостает – поверхности. Умирать здесь, в пещере, где, возможно, никто больше не появится до окончания времен? Нет, лучше там, наверху, взирать в последний момент во Вселенную, чернота которой вряд ли будет отличима от той, которая окружает ее сейчас. Но вот знание – знание – это будет бесценно в последний момент. К тому же там будет еще и Оскар, чью руку она держит все это время, ведь он стоит рядом, повторяя ее ограничения, и лишь ее правая рука, которая держит его левую, является доказательством – они еще живы. Пока Рода изучала это новое ощущение, четко зная, как легко ее вырвет обратно в мир битв жизни и смерти первый же шаг навстречу к выходу из этих прятков на территории врага, Оскар прорабатывал сценарий грядущего свершения.

По сути, он проигрывал в голове два момента: то, как Бэккер сказал, чтобы они взрывали пещеру с собой внутри, дабы сдержать Особей и выпустить газ, и то, как он убьет его своими руками, когда выберется отсюда. Внутри кипела не просто злость – Оскар принял праведную месть за спасение всех и каждого, кто останется в живых после битвы с Варваром. Бэккер мог успеть принести активатор, что позволило бы распылить это биологическое оружие удаленно, уже вне пещер, но не сделал этого, оставив его и Роду в безвыходном положении. Если бы не она, понимает Оскар уже сейчас, то, скорей всего, он решился бы оставить все как есть, дабы Особи поглотили самого Бэккера, оставившего после себя раз-

рушенную колонию Монолит. Этот уже не человек в глазах Оскара, а некая болезнь, что приносит смерть и разрушения везде и всюду. И если его не устранить, то обязательно начнется новый виток смертей – тут сомнений у него нет ни капли. Даже если Варвар будет побежден – оставлять Бэккера в живых слишком опасно, надо закончить все здесь, и лишь Оскар может взять на себя эту роль, значит, таковым оно и должно быть за неимением иного инструмента для безопасного будущего. Его отец так бы и поступил, Оскар в этом не сомневается.

Отдельно успокаивает и тревожит неизвестность о состоянии Насти и Любы, которые ушли и не вернулись, что подталкивает к выводу не только об их безопасности, но и о возможной гибели от... от чего угодно. Они где-то там, потеряны, или же, наоборот, может быть, примкнули к битве с Варваром... Но могут ли они противостоять этому злу? Нет, не могут. Больше всего Оскар хочет верить в их бегство с этого гиблого места. Сам он нацелился на единое исполнение мести, мало думая о последствиях. Сейчас же их держит на одном месте неизвестность окружения – они впустили газ за мгновение до того, как Особи добрались до верхней площадки из глубин Целестина, и, прежде чем убежать в небольшой тоннель справа, все же заметили украдкой неприятную реакцию живности на орудие их устранения. Дальше они бежали и бежали, пока не нашли небольшой карман, где, прислонившись к стене, затихли. Но было еще кое-что – у них нет

карты этих пещер, составить некий виртуальный анализ дронами так и не представилось возможности, отсюда и страх перед владельцами этой территории. Дополнительно усиливается напряжение еще и от того, что запаса кислорода у них еще на пяток часов, вряд ли больше, и, держа Роду за руку, Оскар ненароком позволяет себе тяжелую мысль о том, как мало шансов выжить им двоим... Двоим – не одному. А с учетом того, что Варвар и правда существует и они перед ним бессильны... Оскар приходит к страшному выводу несправедливых условий: единственная цель его выживания – это убить Бэккера, но для реализации этой судьбоносной роли ему придется сделать немыслимое, чтобы выжить.

Бэккер хотел бы увидеть все своими глазами – без шлема, так, чтобы запечатлеть скорую победу над врагом без дополнительных инструментов. Но шаг этот непозволителен не из-за гипотетического страха смерти, а из-за последующей невозможности помочь Пете в случае опять же гипотетической неудачи. Но фильтры Бэккер все же отключил, встретив крошечный мрак будоражащим ожиданием великого события – смерти Варвара. Петя начал заряжать Осколки, рассеяв черноту свечением с мест активации у него на поясе с последующим неравномерным, чуть ли не живым блеском по всей броне. В это время объект мести стремительно приближался, уже на поверхности его, благодаря яркости от Осколков, заиграли оттенки светлого, черного, немного синеватого. Все произошло быстро – Петя занял крепкую позицию, выставил обе руки вперед, и как-только энергия дошла до предела возможностей брони, разрядил ее в сторону Варвара, уничтожив всю угольную черноту Вселенной. Яркость вынудила инстинкты Бэккера закрыть глаза уже после того, как его попытка заслонить источник света рукой оказалась провальной. Эти секунд пятнадцать стали для него чем-то величественным, знаменем конца его страданий и свершением великой мести. Казалось, власть ярчайшего света не имеет

временных рамок, ему даже захотелось утонуть в нем, познавая тепло и покой. Но столь же быстро Вселенная вернула свою власть, вознеся бесконечно древнюю темноту над светом. Включать фильтры нужды не было – раскаленная броня Пети заворожила пульсирующими оттенками, придавая пластинам дыхательные свойства. Только вот он был не один. Варвар стоял, уперевшись ногами, держа перед собой щит, который, вопреки повреждениям, смог уберечь владельца. Варвар не просто забрал некогда ранее созданный Петей защитный объект и воспользовался им против него, но еще и подобрался почти вплотную – он стоял от него в трех метрах. Варвар выпрямился, выкинул щит, части которого уже начали отпадать из-за плохой сварки и обработки, и только из прорезей его брони вырывался красный свет и струи газа, словно он охлаждает сам себя. Быстрым рывком он кинулся на Петю. Тот попытался нанести удар правой рукой, но Варвар успел схватить ее в процессе, нанеся уже своей правой рукой мощный удар по шлему Пети, отчего тот начал падать на спину. Но не успели они коснуться поверхности Целестина, как новая вспышка ознаменовала исчезновение обоих. Последнее, что Бэккер заметил: Варвар был невредим, никаких признаков хотя бы малейшей деформации или ранения... никаких последствий всех их трудов по устранению этого космического бога.

Средства связи все так же не работают по неизвестной причине, благо Бэккер успел отдать команду роботу помочь

Лорну в закладке взрывчатки на хрупком куске небольшой территории, куда в случае поражения Пети он заманит Варвара. Ну раз Особи так и не появились, следовательно, Оскар и Рода исполнили свой долг, остальное не важно. Бэккер не поддается и намеку на сомнения или страхи, не говоря уже о панике или разочаровании, – он преисполнен неведомого ранее за всю его жизнь контроля, посматривая вокруг себя так, как это делают шахматисты с игровой доской, только в его случае фигуры исполняют свои роли где-то за декорациями. Бэккер не просто разрешает себе чувствовать свое всевластие – это его инструмент для победы над тем, кто составляет аналогичное свойство. Раз Варвар прикрылся щитом, следовательно, урон нанести возможно – надо лишь правильно использовать это знание. И только-только Бэккер дошел до остатков щита, часть которого торчит вертикально, в окружении мелких кусков, как в паре метров перед ними образовались два воина.

Увиденное не просто не сломило волю Бэккера – изначально трагичная картина на самом деле стала доказательством его власти над игровой доской за счет бесстрашного исполнения стратегии. В ту же секунду, как Варвар стал исполнять завершающее битву доминирование, Бэккер успел подскочить и выхватить оба Осколка из поясничного отдела. Варвар поднял над собой то, что осталось от Пети: памятный корпус и шлем, лишь правая рука по локоть и левая нога – больше конечностей уже не было, но когда со всего

размаху он вбил остатки некогда цельной брони в плиту, то та не просто потрескалась – приняла в себя чужеземца. Броня лишь чуть-чуть выглядывала наружу, став вечным гробом для умирающего от потери крови и перелома позвоночника недвижимого Пети. Ни Бэккер, ни кто-либо другой не могли слышать предсмертную мольбу мечтавшего напоследок услышать от любимой жены слова прощения... Прощения за гибель их дочери... Прощения за совершенные им ошибки не только последних дней, но и всех лет на Коме... Прощения за потерянное время и за то, как мало он понимал... Прощения за то, что он зря поверил Бэккеру и зря устроил этот поход. Петя молил и молил, уже не видя ничего глазами и не слыша ушами. Все, что у него оставалось, помимо угасающей, полной отчаяния и боли мысли, – так это слабый речевой аппарат... Он мечтал услышать хотя бы ее голос перед смертью – просто чтобы знать, что он не один в этот предсмертный миг. Но, сколько бы он ни молил, сколько ни давал клятв и ни просил прощения... ничего, кроме одинокой тишины без какого-либо доказательства не то чтобы победы или проигрыша... Он даже не знает, где он... даже не знает, в каком времени.

Первым делом они тщательно продумали свои возможности оставить некое средство слежения в прошлом без прямого контакта с Техгруппой, дабы по возвращении лицезреть отчет о причинах победы Варвара. Лучшим из вариантов стало отправить туда робота, которым Оцелот взаимодействует с реальным миром, но неплохая в задумке идея Насти столкнулась с опытом остальных – Осколок умеет контактировать лишь с органикой.

– Нельзя нацепить его на робота и отправить куда хочется, потому, во-первых, мы умеем управлять Осколком лишь мыслью и чувством, да и то погрешность такая, что почти лотерея. Во-вторых, нет никакой гарантии, что робот доживет до сейчас, не говоря уже о шансе столкнуть его с врагом, последствия чего вновь еще поди угадай. А если план не работает, то придется самих себя убеждать в том, что этот вариант не годиться, то бишь создавать новый узел.

– О чем тогда мы можем их предупредить, кроме того, что они и так подозревают?! Уж я-то помню наш общий скепсис и хилый план Бэккера...

– Настя, – Оцелот заговорил серьезней, – мы должны определиться: спасти твоих друзей или помочь им с Варваром?

Вопрос этот поставил ее на развилке мыслей с чувствами, ведь сам факт того, в чем она оказалась замешана, до сих пор еще только усваивается. В этот момент Люба взглянула на нее глазами человека, знающего не просто ответы на все вопросы, – ей хотелось сократить эти разговоры и заняться делом, потому что ничего нового для себя в этой теме открыть она не способна. Ее вели инстинкты, выточенные в разрезе времен и воспитанные служить инструментом выживания, что Настя видела столь отчетливо в ней, сколь и вправду желала меньше думать и больше действовать.

Уверенная на старте попытка добежать до Оскара и Роды, когда те устанавливали взрывчатку в пещере, обернулась неудачей из-за большого расстояния, времени преодолеть которое у них не оказалось. Без долгих размышлений они попытались вновь, но уже сосредоточившись на самом месте, дабы оказаться ближе и успеть поведать о грядущем. Но внезапно им предстала картина, где лишняя секунда промедления сделает их добычей для Особей.

– Мы должны вернуться и вытащить их оттуда!

– Это вы про кого?

– Настя хочет спасти Оскара и Роду. – Люба бросила это кратко, готовясь разочаровать взъерошенную напарницу горькой правдой. – Попытаемся попасть внутрь – наткнемся на Особей, влияние на которых газа не доказано. Но и это не самое главное – куда собралась переместиться, в камень? Осколок не думает о твоей безопасности.

Настя не просто злилась – ее выжигала подступающая со всех сторон безысходность, и, скрипя зубами, не находя себе места, она внезапно высказала то, что заставило остальных задуматься:

– Они взорвали проход лишь потому, что не было активатора газа, иначе оставаться там не имеет никакого смысла. Вернемся раньше, заберем активатор, отдадим его им, что позволит им выжить! Все просто, надо лишь успеть. Осколок дает от силы минут семь-десять, так что не будем медлить.

Вновь прыжок в прошлое – но уже в области Палатки, где, как и ожидалось, никого не было, ведь в это время все воевали с Варваром, так что надо было найти активатор в оборудовании как можно быстрее. Ближайший ко входу из трех стеллажей был опрокинут на пол со всем содержимым, что натолкнуло на мысль: вдруг Бэккер или Лорн также искали его? Но выяснять времени не было. Вновь прыжок – но уже чуть позже, дабы не встретиться с самим собой. Вновь прыжок, вновь поиск того, что должно спасти жизни друзьям... и вновь неудача.

– Настя, держи себя в руках. Время играет против нас не просто так. Его всегда будет не хватать, просто свыкнись с этим.

Палатка более не представлялась местом, где все они были в безопасности, соединяя прошлое и настоящее, – Настя не заметила, как воспринимала строение живой личностью, играющей с ней в прятки. Пиковый по усталости прыжок бы-

ло решено сделать чуть раньше – вдруг кто-то забрал активатор, решил отнести и не смог, так что им надо опередить эту неудачу. Вновь поиск – и вновь неудача, отчего Настя со злостью опрокинула на пол ближний к выходу стеллаж.

– И что получается – вы не просто не смогли найти его, но и попали в маленький узел?

Настя лишь кратко кивнула, мрачно сидя в углу, поджав ноги в коленях к себе. Ее раздрает на две части желание попробовать вновь с одной стороны и страх угодить в водоворот событий, подступ к чему она уже ощущает из-за сильнейшей головной боли при малейшей попытке структурировать все эти прыжки, дабы не запутаться в последовательности... В момент она ловит себя на мысли, что забыла, зачем все это нужно делать.

Люба медленно села рядом с ней, весь ее вид, взгляд и манера поведения были лишены и намек на осадок последних... Настя даже не понимает, сколько прошло часов... или дней.

– Судьба и Время не дают этой возможности – мы используем лазейку, ограниченную не только волей богов, но и законами природы.

Настя медленно повернула голову и посмотрела на Любу в неестественном для нее состоянии отчаяния и усталости.

– Мы и есть этот закон природы.

Разочарованность этими новыми ограничениями вынудила Настю еще больше вцепиться в следующее:

– На мне лежит ответственность! – прорычала она сквозь зубы.

– Нет. – Люба осаждала Настю мировым спокойствием, смотря будто бы сквозь нее. – У тебя нет права вмешиваться в судьбу других людей. Иначе ответь мне на вопрос: как ты решаешь, кто должен жить, а кто – умереть?

Люба не дала ей много времени на поиск ответа, закрепив свою мысль неожиданным в своей простоте выводом:

– Не будь Бэккером – действуй стратегически.

Настя и не вспомнит, была ли вообще так оскорблена сравнением с другим человеком, что не могло не спровоцировать переоценку возможностей ради более трезвого подхода к их общему делу. Как же легко загнать себя в угол, подумала Настя, выстраивая четкий ориентир – не быть тем, кем стал Бэккер.

В следующем прыжке они увидели, как Петя использовал всю силу Осколков... использовал – и проиграл. Варвар ударил того по шлему, оставив ту самую, уже известную им вмятину, и неизменно истории они исчезли. После этого Настя хотела добежать до Бэккера, но Люба отдернула ее и сразу же вернула их обратно.

– Что толку?! Битва уже проиграна, мы с тобой видели это, прежде чем здесь очутились! Не трать наши повторы зря, нам нужен один миг, чтобы изменить хронологию, лишь один.

Настя ничего не ответила, глуша в себе ядовитое чувство

слабости. Люба же дала той пару минут отдыха, прежде чем они отправятся в начало битвы. И уже там, когда их все же перенесло пораньше, но на большее расстояние, они с трудом успели добежать ровно до момента, когда Бэккер вонзил меч в лицо Варвара. Этот дерзкий прием вынудил их остановиться – прямо между острых камней справа от битвы. Та недолгая, но запоминающаяся странной смесью отвращения и ликования сцена стала важной точкой координат в наконец-то формирующейся карте событий. Когда Варвар стал подниматься, их выкинуло обратно.

– Ну, как прошло? – Оцелот умело балансировал между заботой и легкомыслием, создавая атмосферу понимающей тяжести доброты. Они быстро сняли шлемы и кислородные баллоны, полные заразной энергии.

– Бэккер проткнул его ножом или типа того в лицо, но тот даже не колыхнулся. Я знаю этот металл – они с Петей забрали его из комнат, что мы нашил на Кома.

– Типа ремонтной мастерской?

– Не знаю. Если и так, то почему Варвар не такой? – Настя села в кресло, заведенно разбираясь с мыслями, пока Люба ожидала от нее продолжения темы. – Бэккер говорил, что Топи, точнее, вся биология, что мешала нам там жить нормально, это... типа эксперимент Варвара. Может, и металл тоже. Выводили новый ресурс или обрабатывали его... как ты, Оцелот, свои бактерии, что нас спасли. Я не знаю, но этот металл выдержал силу Осколка, мы видели это.

– Сразу напрашивается идея сделать еще один меч, или чем там этот ваш Бэккер пытался убить его.

Настя и Люба переглянулись так, как обычно подтверждают единую к исполнению задумку, – они видели, куда Варвар кинул это орудие, так что могут забрать его для будущей помощи Бэккеру.

– Нужен не меч – щит. – сказала Люба. – Без щита Варвар не сможет себя защитить.

– И как мы его заберем?

Вновь прыжок, дабы собрать еще больше информации о битве двух гигантов, результатом чего стал простой вывод:

– Нужно выкрасть его раньше их стычки. – Тяжесть в голосе Насти выдавала ее усталость и измотанность. – А у нас тут есть что покушать? Как ты вообще на ногах еще стоишь, Люба?

– Большая практика, – кратко отрезала она, прежде чем по указке Оцелота отойти в сторону, дабы Малой смог пройти в помещение слева, откуда ранее вынес шлем Пети.

– Понятно.

– У меня тут есть сомнение одно... – Оцелот заговорил тревожно, хоть и казалось, что он просто желает перевести разговор в иное русло, отводя от Любы очередные воспоминания ее «большой практики». – Предлагаю попытаться украсть меч сначала. Смотрите, если этот металл может блокировать силу Осколков, что сам Варвар использовал его, то есть большой шанс невозможности пронести его в это время.

Ну или любое другое, в общем, вы меня поняли.

Люба с Настей вновь переглянулись, ловя общее сомнение в затее.

– А просто так унести его мы не сможем, не говоря уже о том, чтобы уговорить двоих избавиться от него. – Настя разочарованно заключила вывод и спрятала лицо в ладонях от тягостной усталости.

– Есть другая проблема, – заговорила Люба спокойно, вынудив Настю поднять усталый, полный мрачности взгляд. – Если Петя не сможет себя защитить щитом, то Варвар сразу же убьет его. Они выиграли время лишь благодаря этой штуке.

Тяжелое молчание усилило натиск очередной безысходности. Казалось, что надо выпалить напряжение криками или дракой, иначе состояние моральное коснется физического, вынудив познать настоящую боль. Настя уже хотела из последних сил терпения спросить, как у Любы получается сохранять контроль, не говоря уже о том, чтобы случайно не перемещаться, – но тут обе потеряли свои последние мысли, робот принес еду... точнее, то, что считалось едой.

В первом небольшом контейнере были толстые гусеницы, белые и активные, они создавали общую подвижную массу. В другом же была выращена зеленоватая, похожая на мох растительность.

– Белки и клетчатка – можете не благодарить, это... типа хобби, пока вы лежали без сознания, заняться мало чем было

интересно. От сердца отрываю, считай, так что...

– Спасибо. – Люба искренне поблагодарила его, потом села в кресло и съела нескольких гусениц, после чего закусила все травой, выражая лицом нулевое впечатление от крайне непривычной для Насти трапезы. Она уже хотела возразить и даже предложить украсть что-то из прошлого, но решила не оскорблять Оцелота, да и хотелось отдохнуть от этих прыжков через время и пространство. К тому же она ведь доктор, так что прекрасно знает пользу такого деликатеса, особенно для измотанного организма.

Около часа они все провели в свободной от давления истории тишине, позволяя себе хоть чуть-чуть насладиться неким подобием мирного простого времени. Впервые она видит это тесное, мрачное, холодное место чем-то большим, чем некое проявление кошмарного будущего, которое должно мотивировать ее и кого-либо другого на решительные меры по предотвращению трагедии.

– Знали бы вы, сколько у меня вопросов... исторического характера. – произнесла Настя невзначай, лежа на полу и поглядывая вверх в момент простого отдыха. – Аврора разрушена из-за Осколка – или же там и правда было землетрясение? Зачем Опус создал Монолит, если на нем и так полно ресурсов? Или там нет ничего и... – Настя ощущала почти физическую тяжесть от каждого нового вопроса. – Что значит это твое «по какому календарю считать»? У нас один календарь на две планеты... если прибавить эти шестьдесят

четыре года, что мы тут торчим, значит, сейчас... триста девяносто девятый год... Прикольно, вот-вот – и новый век наступит. Или этот календарь Опус выдумал? Мы так мало живем...

– Мы создали календарь Триединства, – Люба заговорила отрешенно, – очень сложно структурировать на бумаге перемещения во времени, когда узлов становится слишком много. Наступает момент, когда причина и следствие становятся одним и тем же. И чтобы понять, за какую нить дернуть.... Это сложно объяснить. Петля Бэккера на Монолите – детский сад, как два плюс два, – считай, одноклеточное событие.

Настя чуть поднялась и села на пол, опершись спиной на стену, встретив мрачный взгляд Любы.

– Время и Судьба научили меня главному – нет худшего врага, чем ты сам.

Не верить в буквальность этого выражения было невозможно. Этот взгляд и голос скрывали историю достаточно жуткую, чтобы Насте стало искренне жаль эту женщину. Из-за сочувствия к ней Настя попросту не хочет выяснять отношения или взывать к справедливости в угоду сохранению малейшей человечности. Она хотела что-то сказать, пообщаться по-человечески о самом непринужденном, но все никак не могла подобрать ни единой темы. Ее угнетали не только место и время, но и непривычное состояние заслуженного одиночества.

– Спасибо. Было на удивление вкусно, – сухо поблагодарила Настя Оцелота, поглядывая на остаток его тела в криокамере с неприкрытым сочувствием. – И спасибо тебе, что не бросил нас.

– Рад стараться.

Несколько минут они молча сидели, наслаждаясь тишиной и покоем. Настя медленно заговорила, подходя к очень важному выводу:

– Я не представляю, как выкрасть этот щит или уговорить их хоть на что-то полезное нам... потому что все, что полезно нам здесь, вредит им там. Да и времени мало, чтобы что-то сделать. И даже если мы изменим хоть одну составляющую, то все остальное развалится. Хотя они и так проигрывают, так что не все ли равно?

– Бэккер думал так же, – кратко обронила Люба.

– Да, знаю. – Настя же отреагировала смиренно. – Теперь-то я его понимаю. Все так сложно, что и вправду хочется радикальных мер. Как быстрый способ сделать хоть что-то. Выбраться из густой паутины слишком сложно, потянешь одну нить – зацепишь остальные, хоть календарь хронологии составляй.

– Не хочу быть пессимистом, но, как показывает практика, самые верные решения – самые простые в осмыслении и реализации.

– Есть кое-что, – заговорила Настя вызывающе, – чего мы не пробовали. Это опрометчиво, рискованно и опасно. Един-

ственные, кто не задействован в битве, – это мы. Я и Люба. Пока они там умирали, мы были здесь, под твоим присмотром, Оцелот. Вы оба не можете не знать, что если мы с Любой там убьем их, то вернемся сюда живыми и здоровыми, как было с Бэккером.

– Да, – Оцелот рассуждал неспешно. – Время-то, может, и прямое, но когда проскакиваешь через срез, то для новой версии ты будешь пришельцем из предыдущей версии.

– Что если попросить ту Настю и Любу забрать щит? Или можно расписать им все события, чтобы они передали их Беккеру и поменяли стратегию? А еще...

– Не лучшая идея.

– И почему же, Оцелот, это не лучшая идея?

– Потому что без вас там меня здесь не будет. А корабль, который я сохранил для вас, некому будет восстановить – следовательно, вы вернетесь в место без транспорта. И это еще не все – здесь не будет Осколка, потому что если вы победите...

– Мы можем их попросить все это сделать. – Настя набирала обороты, уверенно выстраивая план действий. – Подумайте сами – если они победят, то нужно будет лишь оставить в этом корабле все необходимое и предупредить тебя. Мы вернемся... Стой, погоди, если у тебя не будет Осколка здесь, то как мы...

– Вас возвращает не он – а нестабильная дыра в пространстве и времени.

– Ну так еще лучше! Они оставят здесь целый Осколок, нас затянет через эту дыру, воспользуемся им и вернемся в прошлое с концами.

– А что будет с ними? Те Настя и Люба не исчезнут при вашем появлении. Если собираешься делить жизнь и время на двоих, то подумай, как это ни странно прозвучит, дважды.

– Мы не должны менять наше прошлое! – Люба заговорила впервые после обеда, уверенно и властно. – Настя и Люба должны упасть, чтобы Оцелот забрал их. Вся проблема в Осколке. Пока они будут там лежать десятки лет, мы с тобой сможем прожить жизнь вместо них, пока не умрем от старости, как обычные люди.

– И будем знать... что они там повторяют... повторяют вот это все? – Настя не могла уложить в голове эту концепцию.

– Они уже справились, потому что это мы, здесь и сейчас.

– Любовь хочет сказать, Настя, что все не так и плохо. Мы видели куда более трагичные судьбы в узлах времени. На самом деле этот вариант – один из самых невинных, вам даже не надо договариваться с собой – чего, к слову, добиться, как показывала практика, еще то достижение. Любовь подтвердит, у нее в этом большой опыт.

Люба никак не прокомментировала последние слова Оцелота, хотя в глазах ее Настя смогла углядеть отблеск тяжелых воспоминаний.

– Так, подождите, это все... я не... Это не решает главной проблемы – Варвар. Если он победит, то остальное...

– Мы так и не видели окончание, – заключила Люба, зародив в Насте последнюю надежду на иной вариант развития. Ведь и правда, они не знают, что было после того, как Варвар и Петя исчезли.

Когда Рода и Оскар затаились в глубинке Целестина, восприятие времен исказилось, предоставив им лучшую почву между былым и грядущим для осмысления своего незавидного положения. Если Особи не погибли, значит, шансы выжить им двоим в этих неизвестных тоннелях сводятся к нулю, не говоря уже о как таковом выходе из этого места, наличие которого абсолютно не досказано, что, в свою очередь, будет не так и важно на фоне кончающегося запаса кислорода в баллонах. Подтолкнуть их к решительным действиям в большей степени мотивировала доведенная до предела ценности одна мотивация, только каждый трактовал ее со своей крайности: Рода верила, что Бэккер победил, ей искренне хотелось доказательств покоя и умиротворения, чего не достичь в этих тоннелях под натиском предположительно противника, Оскар же, пусть и хотел его победы, но вла его преимущественно личная месть этому человеку. Так что, когда они синхронно вырвались из вакуума времени и пространства, осознав физически и психологически нужду двигаться, то достаточно быстро нашли в своих сформированных идеологиях взаимную поддержку.

– Почему ты веришь, что он победил?

– Мне знаком его фанатизм, такой человек не позволит

себе сдать. На Кома, в окрестностях Тиши я выжила благодаря аналогичному помешательству.

– Я убью его в любом случае. – Оскар хотел произнести это, закрепив непростое намерение. – Бросив нас здесь, он доказал, что мы для него, как и остальные, – лишь средство на пути к цели. Он разрушает все вокруг себя, а остальное заражает, словно вирус.

– Вряд ли тебе нужно мое одобрение...

– Не нужно.

– Значит, это угроза? Мне, серьезно?! – Рода не знала, ей радоваться от того, как возмужал этот человек, или же огорчаться – ведь он повторяет ей знакомый сценарий.

– Я просто хочу быть честным, но если ты поможешь...

– Пошел ты! Я не буду тебе помогать, на моих руках достаточно крови! Забыл, что я сделала в Тиши? Вот именно. Я могу оправдать Бэккера, но защищать не буду. Такой человек сам себя может защитить. Он все делал для выживания в нечеловеческих условиях, и я, если ты забыл, поступала не сильно лучше его... Можешь вспомнить, в каком состоянии вы меня нашли, и сразу все поймешь.

– Тут все немного иначе.

– Согласна, тут иначе – он один, причем уже давно, терять ему нечего, связи с цивилизацией, обществом или семьей у него попросту нет. Если бы не ты и Настя, то я не сильно бы отличалась от него сейчас.

– Вот и оправдание.

– Скорее объяснение, дурень. И если ты не понял, он сам будет рад умереть, так ты закончишь его страдания. Как всегда, знаю тебя лучше, чем ты сам. – Рода чуть запнулась, подумала и сказала: – Еще я верю, что с Настей все в порядке. – Рода скромно улыбнулась, кивнула в сторону направления, оставив Оскара со странным осадком от понимания, что все это время он думал о Насте в профессиональном ключе, не привыкнув к переживанию за ее состояние. Это было скорее исполнение вшитой за последние дни роли защитника, куда вкрапилась легкая личная забота, и, как показывает настоящее, происходила она строго из инстинктивной нужды. К тому же, понимает он уже следуя за Родой, она вряд ли останется в стороне в момент отмщения Бэккеру. Но, как бы Оскар ни желал разобраться во всех вариантах сценария развития его отмщения, где ключевым фактором внезапности и является Настя, внимание его всецело украла новая проблема – одна Особь смогла выжить.

На последних силах существо совершило выпад вперед, вынудив Оскара и Роду вернуться в небольшой карман, прижавшись к стене напротив узкого входа. Особь не могла пролезть внутри целиком не только из-за своих габаритов, но и по более неожиданной причине – у нее отказали задние лапы. Волочась в поисках нарушителей спокойствия, Особь из последних сил смогла найти их, но какой бы безграничной яростью ни обладало это создание, исполнить желаемое было не суждено – спустя десяток отчаянных попыток дотя-

нуться когтями до своих жертв жизненная сила окончательно покинула тело. Оскар и Рода, загнанные в угол, находились в паре сантиметров от когтей, рассекающих малое пространство перед ними размашистыми движениями. Когда тело плавно упало вниз, застряв в узком проходе в области талии, то они еще несколько минут не просто не двигались – сами мысли были заблокированы, дабы инстинкт самосохранения правил в этот непредсказуемый момент. Казалось, что все прошло успешно, им вновь повезло, так что пора вернуться на задуманный маршрут. Но тут Рода указала Оскару на свою левую руку, где в области плеча расположилась царапина, рассекающая скафандр до плоти. Зажав рукой рану, Рода сказала Оскару то, что пугало не только смыслом, но и уверенностью выражения:

– У меня не больше полутора часов, если верить показателям кислорода скафандра. Мы не знаем, где здесь выход, как и не знаем, есть ли он тут вообще. Оскар, я не дотяну. Они все же достали меня, и, как бы это ни было символично, я не против. И не спорь, я лучше знаю. Жаль только, что не умру под открытым небом. Точнее, открытым космосом... неба-то тут и нет. Но, с другой стороны, умереть не одной – уже больше заслуженного. Да и я рада, что здесь именно ты. Есть во всем этом нечто хорошее – увидела, как ты повзрослел, наконец-то, что тоже много стоит.

– Не смей мне тут сдаваться! Уж кто-кто, а ты борешься...
– Я и борюсь. Борюсь за твою жизнь. Да, я виновна во

многих смертях, будет приятно умереть, зная, что спасла одну жизнь. Особенно такую симпатичную и крутую. Оскар, послушай меня... Мы оба знаем, что выбраться может лишь один. Я это проходила, не оскорбляй меня... не обесценивай мой опыт. Если получится, вытащи меня из этой дыры, аккуратно оставь на поверхности в уютном месте где-нибудь, хорошо? Оскар, обещай мне это!

Отступать более некуда, да он и не хочет. Весь его путь вел к этому моменту – победа или смерть. Бэккер мог бы использовать Осколок и вернуться назад, составив, например, самому себе компанию, увеличив силы и шансы на победу вдвое... а может быть, и втрое, а то и вчетверо. Стоит лишь начать, как вопрос меры будет принесен в жертву упрямости, окончательно возведя в идеологию философию – цель оправдывает средство. Определенные правила ведения войны придавали ему уверенности, этакого кодекса, чье соблюдение ставит его выше оскорбительного фанатизма, доводя до статуса компетентного стратега. Все ради победы, достичь которой можно лишь с полной годностью встретить и поражение. Должен быть конечный итог, такая последняя точка координат, иначе из-за невозможности распределить силы в шатком сценарии поведения внешнее влияние окажет неконтролируемые изменения на пути к цели. Путь был столь сложным, сколь невозможным в повторении, отсюда и компетентность играть по правилам. Только прямо – только вперед, таков его выбор, дарующий уникальное удовольствие от власти над судьбой, доказывая, что лазейка во времени и пространстве ему больше не нужна – это для слабых и жалких.

Упиваясь своей упрямостью, Бэккер ожидает прихода

Варвара, заведомо озабочась минированием этого куска плиты, – с Топи он забрал робота, придержав его для точечного и безошибочно применения – помощи Лорну со взрывчаткой, ведь Оскар и Рода приняли на себя волю Особей, обезопасив тем самым поле боя. Связи с роботом или остальными до сих пор нет, все глушится, что даже приятно – нет отвлекающих факторов. Хотя кое-что покалывает в самом сердце – невозможность поблагодарить Петю за жертву напоследок, отчего тот, по мнению Бэккера, вряд ли умер с чувством выполненного долга.

Бэккер держит Осколок в руке, внимательно наблюдая за приближающимся Варваром, который почему-то не спешит, лишь спокойно сближается, совершенно не желая напасть или выглядеть угрожающим. Лорн и робот неизвестно где, но у обоих есть приказ взорвать плиту, когда Бэккер выставит вперед руку с грубым жестом, сам же Осколок либо получится выкинуть подальше от радиуса разрушения, либо, что также есть в программе, его должен успеть перехватить железный слуга с последующим исполнением заготовленного сценария. На крайний случай, разумеется, взорвать придется в момент получения им любой травмы, что, как ему хочется верить, не произойдет, хотя он и готов к худшему результату. И вот Варвар подошел ближе, встав у начала плиты, выпрямив спину в ожидании... неизвестно чего. Бэккер мечтает взглянуть своими глазами в лицо этого зла, показывая тому собственное бесстрашие. В прошлый раз Варвар был злее,

свирепее, как бешеное животное, планомерно исполняющее наказание за наглость. Ныне же он ведет себя размеренной, что только на руку Бэккеру, – позволяет прочувствовать доказательства его превосходства над самим собой... тем, кем он был при первой встрече и там, на Комере.

Между ними было метров пять, Бэккер смотрел на этого трехметрового монстра и хотел лишь одного – растянуть время, смаковать бесстрашие и чистоту. Это почти получилось, он успел нащупать замедление всех процессов, ощущая чуть ли не на физическом уровне свершение собственного превосходства над самой жизнью и смертью... ощущая до того момента, пока из-за спины Варвара не вышла женщина. Без скафандра или кислородной маски, в плотно облегающем, хорошо выделяющем идеальные женские формы комбинезоне с закрытой шеей, подчеркивающей ее зачесанные назад черные ровные волосы. Невероятно красивое, с мягкими чертами и большими глазами лицо было ему знакомо – этакий образ чего-то возвышенного и совершенного, но в то же время приземленного. Она подошла ближе, эмоции на ее чистом лице выражались лишь пронзительными живыми глазами, в которых словно умещалась вся Вселенная. Лицо ее выражало легкое, почти детское любопытство. Бэккер был очарован ей столь сильно, сколь незаметно она забрала у него Осколок, после чего медленно, заботливо и с личным сочувствием, одной лишь рукой подняла его над собой и толкнула без грамма усилий. С каждой секундой Бэккер отдалялся от

Целестина, направляясь спиной к бесконечной тьме, встречая ее объятия без преследующего его весь поход гнетущего страха, победа над которым переродила его в того, кто ныне считает себя как минимум равным этому естественному противнику. Доказывать ему более нечего, все силы отработаны, все что мог, он сделал, от того и продолжал наблюдать за площадкой, разрешая себе раствориться в темноте как плата за выслугу перед судьбой. Остальное не имеет для него большого значения, ибо в этом мире жить ему больше незачем. И отдельно он принимает самое искреннее доказательство своего перерождения – ему плевать на то, что он вспомнил, кто эта женщина. Это случилось прямо перед тем, как в одну секунду произошел взрыв площадки, а в следующую – резкая вспышка, перенаправившая Варвара и его спутницу в неизвестном направлении. Бэккер наблюдал уже своими глазами, отключив все системы шлема. Это последнее доказательство наличия света и случилось в тот самый момент, когда Бэккер понял: спутница Варвара чуть ли не один в один похожа на известную ему персону по имени Люба.

Настя и Люба поднялись с ощутимым больше обычного трудом, сняли шлемы, отсоединили баллоны с кислородом и почти упали от бессилия. Оцелот спохватился, манипулируя Малым, помог им сесть в кресла, сразу же проверяя их показатели.

– Так, дорогие мои, пора вам взять небольшую паузу. Дело не в стандартных побочных эффектах частых прыжков, от которых, как мне казалось, уж ты, Любовь моя, должна иммунитет выработать давно. Бактерии, которые так любезно восстановили вам все и вся... с ними что-то не так. Они... они отмирают и тем самым отравляют вас... Ничего не понимаю.

Силы и правда иссякали, Настя упала в кресло, и единственное, что мешало ей откинуться назад для заслуженного отдыха, проистекало из увиденного в последнем прыжке. Люба в этот момент, все по той же причине, скрыла свои мысли и спряталась в темноте угла.

– Что-это-была-за-женщина?! – Настя дробила слова, придавая каждому последующему большей силы за счет плавного перехода на крик. Лишь кипящая злоба от очередных неожиданностей помогала оставаться в сознании. Никто не ответил, тишина казалась осязаемой, давящей.

– Ей не требовался кислород, ее не страшил Варвар! И она

была похожа на тебя, Люба!

– Ее зовут Кассандра. – Оцелот аккуратно подобрал слова, дабы звучать как можно менее сочувствующе, что не могло не расстраивать Любу, подошедшую в момент его слов к криокамере. Она опиралась на нее в борьбе со слабостью, желая услышать откровение Оцелота, которое ранее отрицала. Настя не могла не заметить, как сильно изменились лицо и взгляд Любы в этот момент: отчаянный, одинокий ребенок, ожидающий страшного известия о ком-то крайне близком. – Она привела нас сюда. Кассандра – это сверхсущество... Она является матерью....

– Только не говорите, что это про нее написано в Наставлении!

– О, у вас сохранилось писание? Отлично. Да, это она. Она привела нас в этот мир, дала нам жизнь и, чтобы мы не заплутали, даровала нам Наставление. Все очень просто.

– Какой-то бред!

– Ты и в Варвара не верила. «Слово Свидетеля непоколебимо сомнениями слушающих».

Это парирование с цитированием Наставления вынудило Настю осадить подступающее отрицание, запинаясь на каждой попытке критической оценки.

– Так она... она что... Если она Мать из писания, значит... Божество?

– Что-то вроде того.

– А эти ваши... Судьба и Время?

– Они проявили себя в период Триединства. Настя, сейчас важна Кассандра, которая нашла общий язык с Варваром, который, в свою очередь, таинственная фигура для нас всех. Уж извини, но я доверяю Кассандре, она заслужила это доверие, потому что была с нами с самого начала, оберегала нас, учила и...

– Ты прям восхищаешься ей!

– Имею право. Она основала для людей Опус, а потом и Аврору, которую ты знаешь лишь развалинами прошлого. В мое время это строение было ключом к новой жизни – первое поселение космических путешественников. В тот момент Опус стал столицей солнечной системы ИМБ. Она была самым мудрым, добрым, заботливым, умным существом для всех поколений. Мы не могли не равняться на нее. Мне не объяснить тебе все словами, прости. Важно другое. После того как Любовь исчезла, Кассандра возглавила эту экспедицию, оставив Аврору на Перната. Я не знаю, Любовь, почему он убрал из капсулы времени сведения об этом нашем решении. Возможно, он хотел, чтобы ты оставила ее и нас в прошлом, отсекая новую нить удалением сведений из хронологии. Что забавно, мы все хотели тебе помочь жить... но почему-то разделились в способах донесения этой простой идеи.

– А ты чего молчишь?! Тебе было плевать на нас с самого начала, все, что ты искала и желала, – это найти эту Кассандру! А она, оказывается, на стороне Варвара!

Первый и последний порыв личной злобы в ее адрес закончился падением Насти на пол в тот же момент, как она резко поднялась и хотела ударить и без того с трудом стоящую Любу, которая попыталась поймать слабое тело на лету, что вылилось и в ее потерю сознания.

Не было никакого сна – лишь плавное падение во тьму, где внезапно вырисовались очертания помещения, выделив человека справа от нее легким подсветом лампы. Настя пришла в себя столь быстро, сколь инстинкты так и тянулись к защите в чужеродной среде. И на то были причины.

– Все это время тебя интересовала лишь эта Кассандра, – сокрушаясь от ужасного открытия, выговаривала Настя для самой себя. – Мы были для тебя лишь инструментом... вторым планом... вторых ролей хронологии... – Чуть придя в себя, она посмотрела на Любу искаженным от непонимания лицом. – Я все равно не понимаю... почему нельзя было с самого начала ввести нас в курс дела. Объясни, пожалуйста, к чему...

– Опыт научил собирать информацию до исполнения решительных мер.

– Собрала?! Молодец, поздравляю! Дальше что? Пусть вся цивилизация сгинет, лишь бы ты со своим божеством встретила – нет, такой вариант мне не подходит!

Впервые Настя увидела на лице Любы волнительный пот, поднимающий ценность новой информации до неведомого уровня важности. От раннего человека власти над самой во-

лей не осталось и следа – перед ней предстала женщина, преисполненная отчаяния. Люба села на кресло, глаза ее лихорадочно дергались, пока пальцы ломали друг друга, пытаюсь навести порядок в голове. Медленно к ней приблизился робот Оцелота и, положив аккуратно свою руку на ее, дабы успокоить этот неприятный глазу нерв, произнес с искренней заботой:

– Это было сто шестьдесят пять лет назад. Когда мы прилетели сюда, Кассандра отправилась к ступеням. Мы думали, что, возможно, ты здесь. Посмотри на эти три криокамеры – одна для меня, остальные для тебя. Ты знаешь ее лучше всех, минимизировать случайность путем расчета – ее призвание. Я единственный, кто согласился с ней лететь, потому что иначе не мог. Видимо, понял я со временем, она также не могла иначе. Если уж Кассандра нашла причину для союза с Варваром – я не могу сомневаться в верности этого решения.

– Я должна узнать, – процедила она сквозь зубы мрачно.

– «Слово Свидетеля нуждается в слушателе столь же, сколь слушатель заслуживает наставления на будущее не в ущерб настоящему». Ты знаешь ценность этих слов. Привязывать к прошлому слишком опасно. Кассандра могла вернуться на Аврору и пресечь твое исчезновение, могла даже появляться тут время от времени, загрузить в Малого архивацию событий, чтобы в будущем узнать, что ты была здесь, и безошибочно прийти в нужную дату. Любовь, если сама Кассандра разрешила себе свободу, то разве тебе это запре-

щено?

– Она была там вместе с Варваром, на Коме, до того, как Бэккер совершил свой первый прыжок в прошлое. Я понятия не имею ни откуда они там взялись, ни к чему... – Тут Люба запнулась и, взяв себя в руки, обрела намек на былую силу характера. – Я хочу вернуться еще раз, чтобы поговорить с ней.

– Любовь...

– Надо успеть до того, как они исчезнут. – Настя перебила Оцелота, всецело поддерживая эту задумку. – Что? Мне тоже интересно, почему происходит то, что происходит.

– А теперь слушаем меня. – Оцелот был серьезней некуда, но не зол – как раз наоборот, он боялся за них, вот и приходилось говорить с усилием. – Я измерял тепловую сигнатуру Осколка каждый раз до вашего прыжка и после и могу сказать точно – еще два-три вы можете сделать, причем это с учетом необходимого для отлета с Целестина. Прибавим к этому ваше ухудшившееся состояние из-за частых перемещений за последние десять часов. Я подкормил вас новыми бактериями, им приходится справляться с двойной работой, а дополнительная нагрузка на вас сейчас – это и дополнительное влияние Осколка на них.

Люба переглянулась с Настей ради подтверждения своей догадки – они готовы завершить этот бесконечный день, наконец-то созрев до финальных прыжков, четко зная все события битвы с поведенческой картой игральных фигур.

– Я должна поговорить с ней, Оцелот. А там будь что будет.

– Вмешиваться в сражение Техгруппы с Варваром слишком опасно. – Настя хотела помочь Любе с формированием окончательной цели, наконец-то расчистив поле маневра от вороха причин и следствий. – Возможно, мы сможем помочь с последствиями.

Люба одобрительно кивнула, не без удовольствия наблюдая за взрослением Насти, ставшей наконец-то напоминать ее саму не в юности, а уже на исходе Триединства, когда уроки богов наконец-то поддались усвоению. Самой Любе вернулось то самое состояние примирения с участью, хорошо изученное и заслуженное во времена эпилога, когда она делала письма для ориентирования, что в итоге и позволило принять и получить удовольствие от простоты последних дней жизни.

Вновь они вернулись в прошлое, прямо к тому моменту, когда Бэккер вот-вот и должен был поддаться власти Вселенной, проиграв сражение своей жизни – сражение с судьбой. Настя и Люба стояли рядом друг с другом со стороны пещер, в каких-то двадцати метрах в стороне от Бэккера, ожидавшего прихода Варвара. По плану они должны были ждать, но Настя, ведомая взбунтовавшимися против данной затеи инстинктами, ударила Любу по ноге, дабы та упала и не мешала ей добежать до Бэккера. С каждым шагом Настя пыталась визуально раскрыть свое местоположение, махала рука-

ми, старалась прыгать, сделать что-то, чтобы Бэккер смог отвлечься от подступающего Варвара и увидеть ее. Но не только Бэккер не поддался ее влиянию: Настя также недооценила Любу – та за счет мелких осколков в руке вернула их раньше времени в настоящее.

– Что у вас случилось?

– Излишняя инициатива. – Люба готовилась строго отчитать Настю, словно расстроенная поведением беспечной дочери мать, но та вновь кинулась на нее, и если бы не вставший между ними Малой, вытянувший руку перед агрессором, то акт насилия свершился бы непременно. Настя уткнулась в ладонь Малого, в ней кипело жалостливое отчаяние лишенного всего и вся человека, которому осталось лишь грызть путь к свободе от навязанных условий существования.

– Такого я от тебя не ожидала, – с неприкрытым презрением сказала Люба.

– Я знаю. – С каждой секундой раскрытия мотивов Настя словно обрастала броней, укрепляя свои убеждения довершить задуманное. – Мое потакание твоей бредовой идее поговорить с Кассандрой можно назвать ложью – да, но я бы придала этому статус «решительные меры». Потому что я знаю, чем обернется подобная жалостливая инициатива! Мы все знаем! Вновь известие, там и потакание малому шансу перестроить причины и следствие, дабы выкроить самый маленький шанс добиться мнимого успеха. И не надо, пожа-

луйста, не надо здесь меня убеждать в том, что это важно и все связано... Хватит! Ты не лучше Бэккера, да даже хуже – его хотя бы зло космоса волновало, хоть что-то, пусть и путем личной мести, но все же это должно было помочь человечеству. А ты просто использовала нас, использовала его и даже Козырева, чтобы в нужное время свершить личное... что-то, что-то личное, хотя я не могу не напомнить, что шансов помочь нам всем в конфликте с Бэккером у тебя было предостаточно, но ты лишь плыла по течению. – Настя чуть успокоилась, подведя к главной, бескомпромиссной перед любыми доводами мысли. – Мы все проиграли. Раз ни Бэккер, ни ты, никто из вас не хочет спасти этот мир, то это сделаю я. Я вернусь в прошлое, до Бэккера, и до гибели Монолита, и до того, как все вышло из-под контроля.

Люба пронзительно смотрела на Настю, и от испытываемого презрения не осталось и следа – перед ней был человек, которого она понимала на своем опыте слишком хорошо.

– Ты злишься не на меня – на себя. Потому что еще не приняла факт своего желания оставить прошлое и жить дальше – чувства вины и ответственности мешают. Но это пройдет, поверь мне, я знаю.

– Лицемерка. Ты сама не можешь отпустить прошлое, тянешься к этой Кассандре, хотя той наплевать на тебя. Оцелот очень верно подметил, сказав, что будь у той желание, уже давно бы здесь...

– Это может быть важно. Мы не знаем всей картины...

– Вот, началось – очередное оправдание, лишь бы верить, да? Иначе у тебя ничего и не остается, кроме веры. Как ты там Бэккеру сказала: «вера – единственная равнозначная валюта»? Очень удобно иметь двойные стандарты. А еще учишь меня чему-то, лицемерка.

– Я не могу позволить тебе менять прошлое – точка.

– Да знаю я! Видела все своими глазами изнутри! Но раз уж выбирать, то я лучше рискну, так будет шанс спасти не только Монолит, но еще и моему папу, моих друзей и семьи этих друзей. Мы хотя бы знаем историю падения Монолита, а что даст твоя Кассандра? Придумает оправдание действиям Варвара, введя новую иерархию зла или угрозы? А вы не думали, что этот ваш бог просто наплевал на вас, и на меня, и на всех, потому что создал новую форму жизни?! Она защищает его, мы это с тобой хорошо видели. «Слово Свидетеля», ага, конечно. Что толку, если его никто не услышит?

– Ты хотела этого с самого начала. Ради этого ты пошла с Бэккером – чтобы заполучить Осколок и переписать историю.

Люба озвучила открытие, удивившись не самому факту такого решения, а тому, как слепа она была, упустив это ранее. Настя хотела уже увести взгляд, но, более не имея причин бороться с этим наваждением, начала говорить медленно, наконец-то принимая все как есть.

– Все это и остальное стало... стало чужим после смерти папы... и лишь усугубилось со смертью Андрея... Я боро-

лась, правда, я старалась выживать и адаптироваться, но... Похоже, я не настолько сильна, чтобы оставить все как есть, имея шанс исправить прошлое. Лишь здесь, с тобой и Оцелотом, получив в руки этот шанс, я поняла, что да – это единственный разумный вариант, который меня устраивает. И я знаю, что ты воспользовалась этим моим порывом, дабы спокойно собирать свои ориентиры, пока я перебираю для тебя возможности. Только мне не ясно, какое тебе дело до меня, Монолита и всех остальных? Ты чужая для нас, мы чужие для тебя. Хочешь поговорить с Кассандрой? Я не могу тебе это позволить. Раз ты не думаешь о своем доме, семье или еще чем-то, то значит, все пропало и у тебя ничего не осталось. Что бы тебе ни сказал этот твой бог, не мой, а твой! Тебе будет мало. Я согласна с Оцелотом, ей плевать на нас. Так что давай уже вернемся в прошлое как можно раньше, чтобы предотвратить гибель колонии, потому что раз мы можем это сделать, значит, мы должны это сделать!

Последние слова вызвали в Любе всплеск жгучих воспоминаний, подходящих под личное оскорбление больше, чем раздражающая глупость молодости. Она вцепилась в значительно более взрослый взгляд Насти так, как будто бы смотрела в зеркало, выискивая уже известный ответ внутри самой себя. Люба видела перед собой не Настю, а свою версию из молодости, версию, судьбу которой можно было изменить простыми словами... Упустить вновь этот шанс равнозначно предательству самой себя.

– Ты не хочешь этого. Ты думаешь, что хочешь, потому что этот вариант разумен пользой для остальных, но не для тебя. И ты считаешь это правильным лишь потому, что без этого останешься одна. Твое благородство и трепетная забота о жизнях других заполняют пустоту одиночества, позволяя заглушать страх перед чистым, неизменным будущим. На самом деле ты хочешь забыть все это и чтобы оно забыло тебя. На самом деле ты не хочешь вмешиваться в хронологию, потому что одного прыжка будет мало... всегда будет мало. Никогда не будет идеального варианта, всегда захочется что-то изменить. Сам процесс станет для тебя важнее, чем то, ради чего ты это делала. Самое трудное решение ныне самое верное, и ты знаешь, какое это решение.

ТЕМА ПИСЬМА: Осколки

То, что сейчас именуется Осколками, – не совсем правильная интерпретация, потому что они не являются частью чего-то цельного. Каждый из них создавался самостоятельной единицей. К сожалению, мне неизвестен процесс их так называемого производства, что не удивляется от знания ценности столь уникального инструмента манипуляцией пространством и временем. Могу с уверенностью утверждать – Осколок является вершиной их технологического развития, доступного лишь избранным, кто докажет свою исключительность стать его обладателем. Чтобы успешно манипулировать их энергией, биологические изобретатели придумали специальную многофункциональную броню, чей состав материала мне также недоступен. Сам по себе владелец брони находится внутри с расчетом на сохранение своей биологической формы во время странствий и работы по изучению Вселенной. Их древняя раса пережила многие этапы становления и падения, придя к одному важному закону – запрету замены биологической формы жизни на синтетическую. Нельзя доверять роботу с властью Осколка. Думаю, символизм тебе ясен не меньше моего. Так вот, они придумали известную тебе броню не только для безопасного применения Осколка, но и для сохранения своей биологической формы крайне продолжительное время. Не могу все объяснить,

уж извини, но знаниями Варвар делился крайне неохотно. Ключевое состоит в том, что эта броня создана из неизвестного мне материала еще и для того, чтобы Осколок мог перемещать ее целиком по нужным владельцу точкам координат. Только вот одного недостаточно для путешествия такого сложного, если простыми словами, механизма: нужно минимум два Осколка. Более того, три дают возможность точного определения координат, которые Варвар умеет анализировать и планировать. Удивительно, как все просто. По факту этот гигант – лишь сверхтехнологичный скафандр, внутри которого спрятана биологическая форма жизни, которую мне на Целестине увидеть не довелось.

У них есть свой календарь хронологии и строгие законы применения Осколков. Горький опыт вынудил создать строжайшие запреты внутри системы скафандра, запрещающей перемещаться в прошлое без просчета аналогичных применений Осколков другими Первобытными. Мне не нравится это ваше определение – Варвар. Никакой он не Варвар, агрессивное поведение в его случае легко спутать с обычным безразличием к преграде, чье преодоление не составляет ему проблем. Первобытных несколько, точное и примерное количество мне неизвестно. Но все они работают в единой сцепке, над одним проектом, следуя при каждом деле строгой иерархии. Как я и писала, честь стать Первобытным – высшее достижение для их расы. По поводу временных петель и узлов могу написать лишь одно – это слишком

незначительно для них. Опять горький опыт, как я поняла, выковавший в их мировоззрении строжайшие законы, содержит и определенные установки на возможную закольцовку событий. Смею вновь предположить, когда занимаешься планетарной инженерией, вряд ли способен столкнуться с следственно-причинными событиями. Думаю, тебе уже ясно: солнечная система ИМБ – научный проект Первобытных. Они переместили в эту глубинку Вселенной все известные нам объекты в роли ресурса для своих работ. Не удивительно, что людьми изучено меньше десятой процента солнечной системы столь сложной структуры, сколь неизвестно своим предназначением. Какие бы ситуации здесь ни выходили из-под контроля, расстояние до ближайших элементов значимости непостижимо велико. Здесь они неспособны кому-либо мешать или вредить, предоставленные сами себе, познают нечто неподвластное человеку. Буду честна – создания эти удивляют меня до сих пор. А ведь я изучала Первобытного на Целестине целый век. Условия выживания на спутнике Комы продиктованы инструментарием гробницы, лишь частично заряжающей его скафандр, насыщая тело всеми питательными веществами с возможностью быть в сознании ограниченное количество промежутков времени. Его знакомство со мной было бесстрашным или враждебным – видимо, одиночество здесь уже на момент моего появления вылезло за зафиксированный срок. Я вывела, что его гробница существует здесь не менее пяти миллионов лет по на-

шему календарю. Сделана она персонально для него или же едина для всех – неизвестно. Сам он долго не воспринимал меня всерьез не только из-за разницы в интеллекте, но и на основе моей ничтожности в вопросе какого-либо влияния на функции примитивной на вид, спрятанной в глубине гробницы. Хотя не могу не упомянуть, как легко ее спутать с обделенной присутствием разумных существ рубленной изнутри пещерой. Да и что я могла сделать? Ни физически, ни интеллектуально я даже близко не подобралась к его величию – словно муха для человека.

Несмотря на ограниченность знания, я все равно преисполнена радости стать свидетелем настоящего чуда не меньше, чем принести это слово тебе, любимая доченька. Надеюсь, на данном письме ты все еще преобладаешь ценностью своего присутствия, познавая радость разделить эту Вселенную с кем-то иным так же, как это делаю я.

Когда они проснулись от сна, навеянного усталостью и нуждой побыть наедине со своими мыслями, общее состояние было столь спокойным, сколь осмысленным. Покидая это место уже другими людьми, Настя и Люба обнаружили настоящее взаимное доверие, чему имелись весомые причины: общее дело сблизило их на идейном уровне не меньше естественного понимания единой на двоих эмоциональной проблемы. Желание повлиять на историю было продиктовано хитро спрятанным в глубине непростых характеров инстинктом выживания, расцветшим в располагающих к власти над событиями условиях, где нет никакой победы, кроме единственной, понять которую трудней всего: чтобы выиграть, надо прекратить играть.

Привязанность к людям была ошибочно интерпретирована главной и единственной сутью жизни, хотя на деле все крылось в желании исправлять ошибки, забывая о том, зачем это вообще нужно. И если Настя впервые познает эти чреватые неминуемыми последствиями путешествия во времени, то Люба вновь окунулась в этот поток с ложной уверенностью, навеянной большим опытом. На исходе сил им открылось одновременно одно и то же, но и разное: Люба увидела себя в молодости, поразившись наивности, глупости и

упрямости этой девчонки, чьи ошибки она уже совершала... Настя же увидела, как легко остаться на месте в постоянном движении. Разница в возрасте и опыте должна была сыграть роль наставничества с одной стороны и обучения с другой... Но этого не случилось, во всяком случае не так, как хотелось бы обеим. Так что решение оставить минувшее нетронутым в угоду осмысленному настоящему далось им с какой-то странной взаимной поддержкой чуть ли не родственного доверительного уровня. И если все это еще можно было бы взять на проверку надежности в долгосрочной перспективе, подозревая лишь минутное настроение в очередном, якобы заведомо поспешном решении, то все базовые ощущения слишком ярко выделяли этот момент. Они черпают спокойствие и взрослую, подкрепленную опытом уверенность из бездонной ямы: окружение стало четче, давление корабля испарилось вместе со страхом перед окружающим его миром, ну а каждая мысль и чувство о прошлом наконец-то связаны лишь с благодарностью за наличие этих воспоминаний и того, что они даже с учетом плохого являлись их частью. Настя была частью того давнего, ныне являющегося простой историей... узнать продолжение которой внезапно хочется в безопасном месте, вдали от участия, как хронику событий, дабы еще и убедиться, что историки правильно интерпретировали жизнь и падение Монолита. Ну а Любе, вопреки тому, что ведет их к кораблю Малой под управлением Оцелота, все же захотелось проститься с ним настоящим... тем, что от

него осталось. Только вот когда они проснулись, камера уже была приглушена и закрыта защитной панелью, чтобы было проще проститься.

– Ничего не говори. – Голос Оцелота выдавал самое глубокое понимание ее чувств. – Ты помнишь другого человека, Любовь моя. То, кем я был для тебя все это время, – это то, кем был тот Оцелот, способный обнять тебя и позаботиться по-настоящему, в чьих глазах ты видела искреннюю благодарность за пусть и недолгую, но крайне ценную связь. Я бы сделал для тебя все то же самое, будь у меня второй шанс пережить эти полдня.

Это было кратко, заботливо и очень честно. Такая прямота и помогла Любе отпустить этот некогда знаковый в ее жизни и памяти корабль. Вместе с Настей они смотрели на это место и вспоминали пережитые события с необычным желанием запечатлеть этот последний момент, как бы поставить точку в долгой истории – ведь здесь они смогли сделать все, чтобы в итоге, познав свое искреннее и желаемое, поддаться взрослению, где новые инстинкты наконец-то тянут их вперед, к чему-то неизведанному.

Выйдя наружу, они оказались в той самой нише, куда когда-то упали. А ведь уже и забыть успели, каково это – находиться на поверхности Целестина и не отсчитывать секунды в голове, изучая все стороны окружения в страхе что-то упустить или быть застигнутыми врасплох. Сейчас территория кажется мирной, достаточно уютной, дабы поверить в ее

смягчившийся со временем характер, позволяющий разделить с ними странную на содержание ностальгию по былым временам. Все это сопровождало и даже усиливалось с ними на время следования за роботом, ведущим их к наклонной возвышенности слева от того места, куда они упали. Все такая же большая высота, что и раньше, теперь выглядела не такой уж и недоступной благодаря узкой лестнице из проводов, закрепленной наверху в самой породе. Причем сделано это было именно для них, ведь сам робот залез прямо по камням, цепляясь за уже известные места и просовывая мальчика и ноги в заведомо пробитые углубления.

Но как бы нынешнее умиротворение ни произрастало из инстинктивного преобладания мысли над чувством, крупинцы странной ностальгии все же просачивались. Когда они поднялись наверх, то с приятным чувством посмотрели на корабль внизу и мысленно попрощались, твердо зная и радуясь, что никогда сюда не вернуться.

Шаги их вели к расположению звездолета с юго-западной стороны, если воспринимать ступени и поле битвы как северную, по сути, они делали небольшой крюк из-за высоких остроконечных камней, расположенных уже после шлейфа от давнего метеорита. Раньше это место ассоциировалось с допотопным страхом не только перед Варваром, но и плохим настроением Осколка, ведь сюда они порой попадали случайно, и за неимением карты приходилось бродить до момента возвращения. Сейчас этот путь был приятен не толь-

ко проводником, но и совершенно иным восприятием некоторых знакомых элементов. И только вот казалось, что впереди их ждет корабль, как робот свернул направо от начавшейся равнины. С того места уже был виден звездолет, на котором они прибыли сюда много лет назад, причем до него осталось метров двести – почти рукой подать. Отчасти это придало желания узнать, куда привел их Оцелот, ведь осталось совсем чуть-чуть.

На кусочке в три метра небольшими остроконечными камнями выложена могила. Ни надписей, ни опознавательных знаков – лишь немного проглядывающий между камнями старый, измотанный жизнью скафандр. Настя и Люба сразу же поняли: раз кто-то сделал это захоронение, значит, есть выживший... был выживший. Мимолетом проскочила мысль узнать имя погребенного тела, но данный порыв вновь пробудил уже знакомое чувство власти над чьей-то жизнью. Может ли это быть Рода или Оскар? Если да, то кто-то из них обрел большую честь быть погребенным, а не кремированным. Правда, не ясно, чем закончилась судьба могильщика, да и сам он, скорей всего, встретил смерть в одиночестве. Но Настя оказалась преисполнена грустной радости за то, что эти люди когда-то жили и она знала их. Можно было бы вскрыть эту могилу, да вот только ей не хочется этого преимущественно из-за уважения к темным пятнам истории, принимая жизнь такой, какова она есть. Люба же в этот момент пришла к странному убеждению, что в системе ИМБ

более нет ни Кассандры, ни Варвара. Эта уверенность черпалась из неясного источника, попутно пропитывая ее легким ветром свободы от того мира, властвование над которым Кассандры пришло к концу.

Возможно, подумали они вновь синхронно, видя эту мысль в глазах друг друга, Оцелот хочет так их проверить – мол, убедиться, что они правильно воспринимают эту могилу. И они восприняли ее правильно: чтя память усопшего и историю того дня и неведомые им последствия, по-странному радуясь течению жизни, где смерть – неотъемлемая ее часть.

Еще никогда он не испытывал столь глубокой усталости, похожей на живое, пронизывающее до самых костей воплощение неудачи. Главенствующий ныне эпилог победы – вопрос заслуженного покоя не имел бы ни капли порицания с какой-либо из сторон. Только вот никакой победы не было – они все проиграли, закрепив этот сегмент времени в истории как величайшую неудачу человечества, представители которого были ведомы чрезмерной самоуверенностью и плохим расчетом сил, не говоря уже про саморазрушительную упрямость. Оскар стоит тут, спиной ко входу в Палатку, и познает само определение понятия «стыд» достаточно глубоко, дабы в нем зародилась блеклая радость от того, что его отец не дожил до великого позора сына, осквернившего род Козырева. Даже отомстить зачинщику всех событий у него шанса не представилось из-за его пропажи... Оскар постепенно познает теперь и стыд за себя, как за человека, не повлиявшего на исход неравнозначной по силам битвы. Как бы ему ни хотелось обвинить во всем Бэккера, внутри так и жгло чувство какой-то странной неполноценности, словно в нем что-то попросту отсутствует, чего, разумеется, было в избытке в его отце, что и не позволяло скинуть всю ответственность на чужеземца. Оскар должен был нести наследие его отца,

вшившего в историю кровавыми нитками подвиг Монолита! Должен был стать продолжением воли главнокомандующего, чей характер не способен играть по чужим правилам – всегда навязывает свою игру, манипулируя фигурами в угоду хитрой стратегии. Оскар должен был стать продолжением Игоря Козырева... должен был...

Но хотя бы он достаточно зрелый, чтобы замечать и понимать определенные оттенки контекста всего их похода, что, к сожалению или нет, все равно не позволяет избавиться от клейма виновника поражения. Да, сам-то он не присутствовал в битве по причинам конкретным и важным, но все вышло из-под контроля слишком быстро, чтобы умело среагировать и взять инициативу, отчего ему вновь приходилось лишь адаптироваться ради выявления мизерного шанса на выживание. В этот момент он столкнулся с неожиданным удивлением от обнаружения схожести с Бэккером, который в свою очередь оперировал почти теми же аргументами, доказывая всем остальным, как мало у него было шансов вырваться из причинно-следственных связей. Нет, сравнивать себя с этим... этим Бэккером Оскар не намерен. Надо подчистить хвосты, закончить этот навязанный «поход» и заняться делом, например вернуться на Кому и объединить разрозненных, возможно, занять Тишь и попробовать создать новое оружие против Особей. Помочь ему в этом наверняка захочет Рода. Оскар обернулся в тот самый момент, когда та подошла к нему из-за спины. Вопреки почти осязаемому

нахождению между безграничной свободой космоса и тисками судьбы, Оскар мог смело насладиться компанией проверенного, важного в его жизни человека. В одиночку он бы вряд ли выдержал этот чудовищный натиск ответственности перед человечеством. Вскоре люди познают волю Варвара, и кто-то рано или поздно точно узнает об остатках Техгруппы, покинувшей Монолит ради схватки со злом из тьмы Вселенной... Схватки, которую проиграли лишь по собственной вине... и будут их вспоминать с самыми оправданными обвинениями.

Настя уже хотела оставить эту могилу, как некий символ прошлого, расстаться с которым им с Любой оказалось чуть ли не сложнее ожидаемого, но с каждой новой минутой обе находили в себе лишь подтверждение верности этого, как им хочется выразиться, «взросления». Настя посмотрела на Любу, та взглянула в ответ, и только общая мысль продолжить движение перешла в действие, как голос Оцелота заполонил их скафандры, удивив скорее не желанием последнего слова, а наличием рабочей связи, ранее вычеркнутой из вариантов коммуникации по причине поломки.

– Я долго думал о том, как начать этот разговор. Вроде бы и правильно будет сказать все прямо, честно, отсекая излишнюю вариативность оценки, чтобы сухой факт усвоился максимально аналогичным природной мудрости способом. Но, как известно, порой путь принятия зависит от формы – никак не содержания. Наверное, от этого Кассандра и оставила меня здесь, чтобы именно я помог тебе достичь нынешней точки координат, вновь поднимая болезненную тематику твоих перемещений. Как я уже говорил, Кассандра – высший разум, границ ее мысли нет, вот и удивляться ее дальновидности перестаешь с каким-то необычным облегчением, дарующим уютное чувство комфорта благодаря факту существо-

вания чего-то необъятного своей мудростью, знанием и формой существования. Но это я что-то заговорился, извините меня за это. Просто важно дать вам полную картину, и, скажем-с так, Кассандра не ожидала, что с тобой, Люба, появится кто-то еще, да и даже не просто человек, а кто-то со схожим зерном конфликта Триединства – прошлое, настоящее и будущее. Хотя, возможно, Кассандра это и ожидала, умолчав такой вариант от меня, разрешая естественное развитие уже известных нам с вами событий. Все-таки каковы шансы, что ты, Люба, выживешь в своем эпилоге, переживешь падение Монолита и окажешься здесь с людьми, которые даже не знали ни твоей правды, ни твоих мотивов? При этом ты сама не знала ни наших мотивов, ни судьбы Кассандры, что вновь вынудило тебя идти вслепую, на ощупь, полагаясь лишь на веру... Я восхищаюсь тобой, Люба. Но и тобой, Настя, не сильно меньше, ведь по факту ты пассажир не просто чужой истории – истории конфликта человека и богов Судьбы и Времени. При этом, Настя, ты куда сильнее похожа на Любу, чем думаешь, словно вновь удачное совпадение частиц. Удивительное стечение обстоятельств, сопоставимое разве что с падением здесь метеорита, уронившего корабль на дно, спрятав ото всех и вся не только признаки жизни тут, на Целестине, но и весь мир от этой жизни. Ну и да, конечно, я не могу не упомянуть Триединство и то, как ты, Люба, пересекла всю историю человечества от начала его существования до... ну, до сейчас. Хотя, возможно, и мне нравится

тайнство этого вопроса, ты видела куда больше, нежели распространяла доверенному кругу лиц. Что я хочу сказать – понимаете, Люба и Настя, для меня куда важнее не то, что мы пережили, – важно то, какая цепочка действий и бездействий свела сначала вас двоих, ну а потом и нас троих. Истинное доказательство не только воли богов Судьбы и Времени, но и того, что точка назначения придает ценности пути не меньше, чем наоборот. И моя точка назначения находится здесь. Пусть и маленький, незаметный подавляющему большинству красивый узор на полотне Судьбы и Времени рассказывает нашу с вами единую историю, которой никогда бы не случилось, если бы не исчезновение Любы, вынудившее Кассандру сменить внимание с Авроры, – изменив судьбу первой колонии в угасание, дабы по правилам Вселенной та переродилась в Монолит, – на Целестин, где она и обнаружила ступени. И вот тут есть еще один символизм, доказывающий, что мы не просто так существуем: создание Авроры было инициировано Кассандрой ради того, чтобы спрятать Любу от мира и мир от Любы, дабы спокойно изучить Осколок и излечить тебя от его влияния... если тогда, пусть и ведая о твоей глубокой психологической травме из-за Триединства, Кассандра преимущественно хотела помочь тебе физически, то сейчас ее помощь заключалась в обратном.

– Кто ты на самом деле такой?! – Этот вопрос Люба задала с неистойвой злобой, заразив Настю новым, сковывающим эмоции и раздражающим паранойю состоянием. – Оце-

лот знал причину моего перехода, потому что был рядом в тот момент!

– Цифровая копия, – с тоскливым разочарованием произнес он. – Моя задача по окончании состояла в том, чтобы привести тебя сюда, к могиле настоящего, твоего Оцелота, Люба. Он умер давно, Кассандра пыталась его спасти, но... извини, она не справилась. Меня создали как его копию... с определенными ограничениями развития, разумеется, этакий умный алгоритм характера, настоящее наследие для тех, кто знает и ценит почившего. Ты должна знать – это было его желанием, чтобы я встретил тебя и помог, и чтобы... чтобы в отличие от него во мне было чуть больше любви. Потому что именно этого ему не хватало... опять же, по его словам. Кассандра, как ты знаешь, умеет все и вся, и уж создать цифровую копию интеллекта ей не то чтобы сложно. Я живу и существую, чтобы привести тебя в будущее, и я сделал это, за что и хочу поблагодарить, ибо это доказательство того, что я был здесь.

Оскар и Рода уже хотели было вернуться в Палатку за неимением внушающих хотя бы минимальное доверие ориентиров в поиске выживших на Целестине, ведь с того момента, как появился Варвар, по неизвестной причине потерялась не только связь, но и сигналы со скафандров. Возможно, Оскар и Рода последние на Целестине люди... выжившие вопреки, лишь благодаря малой смекалке и огромной удаче: когда газ был выпущен, то Особи первым делом начали выгрызать себе выход наружу, исполнению чего не суждено было свершиться, так что Оскару осталось дотащить Роду до выхода и применить сохраненный заряд взрывчатки, полагаясь почти на слепую веру. Все-таки искать выход в бесконечных тоннелях, да еще с угасающим запасом кислорода вдвойне опаснее, чем попытаться выбраться через уже известный им проход, так что в нужный момент он выбрал верно. И вот, неся Роду из последних сил, Оскар наткнулся лишь на впечатанные в плиту остатки брони Пети с отсутствующим шлемом да пустую Палатку, но главное – звездолет.

Рассвет должен был произойти уже через несколько часов, показав им Кому и солнце, а всему миру – поле поражения. Было посчитано: если остальные имели столько же кислоро-

да, сколько и они, то к этому моменту остаться в живых без дополнительных баллонов практически невозможно, что вынуждало принимать трагический итог этого долгого дня... долгих дней, ведь вот-вот наступит вторник. Все началось в субботу, всего три дня назад... Оскар и Рода не способны осознать столь малое количество времени с момента мира и здоровья Монолита из-за неисчислимого количества событий в эти несколько суток, где сменяемость причинно-следственных связей завязала столь ужасный сгусток событий, сколь невозможно отделить одно от другого. Им обоим хочется уже подвести итог и улететь отсюда просто для того, чтобы все остальные покоились с миром.

Они уже хотели было вернуться в Палатку за исполнением прощания и отлета с ненавистного спутника Целестин, но вместо того, чтобы поставить уже точку, пришлось узреть признак жизни – Лорн притащил Бэккера из черноты Вселенной. Он использовал скафандр для полета по пространству, обмотав Бэккера тросом и прицепив карабином к своему поясу, толкая его перед собой, что работало не в последнюю очередь благодаря низкой гравитации и безвоздушному пространству. Никаких признаков жизни человек в бронированном скафандре не подавал. Лорн уже хотел войти в Палатку, принялся отцеплять Бэккера, указывая Роде на помощь в этом процессе, как Оскар внезапно перегородил тому путь. Лорн быстро нажала на пару кнопок на пульте управления у себя на руке, после чего стал слышим им обоим:

– Что ты делаешь?! Он вот-вот умрет, с минуты на минуту кислородное голодание начнется, нужно срочно его внести!

Оскар лишь укрепился в задуманном, продолжая стоять недвижимо, смотря строго в глаза запутавшемуся Лорну.

– Мне плевать на ваши разборки, у меня есть приказ спасти его, не смей мне мешать! Рода, сделай что-нибудь!

Рода в свою очередь смотрела на Лорна пугающе спокойно, после чего взглянула на Оскара затаенным сомнением и, сделав выводы, преисполненная новыми силами, встала с ними рядом. Причина такого решения зародилась совсем недавно, когда Оскар поведал ей откровение столь личное, сколь он сам страдал от его влияния, – еще на Монолите, в начале бунта Наставника церкви Наставления, он был рядом с ее отцом – Андреем Дикисяном, когда тот пришел в себя после того, как чуть не погиб при взрыве в государственном блоке. Андрей распорядился привести к нему Петю, дабы тот помог ему с Осколком, и, вместо того чтобы воспротивиться этому приказу, Оскар поддался на идущие наперекор законам безопасности убеждения начальника, тем самым оставив того без личной охраны. Если бы только он тогда поступил иначе, отразив попытки Андрея возвать к чему-то большему, нежели приказы и их исполнение, то Рода не стала бы ныне сиротой, потому что Оскар смог бы защитить ее отца от покушения бунтующих. Но Андрей хотел помощи от Пети с Осколком, который как-то был связан со странной коробкой. Только сам Бэккер уже успел завербовать Петю, вызво-

лить его из камеры содержания и ушел с ним на Аврору для эксперимента с Осколком. Выполняя приказ Андрея, Оскар с Настей сами чуть не погибли от рук своего же народа. Все слишком затянулось, контроль был утерян, Андрей Дикисян оказался убит кем-то из толпы... только вот ко всему происходящему приложил руку Бэккер. Закручивая события во временной причинно-следственный узел, Бэккер стал провокатором для беспорядков, не говоря уже о том, что именно он помешал ему пойти на помощь Роде, когда на ту напала первая Особь, убившая ее команду. Раз все началось с Бэккера, им и должно закончиться, подвел Оскар внушительный доказательный базой итог, искренне желая уберечь ее от влияния этого человека. Он закончил краткую сводку с редкими слезами на щеках, прося у Роды прощения и констатируя свою вину. Все это откровение случилось на фоне критического состояния Роды, возвавшего к спрятанным под натиском причинно-следственного бардака событиям травмирующего прошлого. Она же выслушала его молча, пряча любое волнение мыслей и эмоций за непробиваемыми стеклянными глазами. Оскар неспешно вышел из Палатки, дабы не мешать ей осмыслить услышанное. Он прекрасно понимал, что тем самым может остаться совсем один, ведь вопреки всему Рода любила отца.

– Я не могу его оставить, у меня приказ, да и не в моих привычках трупы ронять под ногами. Я не прошу вас – приказываю! – Лорн достал из-за спины необычного вида писто-

лет: ребристое квадратное короткое дуло с утолщением цилиндрической формы над рукоятью без затвора или обоймы, словно нет нужды в патронах или механизме для их снабжения.

От былого легкомыслия Лорна не осталось и следа – лишь расчетливость и стремление исполнить приказ вопреки всему и вся.

– Рода, я понимаю, у вас куча своих претензий к этому уроду, но я не оставлю его так же, как не оставил бы никого, будь у меня такой шанс.

Рода и Оскар все стояли недвижимо, молча, стойко отставляя простую позицию расчертить линию в настоящем, дабы разорвать цепи между прошлым и будущим, создавшим за последние дни разрушительный для всех комок узлов. И как бы Лорн ни старался, слова не доходили до нужного исполнения, вынуждая его мириться с пополнением списка тех, кто лишился жизни от его рук, ибо не спасти Бэккера не может ни при каких условиях. Напряжение от безысходности мирным путем достигло апогея – выстрел достиг своей цели.

Люба сидела на коленях у могилы в области головы, то поднимая камни и откладывая их в сторону, поддаваясь порыву узреть своими глазами тело ее любимого, то кладя их обратно, сталкиваясь со страхом нарушить его покой. Откровение фальшивого Оцелота имело единственный положительный эффект – Любе не придется прощаться с ним по-настоящему, ведь тот, кто был ей дорог, уже давно умер, принятие чего влияет на ее отношение к роботу в негативную сторону: она ненавидит его, как оскорбление памяти хорошего человека. Люба поднялась на ноги с ярим желанием уничтожить Малого прикосновением оголенной руки, забывая про риск для здоровья, – но тут рядом встала Настя, выражая не только заботливую поддержку, но и выступая неким голосом разума.

– Мне очень жаль, но давай не будем принимать поспешных решений. – Люба поддалась вразумительному тону Насти, ощущая себя самым маленьким человеком на свете, что, разумеется, случается с ней настолько редко, что можно считать аномалией.

– Кассандра очень четко мне объяснила твою исключительную нелюбовь к подобным мне, что и послужило нашим обоюдным решением сокрыть от тебя этот факт до момента,

когда ты будешь готова.

– И зачем мне знать это сейчас?!

– Потому что я и он – мы часть твоего прошлого, но еще и потому, что я так захотел, – считаю это честным. Ты должна знать правду обо мне, чтобы абстрагированно от моей личности воспринять то, ради чего все это было.

– А если мы не хотим знать твою «правду»?! – Люба относилась к нему с презрением не в последнюю очередь из-за манипуляции эмоциями и памятью настоящего Оцелота.

– Она имеет в виду, что мы уже в шаге от свободы, к которой, так-то, именно ты нас и вел. Разве не стоит оставить все как есть и просто жить?

Он долго молчал, после чего, когда злость напололам со страхом пропитали их достаточно, прозвучал неизвестный Насте, но пронзающий в самое сердце Любу женский голос: тактичный, трепетно относящийся к донесению мысли, оставляя заботу о чувствах где-то позади.

– Над формулировкой я думала не меньше содержания, все время соприкасаясь с уже известными мотивами и средой их возведения. Я горжусь этим знанием, несмотря ни на что, и благодаря этому черпала уверенность в правильной подготовке к твоему возвращению. В этот раз я готова была тебя ждать столько, сколько нужно, прошлую ошибку я повторять отказалась. Но исполнить мое обязательство и обещание невозможно на Авроре по единственной причине – фрагменты. Пока они в твоей руке и органах, ты зависима от

Осколка, и раз мы не смогли извлечь их безопасно для твоего организма на Авроре, значит, надо было искать источник их происхождения и дальше. Без понимания его структуры результата не будет, и ты это знаешь. Вплоть до момента, когда на Целестине я обнаружила гробницу Первобытного, мое сообщение собиралось совсем другими формами и содержанием. Я не знаю, как долго ты отсутствовала между точек координат хронологии, как и не знаю, в каком ты состоянии слушаешь это, но я хочу передать вот что – я сдержала обязательство и обещание. И вот как это произошло. Не без помощи Оцелота мы расщепили волокна твоей проблемы, придя к единому способу устранения этой проблемы. Триединство травмировало тебя чрезмерно глубоко, создав неотслеживаемую конструкцию временных узлов, и это послужило воспитанием твоего мировоззрения. Наша ошибка была в том, что мы считали Триединство лишь неудачным этапом жизни, – на деле Триединство и есть вся твоя самостоятельная и осмысленная жизнь. Проблема не в Осколке – проблема в тебе, Люба. Ты должна была не выжить в Триединстве – пережить его, повзрослев не физически – психологически, морально, эмоционально. В эпилоге Триединства нет такой возможности по причине сокрытия тобой преимущественно большей части событий по все тем же личным травмирующим причинам. Вынудить пережить аналогичные по общим свойствам события опасно для тебя и окружающих по банальной причине – отсутствие доказанного резуль-

тативного контроля следствий и причин. Риск запуска новых нитей чреват незамедлительным созданием разрушительных узлов, распутывание коих никак не способствует выздоровлению из-за отсутствия эгоизма в сюжетах с угрозой людским жизням. Чтобы восполнить минусы твоего отношения с безопасным для окружающих последствием, мне осталось прибегнуть к радикальному методу твоей терапии без твоего личного ведома. Такова моя забота, Люба, – создать то, что поможет тебе научиться отпускать знание свидетеля будущего в угоду настоящему. Слово Свидетеля несет бремя знаний, распоряжение коими согласуется никак не с внешним – лишь с внутренним состоянием исполнителя. Этаким капкан – власть знанием отнимает свободу. Я знала, велик шанс твоего прибытия сюда, осталось только создать верного наблюдателя с правильной кривой координат, чему отлично послужила тень Оцелота, почившего слишком рано. Он согласился на это, потому что любил тебя, но не мог дать тебе свободу от Триединства при жизни. Адаптивная симуляция основана на компиляции удобного для воспроизведения сюжета и стимуляции конкретных эмоций для сокрытия швов. Не знаю, какие декорации выбрал Оцелот, – это он тебе сам расскажет. Ты всегда противилась данному методу терапии, я понимаю почему. Пора взрослеть, Люба. И если ты слышишь мой голос, значит, у тебя получилось, теперь ты свободна. Я бы могла многое рассказать про Первобытного, но не буду, ибо это ныне моя история. Ты теперь вне главно-

го сюжета, вправе исполнить мечту второстепенной роли на линии времени. При успешном твоём взрослении моё отсутствие и мои знания волновать тебя более не должны, даже наоборот – без меня ты обретешь окончательную свободу, потому что с меня и началась твоя клетка. Я признаю это, и пусть это будет маленьким примером: смогла я – уж точно сможешь и ты. Искренне надеюсь, жизнь твоя обретет новую цель, дом, семью и будущее. Пути наши должны были разойтись рано или поздно, мы обе это знали и обе это уважали. Прощай, Любовь.

Настя не могла и представить, что ощущает и о чем думает сейчас Люба, она смиренно и внимательно наблюдала за ней во время откровения с горьким сочувствием и лишь под конец обнаружила, что перед ней стоит уже другой человек. Внутри Любы что-то ломалось и собиралось, вновь и вновь, пугая Настю своим неподвижным, вросшим в камни под ногами образом. Кассандра закончила, оставив их в тишине, и Настя захотела подойти к Любе и как-то поддержать, видя и чувствуя перестройку внутри подруги слишком ярко, чтобы перенять на себя тяжелый осадок. Но стоило ей сделать шаг, как голос Оцелота начал говорить, усиливая и без того сложное откровение.

– История победы Варвара над вашими друзьями действительно была, только вас там не было. Я наблюдал за всем происходящим с того момента, как вы упали. Я забрал вас, подключил к системе жизнеобеспечения, чтобы вы отдохнули, а

сам стал следить и записывать, после чего забрал шлем Пети как доказательство. Ваше пробуждение было ненастоящим – виртуальная среда позволила мне составить сценарий и воспроизвести сюжеты, система же контроля ваших эмоций и умелый диалог позволили направлять ваше внимание на событие, которое уже вы сами создадите в действии, став частью декораций. Я блокировал ваши средства связи и лгал о вашем здоровье лишь для того, чтобы создать безвыходные условия, где единственным способом перерождения послужит путь сюда, в настоящее, к этому кораблю. Не было никаких прыжков в прошлое – лишь очень умелая проигрываемая симуляция, чтобы Люба смогла пережить события, убедившись и приняв наконец верное решение своего отношения к прошлому, настоящему и будущему.

Оцелот расстегнул комбинезон и показал содержимое грудного отсека – пусто.

– У меня не было никакого Осколка. Его наличие – это хорошая провокация для решительных мер исправить историю. Люба должна была сама прийти к решению, чтобы все случилось естественным образом. Если честно, я считаю, что вы обе совершили огромный рост, можете искренне гордиться собой. Вы хотели помочь друзьям, адаптировались к условиям, но в итоге оставили их, потому что на вас нет этой выдуманной ответственности свидетеля будущего, следовательно, ваше слово не обязано быть бременем ни для вас, ни для тех, кто не просил спасения. Когда дело касается пу-

тешествий во времени, эгоизмом такое считать ошибочно, ведь при спасении одного всегда страдает другой, причем замечу, что мало когда спаситель спрашивает мнение спасенного. Возможно, мы впервые в истории инсценировали путешествия во времени как психологическую реабилитацию. Пусть самих прыжков и не было, но вы были и все совершенное вами – реально, ведь вопрос не физики воздействия, а морально-эмоциональной психологии отношения. Вы создали действенный конструкт, испытали его на себе успешно, с чем и поздравляю. Удивительно, Настя, ты столкнулась с той же проблемой, что и Люба давным-давно, – разве это не доказательства верности нашего сюжета? Я думаю, мы молодцы. Теперь вы можете вернуться к своим друзьям, помочь которым в битве с Варваром вы бы все равно не смогли. Забота Кассандры необычна, но этого требовала столь же необычная ситуация. Жаль прощаться на этой ноте, вам еще предстоит осмыслить эту правду и принять ее, но я хочу закрепить этот момент искренностью, ведь ради этого мы здесь – честно принять прошлое за основу настоящего для стремления к живому образу будущего.

Люба медленно подошла к роботу и не просто сказала – констатировала нерушимый, выкованный в агонии факт:

– Кассандра, я уверена, ты услышишь то, что я сейчас скажу со всей искренностью! Больше у меня нет матери, забудь меня навсегда, потому что я забуду тебя.

ТЕМА ПИСЬМА:

Варвар – Первобытный

Оба ваших Осколка дали Первобытному возможность покинуть тюрьму, проведя в заключении срок больший обозначенного наказанием, все ожидания и ожидания, когда хоть кто-нибудь появится. В целом мы могли бы покинуть Целестин на том космическом транспорте, который привел вас сюда. Не могу не выступить оправдательным слово на его стороне – Первобытные существа созидательного характера, жаждущие объятия необъятного. Они не злые, ими не движет завоевание или доминирование с возвышением своего лика над всеми мирами. Любопытство – это их суть, довольно естественная для тех, кто обладает непомерной властью. Вновь символично, вновь знакомо. Но что будет интересовать существо высшего порядка? Обычная жизнь заперта во времени, чьим правилам мы обязаны подчиняться во славу великого порядка. Первобытные смогли договориться с этим законом. Раз больше нет преграды, то естественным путем Первобытный, тот, который с Целестина, решил бросить вызов самой великой тайне Вселенной – ее рождению. Осколки позволяют перемещаться на миллионы лет в обе стороны, оставляя за Первобытными право влияния. Тебе

это знакомо, только в меньшем масштабе. Вселенная существует несколько десятков миллиардов лет. Такой срок избыточен для Осколков, неподвластен Первобытным. Рано или поздно ум захочет раздвинуть рамки, ведь в известной среде обитания уже просчитано большинство паттернов. Вот он и решил заглянуть туда, в самое-самое начало. Задача непосильная, воспринятая остальными истинным оскорблением, ибо усомнился он в самом разуме Вселенной, воздвигнувшей Предел, ограничив неограниченное в угоду самым пытливым умам своего мироздания. У меня это вызвало лишь восхищение, заслуживающее уважение аналогичного подхода существования, разве что только в неизмеримо меньшем формате. К слову, ранее некоторые изучали пределы Вселенной. Есть ли этот предел не в хронологии, а в разрезе? К сожалению, а может быть, и нет, но ответ мне неизвестен даже намеком. Лишь сведение о существовании экспедиции.

Вместе с ним я отправилась на неизвестную нам с тобой планету, изъятую из системы ИМБ задолго до людей. На ней проводились преимущественно проекты по биоинженерии для создания того, что поможет им продлить свои биологические часы без ущерба мыслительному процессу внутри скафандра. Этакое изобретение нового генома, скроенного из образцов со всех доступных уголков Вселенной в разные временные периоды. Преимущественный масштаб объема времени подвластен Первородным для изучения, взятия образцов и фиксирования влияния.

Но это рвение было лишено тщеславия или страха примитивной смерти. Мне неизвестно обстоятельство познания достоверных сведений о Пределе. С большой буквы написано, потому что это определение чего-то большего, нежели известная им наука, чье объяснение – таинство. Осколки по какой-то причине способны переносить скафандр глубоко в хронологии и далеко по координатам в целостности, но биологический носитель внутри попросту умирает, словно и есть некий Предел. Будто бы воля Вселенной создала правдивое, но недоказуемое ограничение. Загадка неподвластных человечеству масштабов и влияния. Признаюсь, я впервые ощутила себя тем самым простым человеком, столкнувшись со столь величественным созданием. Планета, куда мы прибыли после Целестина, оказалась частично разрушена. Где-то четверть попросту отсутствует, судя по всему, во время изъятия ее из ИМБа, координата была нарушена и часть ее задела другую планету, раскидав фрагменты по Вселенной. Фрагменты эти содержали те образцы жизни, само существование коих в открытом доступе равнозначно эпидемии вселенского масштаба. Эта планета без названия содержала в себе саморазвивающуюся, легко адаптирующуюся биологическую форму неразумной жизни с неестественным для Вселенной генотипом – искусственная органика, сотканная из самых дальних образцов того, что имело немислимое свойство адаптации. Мне приходят на ум два сравнения: генетический урод или же произведение искус-

ства. Планета была живой, там были неразумные существа немыслимой для меня формы и жизненного цикла, нечто неопишное, с чем мне нечего сравнивать. Тут все должно было быть в строгом исполнении, спрятано от глаз Вселенной глубоко под землей. Тут должна была быть самая защищенная лаборатория во всей Вселенной. Тут мы встретили еще одного Первобытного. Миллион лет он бродил по поверхности, скафандр питался от огромного солнца, органика мутировала без намека на сдерживание. Внутри уже давным-давно мертвое тело, ставшее для скафандра целью существования. Потакая защитной системе, скафандр продолжал двигаться к безопасной территории, чьи координаты все время менялись из-за программного сбоя, вызванного неизвестным фактором. Вновь и вновь бессмертный скафандр бродил, восполняя ресурс солнечной радиацией, чей фон Первобытные давно научились перерабатывать. Бродил и бродил, вновь и вновь, неся давно законсервированный труп по одной и той же тропе по всему диаметру планеты. Чудовищное зрелище. Мне никогда не было так страшно. А потом случилось неожиданное для меня, но предсказуемое для Первобытного – скафандр мертвеца среагировал на нас с точки зрения враждебного объекта, ведь без воли хозяина механизм защиты так и остался с ориентировкой на заключенного.

Мне так и не ясно, Первобытный с Целестина – последний представитель своего рода или нет. Так уж вышло, что

я выступала для него скорее чем-то средним между информатором и домашним зверьком. Последнее, к слову, меня не огорчает. Если есть кто-то или что-то, для кого я стану таким малым другом, – значит, мне все-таки есть куда расти. Знания Вселенной, мудрость мироздания, границы законов – все это еще предстоит мне познать, как, возможно, первому протезе Первобытного. Еще на Целестине он подарил меня шанс измениться – как заслугу за созданный мною инструмент общения между нами. Примитивный, порой даже раздражающий, но их язык и способы коммуникации интригуют меня не меньше истории этого древнего вида.

Мы победили ходячий труп. Это было трудно, ведь атакующий был заряжен энергией больше нормы, воля его проистекала из упрямого следования защитному механизму. Первородный же не успел еще восстановиться после долгого пребывания в заточении на Целестине. Впереди нас ждет титанический труд по обузданию бесчинствующей формы неправильной органической жизни, вполне угрожающей всей Вселенной размножением посредством ассимиляции. Если повезет и мы справимся, то, предполагаю, начнем искать остальных Первородных. За промежуток времени между Целестином и Живой планетой мы посетили еще несколько мест, ища зацепки его племени, – но встречали лишь запустенье без намека на дальнейшие поиски. Не буду писать, как мы нашли место чудовищного генетического эксперимента, ставшего самым опасным местом Вселенной,

чтобы никто не мог найти его вновь.

Первое время я жалела о лишении возможности разделять эти знания с тобой, Любовь. Как и жалела о том, что не была рядом в твой первый полет в космос без страховки в виде искусственной комы, чтобы внезапное волнение не переместило тебя куда-то в космос. Но, как и подобает хорошему родителю, ребенок должен рано или поздно идти своей дорогой. Никакой опеки, никакого надзора – ты сама по себе. Симуляция Оцелота переправила мне хронику твоей истории в момент окончания записи, и ты не представляешь, каким важным для меня был этот момент. Моя дочь, первый человек, женщина и ребенок. Самое ценное мое наследие. Если ты дочитала, значит, у тебя есть возможность проверить саму себя – повзрослела, стремясь к будущей самостоятельной жизни вне Триединства, или же ты все еще часть большого узла, в содержимом которого твои слабости существуют вне твоей воли? Этот вопрос с подвохом на самом деле. Не буду томить. Лишь ты решаешь, когда продолжать, а когда остановиться. Рамки узлов порой слишком размыты, координирование нитей – скорее симуляция контроля, нежели закон природы. Будет трудно поверить, но на момент написания этих писем, когда мы вернули власть над седьмой планетой ИМБа, я пришла к выводу – а может, меня к нему привели, – что отрицать богов Судьба и Время я больше не могу. Не единожды упомянутые тобою боги вызывали во мне лишь раздражение с закономерным на тот отрезок времени

разочарованием в тебе, мое дитя. Сейчас не верю в них так, как это делаешь ты. Я верю, что они могут быть. Да, ничто не мешает им существовать в том или ином виде. Удивительно, не правда ли? Чтобы я и поверила в богов? Ну или их эквивалент. Целестин, Первобытный, даже та история, что привела вас к Оцелоту, – все это и даже большее словно закрыло пустующий фрагмент хронологии. Видишь, какой сентиментальной я стала.

Эти знания не должны влиять на твою жизнь, как минимум в негативном эффекте, ведь если мой замысел на Целестине сработал, значит, Оцелот умер не зря, подарив тебе инструмент эволюционного применения. Как видишь, я смогла измениться, значит, сможешь и ты. Этот процесс начался еще при первой встрече с Первородным – тогда мне стало ясно, как незначительны были Триединство и Аврора. При этом я еще больше стала ценить тебя, ведь во вновь открывшемся мне мире нечто маленькое и лично мое обрело еще большую ценность.

Я не знаю того, когда ты это читаешь, да и есть ли такой процесс. Я лишь верю, что ты, моя дочь, не повторяешь наших с тобой ошибок, чтобы научить следующее поколение чему-то важному и прекрасному, заложив основу лучшего будущего, чем заслуживали мы, но получают они.

Лорном было четко решено не вынимать Бэккера из брони, хорошо служившей для сохранности тела. Пока что сканирование не выявило физических повреждений, лишь последствия кислородного голодания, которые, к счастью, вполне исправимы на данном этапе. Он положил его на пол, почти у шлюза в звездолет, дабы не только сократить расстояния переноса тела, но и ради стратегического превосходства. Проблема Бэккера была чуть более поправимая и достаточно емкая в рамках своего существования, чего нельзя было сказать о других членах такой команды. Рода помогла Оскару войти в Палатку, моментально усадив того на складной стул, чтобы заняться раненой ногой, – выстрел неизвестным им патроном пришелся прямо в икроножную мышцу, лишив жертву возможности опираться на левую ногу. Не успела Рода снять нижнюю часть скафандра для доступа к ранению, как Лорн подкинул ей медицинский пакет из аптечного кейса Палатки.

– Перекрой приток крови жгутом выше колена, потом заделай гелем в голубом тюбике и перебинтуй.

Жестокий взгляд Роды стрельнул в Лорна почти синхронно с измученным болью Оскаром.

– Я мог и в голову попасть. Можете не благодарить, ра-

на не смертельна, но задержала вас достаточно. Не бойся осложнений, если что, на Опусе тебя подлатают, на крайний случай сделаем протез – разницу и не заметишь. Я проставляюсь, так и быть.

Лорн сохранял завидный контроль, будто бы делает подобное далеко не первый раз. Рода же пусть и не скрывала своей ярости и недоверия в его адрес, смогла поддаться голосу разума и позаботиться об Оскаре, состояние которого близилось к потере сознания от болевого шока, сдерживать который почти не осталось сил. Казалось, вся нога не просто пульсирует раскаленным огнем изнутри, а вот-вот сможет оторваться от тела под натиском внешних сил. Рода успешно исполняла указания Лорна, который, в свою очередь, чуть приблизился с неприкрытым желанием ее успеха, посматривая словно экзаменатор.

– Зачем тебе Бэккер? – простонал Оскар в момент действия обезболивающего.

– Всего лишь приказ.

– От него одни проблемы. – Оскар все еще потел, тяжело дышал и был заметно ослаблен. – Мы проиграли Варвару, хватит и одного провокатора бардака. Никто не узнает...

– Почему ты поддерживаешь его в этом? – Лорн уже мало слушал Оскара, обратившись к Роде с неприкрытым интересом. Она, в свою очередь, забинтовав ногу Оскара, поднялась во весь рост, посмотрев на того бесстрашным взглядом враждебного отношения.

– Бэккер виновен в смерти моего папы.

Лорн не ожидал такого аргумента, смутившись и подумав, он старался войти в положение и четко обозначить ныне возникшие границы:

– Все это грустно. На твоем месте желать ему смерти вполне нормально. Только я не могу допустить этого. Мой приказ вернуть его на Опус не позволяет закрыть глаза на твою жажду справедливости. Возможно, там его будут судить по всей строгости, мне это неизвестно, но думаю, со временем ты обрадуешься тому, что я не позволил тебе переступить эту черту.

Его слова имели недостаточный уровень внушения из-за его же оплошности – он недооценил этих людей. В одном лишь мрачном взгляде Роды читался внушительный опыт знакомства со всеми воплощениями смерти.

– Если придется, я и тебе ногу прострелю. – Лорн не мог не закрепить свою позицию четко и емко. – Не вынуждай меня.

– Что ты будешь делать с нами? – спросил Оскар.

– Пока все зависит от вас. Как только возобновится связь с Эфиром, сделаю запрос у Изабеллы – она мой капитан, и ей принимать решение. До тех пор сидите спокойно. Может быть, вам повезет и Бэккер сам помрет.

– Если бы ты знал всю историю с самого...

– Оскар, заткнись, лучше отдыхай молча, не трать на меня все эти взыскания вашей морали и нравственности.

И тут Рода попыталась выхватить пистолет и одновременно ударить Лорна в пах, но он успел среагировать, ответив ей по лицу рукояткой пистолета, после чего резко сделал шаг назад и уже направил оружие на нее. Скалясь и рыча, Рода лучше ожиданий выдержала рассекший ей бровь удар, без грамма дезориентации сразу нащупала рану и показала ее Оскару, который лишь благодаря заботе о ней отвлекся от попытки встать и напасть на Лорна.

– Вот я же просил! Просил! Рода, зачем это было?! Пытаешься с вами по-людски, пытаешься, а вы...

– Хватит ныть! – крикнула Рода, выискивая медицинский степлер, удивляясь сама себе в возможности контролировать животный нрав, который ранее, в Тиши, разрешал ей творить чудовищные свершения. Оскар наклонился к ней и начал промывать рану.

– Отсюда нет связи с Эфиром, я пробовал. Вряд ли у тебя есть приказ бросить нас тут, иначе бы ты уже это сделал без лишних разговоров. Топай лучше Настю и Любу искать, так хоть какая-то от тебя будет польза.

– Я искал, – Лорн заведомо нес грустную новость, – пока ловил Бэккера, имел большой обзор. Мне жаль, но даже если я их просто не заметил, кислород уже должен был кончиться, а взять его можно лишь здесь. – Лорн выждал паузу, прежде чем сказать решительно: – Эфир уже должен был быть здесь. Я погружу Бэккера на звездолет и улечу на станцию, узнаю, что там и как. И нет, оставлять его тут не буду, вы уже дока-

зали свою профнепригодность. Здесь безопасно, отдохните, выпитесь, поешьте. Может, сможете Настю и Любу найти, будет здорово. А я займусь работой.

– И мы должны верить, что ты нас тут не бросишь? – произнесла Рода немного морщась, привыкая к новому шву, пополнившему коллекцию из трех тонких через все лицо, оставленных лапой первой Особи еще на Комере.

– Зачем мне...

– Это пока тебе приказ не дали! – крикнула спешно Рода. Лорн уже хотел возразить, но осекся, столкнувшись с исходящей из их положения правотой.

– Послушай меня внимательно. – Оскар медленно поднялся и встал на правую ногу, опираясь на Роду, он сверлил Лорна глазами, полными решимости совершить задуманное. – Не знаю, кто отдает тебе приказы, но вряд ли они захотят гибели сына Игоря Козырева и дочери Андрея Дикисяна. Эти фамилии вряд ли тебе знакомы, но мы не последние люди Монолита и свидетели гибели целой колонии. Мы выжили там и здесь не для того, чтобы стать жертвами идиотизма твоего начальства. Уже должен был догадаться, что терять нам нечего, если надо, я пожертвую своей жизнью ради нее, несмотря ни на что! Готов ли ты рискнуть своей? Что такого важного есть у тебя, ради чего ты встаешь на нашем пути? Я думаю, ты цепляешься за гипотетический приказ лишь для снятия ответственности за нашу гибель, иначе уже бы вынудил меня связать ее или просто убил, чтобы не мешали. Все

равно искать тут никто не будет, списать на случайность не проблема, да даже можно наши тела на Кому выкинуть, чтобы Особи сожрали. Лорн, услышь это, если ты решишь улететь один, то нам останется лишь напасть на тебя. Дальше будь что будет. Для нас это раз плюнуть. Мы готовы умереть в борьбе, готовы были уже много раз! Мы выживаем, ты – выполняешь приказ. Вопрос Бэккера перестал быть актуальным в тот момент, как ты решил оставить нас тут. Готов ли ты рискнуть своей жизнью?!

Лорн верил каждому слову Оскара, прокручивая в голове ужасный сценарий бойни, которую, по примитивной логике, все же придется устроить. Он бы мог еще раз выстрелить в ногу или руку – но что если случайно промахнется? Или же и вправду убьет одного, вынудив второго действовать с удвоенной силой, что легко выливается в худший для него исход – смерть. Но даже если у него хватит меткости и скорости... готов ли он убить их? Оскар прав, все идет от приказов... в отличие от их мотивации. Каждая секунда усиливает напряжение между ними, принуждая к главенствованию безысходности, отнимая у него последние секунды перед окончанием невидимого обратного отсчета. Вопреки чудовищному стрессу Лорна и непоколебимой воле Оскара и Роды, начало исполнения своих ролей прервалось через секунду от принятого решения – шлюз открылся, они обернулись. У входа стояли Настя и Люба.

Некая сосредоточенная отстраненность проистекала в каждом движении и взгляде, создавая вокруг территорию обесценивания всего и вся, казавшуюся до их прихода чем-то важным. Эти женщины были начисто лишены самого малого страха или отдаленного признака хоть какой-то раздраженности с недовольством, источая неестественный для их персон покой. Внимательно посмотрев вокруг себя на предмет составления непонятной остальным отчетности, Настя и Люба непринужденно переключили свое внимание на людей, чьи лица выражали лишь радостное удивление. Первым порывом Роды было подойти к Насте и обнять ее, но искреннее чувство было притуплено одним лишь взглядом подруги – она посмотрела на нее насквозь, пусть и показалась легкая улыбка. Инстинкты Роды и Оскара почти синхронно обозначили невозможность доверять этим женщинам по самой банальной и оттого печальной причине – они их не знают. Настя подошла ближе, внимательно осмотрела Роду, потом стоявшего чуть дальше Оскара, причем его ранение удостоилось лишь секунды внимания, ну а когда пугающий своей пустотой взгляд упал на Лорна и тело Бэккера, друзья окончательно перестали узнавать ее. Люба в это время встала рядом, как бы бегло проведя оценку происходящего, вмешаться в которое она и не планировала вовсе.

– Где вы были? – Задав простой вопрос, Рода ощутила трепетный ужас перед ними, содержащий в себе горький осадок потери.

– Умудрились заблудиться, – странно ответила Настя, добавив явно завуалированный под приличие отказ дать искренний ответ: – Мы выбрались, и мы теперь здесь – это главное.

Рода и Оскар, потакая дружеским мотивам, все пытались подобрать слово, но сталкивались с невидимой преградой, отсекающей самую банальную попытку проявить заботу. Непростой взгляд Насти осадил любую попытку повтора этого невинного рвения, окончательно закрепляя в них ядро страха перед той историей, которую их подруга с Любой утаивают. Они ощущают себя чужими – тут сомнений не было ни грамма, и это было самым болезненным: ведь помимо возникшей пропасти отсутствовало хоть что-то еще, чем можно было бы раскочегарить конфликт для его решения.

– В курс дела-то введете? – спросила Люба с потухшим величием властности, ранее затмевавшим любую волю перед ее грацией. – Только вот про то, что у вас тут сейчас, битву и прочее, мы знаем.

– У меня приказ доставить Бэккера на Опус. Эти двое хотят мне помешать, жажда мести – та еще зараза. – Вопреки ворчанию Лорн был рад шансу прервать конфликт.

– Давай-ка все вместе вернемся на Эфир. Там решим, кто куда. Уверена, никто не хочет тут оставаться. – Люба рас-

суждала спокойно и легко, чуть ли не пугая своей безмятежностью.

– Есть догадки, куда ушел Варвар и...

– Ушли – и хорошо. – Убедительность Любы возымела успокаивающий эффект.

Внезапно Рода сделала к Насте шаг, выискивая что-то знакомое в отрешенных глазах своей подруги, будто бы от этого зависела ее жизнь. И только Настя произнесла скудное «все хорошо», – как Рода со всей силой обхватила ее руки, обнимая так, как будто бы они прощаются навсегда. Настя сначала не подала виду, желая просто пережить этот момент, потакая воле друзей ради скорого закрытия этого вопроса, – но когда к ней подошел Оскар и, выражая радость от ее здорового вида, также обнял ее, то не сразу, но что-то в ней оживило. Руки ее были прижаты к телу, друзья обнимали искренне и крепко, окутывая подругу простой дружеской заботой.

Запоздалое единение для них было единственным, напоминающим что-то человечески простое и ценное, потерянное в водовороте событий с жуткой адаптацией наперевес. Настя не успела заметить, как слезы потекли по ее щекам, растянувшись в радостной улыбке. Рода и Оскар, в свою очередь, будто бы сделали глоток свежего воздуха, что позволило поверить в шанс мирного исхода этого дня. Это удивительное для троих единение длилось чуть больше минуты, но не потому, что вопрос Бэккера вновь занял позицию главенствования, как и не из-за Любы или Лорна, стоявших

отстраненно. Настя уже хотела позвать Любу, протянув ей руку, как бы показывая остальным, что эта женщина больше не чужая, а заслуживает своего уважения и доверия. Но честный порыв взаимной благодарности между Настей и Любой, который должен еще и помочь им приспособиться к новым вводным, не смог даже толком начаться: ведь она увидела через иллюминатор следы того, что прервало этот добрый момент, – в той стороне, где они упали вниз с обрыва, космическая станция Эфир упала на Целестин, засверкав искрами разрушения и вызвав моментальное землетрясение.

Настя и Люба уже почти вышли наружу – осталось надеть шлем и подключить кислород, как по Палатке разнесся хриплый голос:

– Всем оставаться внутри! Эфир подвергся биологическому заражению вируса с Комы! Палатка будет на карантине, пока каждый из вас не сделает тест!

Сурово и громко неизвестный обозначил свои намерения, подкрепив их удаленным управлением систем Палатки: шлюзы заблокировались, внутри появилось красное свечение от четырех лампочек по углам в потолке, после чего уже голос системы обозначил положительный статус карантина.

Фигура в скафандре появилась недалеко от входа.

– Любое неисполнение равнозначно враждебным действиям! А если кто-то решит сумничать и как-то перебраться на звездолет, то ради сдерживания единственный транспорт с Целестина будет уничтожен! Пришлось уронить Эфир, чтобы эта зараза была уничтожена и не попала на Опус или другие станции.

– Кто говорит?! Имя и звание! – Лорн не мог просто так следовать этим указаниям, его раздражал сам факт отсутствия конкретики, что побудило расцвести лидерское качество сильней любых ожиданий.

– Гаскоин оказался заражен, мне пришлось запереть его и направить Эфир сюда. Лорн, тебе приказ проследить за исполнением тестов, который проведет Настя, – она врач, разберется. Потом ты сам их повторишь, все необходимое есть в аптечке Палатки, нужно взять кровь и просканировать ее, я переслала нужный маркер, который покажет наличие или отсутствие вируса. Я не допущу никого из вас к звездолету, если кто-то будет заражен. И если надо, то я готова остаться здесь и умереть, зная, что мы пресекли пандемию. – После паузы голос добавил: – Говорит Изабелла – капитан Эфира.

– На Коме не было никакой заразы или типа того, мы там жили годами, и все хорошо, я сама умудрилась лоб в лоб контактировать с Особью, но, как видишь, жива-здоровая, – убедительно сказала Рода, обращаясь к Лорну, который, в свою очередь, довольно оперативно сориентировался и достал из медицинского кейса нужную сумку.

– Как ни крути, мы сделаем это. Настя, помогай.

– Подожди. – Оскар вновь оперся на Роду, выражая недоверие происходящему. – Во-первых, откуда знать, что она не заражена? Дай мне сказать! Во-вторых, даже если на Коме образовался какой-то там вирус, откуда она знает про него? Правильно, они туда летали, и вот вопрос – зачем?

– Нам нужно было забрать архивные данные из государственного блока. – Голос Изабеллы вновь заполонил Палатку. – Гаскоин отбыл, как вернулся, так симптомы дали о себе знать, после чего он скоротечно скончался, преждевремен-

но заразив весь Эфир. Система безопасности выдала бактериальную инфекцию по всем отсекам. Мне повезло, я была в скафандре в это время, проверяла антенну на физический дефект, потому что связь с Опусом пропала.

– Еще вопросы? – Лорн старался не думать о лишнем. – Отлично. Настя, будь добра.

Больше всех Роду и Оскара удивил не внешний доступ к Палатке, а поведение Насти и Любы, которые вели себя так, словно происходящее – не более чем рутина. Они лишь кратко и многозначительно переглянулись, поделив между собой неизвестное остальным заключением.

– Живые были? – Оскар задал этот вопрос, заведомо ожидая отрицательного ответа.

– Нет. Гибель главнокомандующего зафиксирована официально. Извини.

Рода взяла его за руку, поддерживая в момент заключения гибели его отца, пережить который ему было проще, загрузив мысли не менее важными вопросами:

– Так, а ты передала Опусу все то, что мы тут видели, чем занимались? Они информированы об угрозе?

– Гаскоин вернулся с вашей планеты еще до того, как этот Варвар появился. На пути к Опусу каждый должен будет составить подробный отчет о происходящем здесь! На Кому путь закрыт, таков протокол безопасности. Как только темная сторона Целестина обернется, появится шанс выйти на связь с Опусом.

– Изабелла?

– Лорн.

– Ты сама-то как?

После долгого молчания заботливого интереса Лорна она ответила пусть и холодно, но все слышали крупницы благодарности от беспокойства за ее жизнь:

– Я в порядке. Устала. Пора бы заканчивать здесь.

Настя спокойно приготовила оборудование для анализа крови. Рода, Оскар и Лорн переглянулись с молчаливым принятием заморозки темы мести Бэккеру на фоне куда более серьезной проблемы с возросшими рисками для них всех, да и было ясно, что новая попытка разжечь конфликт заденет и остальных. Все сдали образец крови без проблем, а у Бэккера Лорн взял ее через систему контроля жизнеобеспечения. Осталась лишь Люба, на очереди которой внезапно случился застой: она долго смотрела на иглу, будто бы боясь ее, но, взглянув на Настю, увидела честную, неприкрытую поддержку и заботу новоиспеченной подруги, придавшую сил и чувства общности. Люба знала, что появление ее образца крови в общей базе чревато последствиями, но, более не чувствуя себя одинокой, особенно на пороге чего-то нового, она не боялась того, что с большой вероятностью ждет ее на Опусе.

Анализ крови дважды показал отрицательный результат, снабдив Изабеллу приемлемой уверенностью для вразумительного диалога.

– Надо поговорить. Выходим.

После этих внушительных слов Изабелла сняла блокировку Палатки. Оскар хромал, опираясь на Роду, нога его была обмотана герметичным биндом. Сам факт требования выйти наружу был их вызовом со стороны Изабеллы, доказывающей ей их волю к переговорам. Уже в метрах пяти от Палатки Оскар и Рода остановились, Люба и Настя были чуть в стороне. Изабелла же умудрилась стоять в паре метров перед ними, спиной к полю боя. Она осмотрела Оскара и Роду, анализируя их поведение, явно видя в этих двоих главную угрозу.

– Следующие действия такие: мы погружаем Бэккера на корабль, сами занимаем места, после чего спокойно, без посягательств на жизни друг друга летим на Опус.

– Оставь меня и Роду на Коме. – Оскар неприкрыто требовал. – Нечего нам делать в столице, лучше поможем выжившим. Я думаю, Опусу плевать на наши имена и звания, но на Коме мы имеем авторитет, который поможет объединить разрозненных. Думаю, столица будет лишь рада, если...

– Не будет! Потому что прямо сейчас туда летит сотня тысяч монолитовцев – беженцев, как раз тех самых, для кого вы, может быть, авторитет.

– Вряд ли с ними что-то случится в столице, в отличие от тех, кто остался на Коме.

– Оскар, ты правда считаешь, что там будут рады твоему народу? А сам этот народ точно воспримет новые для них порядки в должном свете? Насколько известно мне, уже навстречу летят не только специалисты поддержки для беженцев, но и группа зачистки Комы, чтобы разобраться с вашим врагом, лишившим Опус поставок ископаемых ресурсов. Я вижу для тебя, Рода и Любы только один верный выход – дать вашему народу надежду на скорое возвращение домой, потому что ни им, ни нам обитать на одной планете будет очень непросто в общем контексте.

Рода и Оскар переглянулись, принимая единое решение согласиться с этим опрометчивым планом из-за убедительности Изабеллы.

– Хорошо, – сказал Рода, – но мы должны вернуть людей на Кому сразу же, например в Тишь. Это здание тюрьмы, крепкое и надежное. И не говори нам насчет какого-то там вируса – все живы, как видишь, если там что-то и есть, то, лишь увидев своими глазами, мы примем это к сведению.

– Ты наверняка понимаешь наше беспокойство по вопросу свободы.

– Понимаю. Но и вы поймите, что я не могу дать гарантии.

– Гарантируй, что поддержишь наше решение, когда придет время очередной дискуссии с Опусом. – Оскар был упрямым, к чему добавлялась и непреклонность Роды.

– С нашей стороны даем гарантию, что Лорн и Бэккер останутся в живых.

Изабелла долго смотрела на них, не видя и грамма навязанной манипуляции в этих прямых доводах и честных мотивах Оскара и Роды. Стоящие позади Настя и Люба будто бы стали теньями, непринужденно существующими в безмятежном моменте.

– Вы согласны с ними? Думаю, Архиепископ Наставления будет нелишним.

Оскар и Рода сами желали узнать их позицию, и лишь после затянувшегося ожидания Люба сказала с некоторым смирением:

– Я не лягу в криокамеру. Хочу наблюдать весь путь до колонистов. На месте решим, как будет лучше для них.

Настя кратко кивнула в поддержку слов Любы, стоя рядом с ней не только для поддержки, но и будто бы защищая. Рода и Оскар вновь познали исходящий от пропадающих всю битву таинственный осадок сильных перемен в Насте и Любе.

– Не хочу показаться параноиком, – заговорила Изабелла, показав перед ними пистолет, аналогичный тому, что сейчас у Лорна, – но право недоверия у меня обоснованно. Попробуете обмануть или что-то учудить – церемониться не буду. Мы с Лорном здесь главные, надеюсь, все уяснили, заведо-

мо осадив любую инициативу. У меня есть все полномочия сделать с вами что угодно при угрозе жизни. Это для монолитовцев имя Козырева и Дикисяна не пустой звук, зарубите себе на носу этот факт!

– Высокомерие тебе не к лицу! – воспитательно произнес Оскар.

Изабелла ничего на это не сказала, среагировав лишь кратким взглядом мрачных глаз с суровым лицом. А потом всех объединило столь же простое, сколь бодрящее явление – лучи света разгоняли тьму пронизывая ее насквозь, раскрывая для них всех истинный вид поверхности Целестина. Прямо за транспортом начинался восход вместе с отнимающей пространство Комой, выглядывающей немного слева от источника белого света, чьи прямые лучи сталкивались с защищающими людей шлемами и скафандрами. Этот рассвет ознаменовал начало нового дня, ровно сутки назад они поставили Палатку, даже не представляя, как все закончится. Варвар должен был появиться на рассвете, сейчас, в этот самый миг – но все, как и всегда, пошло не по плану. Они так стоят и стоят, окутываемые светом ИМБа и впечатленные Комой, увлеченные этим видом достаточно, чтобы хоть немного расслабиться и познать мелочность самих себя на фоне грандиозного пейзажа.

Уже идя к транспорту, все украдкой заметили справа от них появившихся Петю и Варвара, фрагмент их драки длился секунды три, после чего они вновь исчезли. Это бы-

ло странное напоминание прошлого, чьи корни умудрились прорасти сквозь время, напоследок доказав свое существование, забыть которое никто уже никогда не сможет. Это было столь же странно в момент, сколь обыденно уже через несколько минут. В каком-то смысле это породило странные крупницы надежды на что-то произвольное, словно ставить точку в истории не обязательно. Об этом по-разному подумали и приняли все, кроме Любы и Насти. В них двоих это сыграло в обратную сторону – пронзающий страх с отвратительным презрением в адрес тех событий и этого послесловия. Они словно умерли и воскресли, вернувшись к изначальным координатам слишком другими людьми... настолько другими, что и сами не совсем понимают, кем ныне являются... Но точно знают, что нынешний вариант достаточно стабильный для опоры. И это было то, что давало им сил, – новые углы восприятия, изучить которые будет значительно приятней, интересней и попросту важней, нежели болтаться в одном и том же узле последних дней для одной и целой жизни для другой.

– Спасибо.

Люба удивилась Настиной благодарности скорее не из-за искренности, а по причине неожиданности сказанного.

– Что бы ты ни думала, я больше не злюсь на тебя. Думаю, на твоём месте я бы принимала аналогичные решения. Да я ведь почти и встала на твоё место. Ты хороший человек, Люба, и я честно считаю, что ты заслуживаешь быть обыч-

ным человеком. Мы обе заслуживаем. Заслуживаем свою маленькую жизнь. И думаю, что у меня теперь появился еще один друг, который, надеюсь, обратится ко мне за помощью в трудный час.

Люба не ожидала такой доброй искренности, ее тронули эти слова столь сильно, сколь ей самой захотелось сказать в ответ нечто подобное. Но, переполненная эмоциями, она смогла лишь искренне улыбнуться, подкрепляя благодарственным взглядом.

– Кажется, я уже привыкла к тому, что Наставление трактовало буквальную истину... Когда коснешься воли бога, то как-то все иначе становится... появляется смысл больший чем можно понять простой мыслью... «Слово свидетеля нуждается в слушателе столь же, сколь слушатель заслуживает наставления на будущее не в ущерб настоящему». И я еще думаю, что когда-нибудь расспрошу тебя насчет того... раз есть Мать – божество, создавшее людей, значит есть и Отец, которого ни ты, ни Оцелот почему-то ни разу не упоминали... Видимо есть причина. – Настя скромно улыбнулась, решив отложить этот вопрос на потом из-за желания не пачкать мирный момент новыми откровениями. – Полетели домой. – Сказав это, она с легкостью в мыслях и покоем в сердце пошла к остальным, уже забравшимся в звездолет. Люба же промедлила, поскольку эти слова вызвали легкое огорчение от известного ей факта, который она чуть не произнесла вслух, решив укрыть это по аналогичным Настиным

причинам – из-за желания встретить новый день без излишнего контекста. «Опус – не наш дом», – прокручивалось у нее в голове еще некоторое время, пока она шла к звездолету под лучами красивейшего восхода, знаменующего начало нового дня.

Продолжение следует...